ISSN 1025-7225

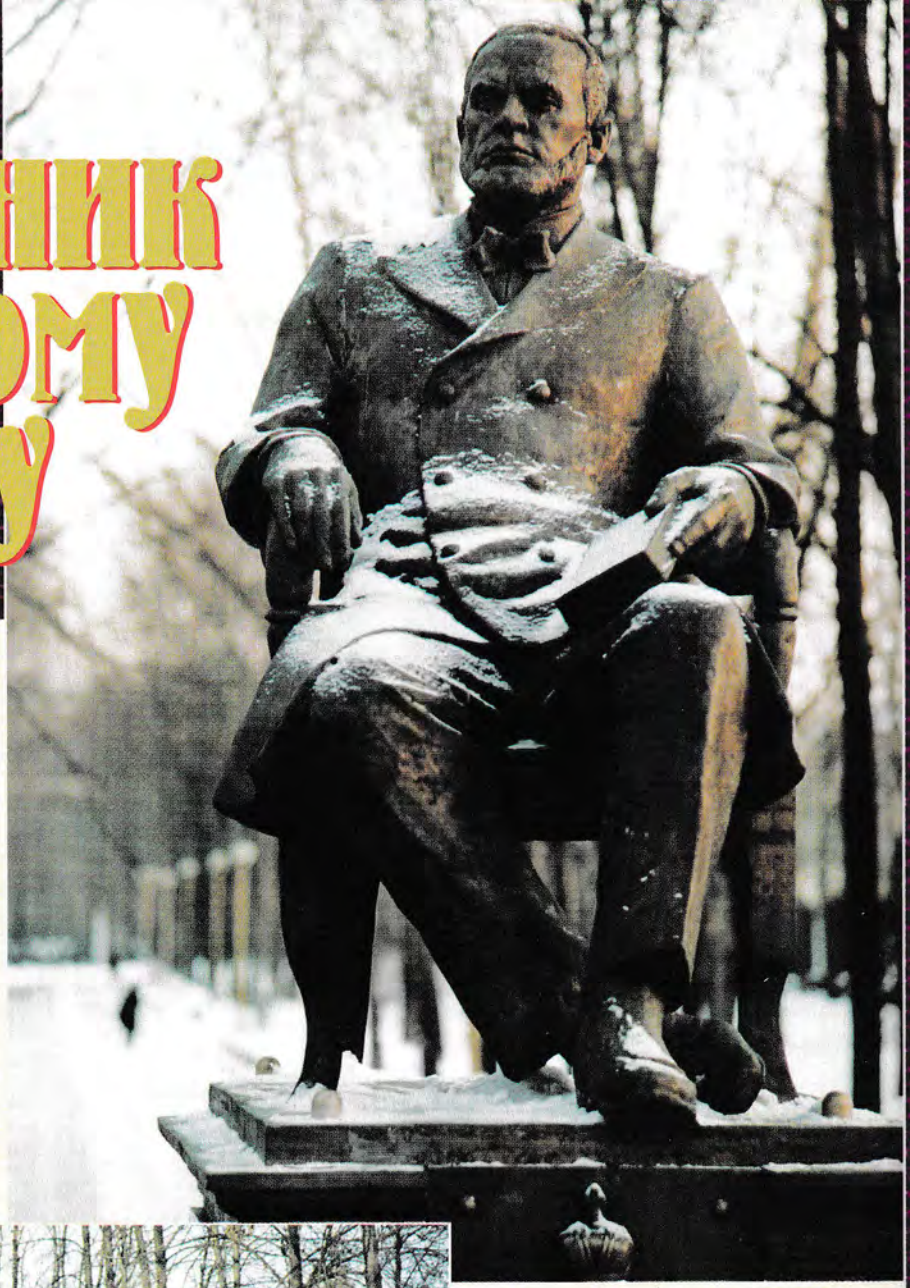
РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

№1, 1999

Ален де ля БРЕТЕШ: "В сегодняшней России есть все, чтобы возвысить свою адвокатуру"

Читайте на стр. 14–15:

Памятник великому юристу



В Москве, на территории парка МГУ, состоялось торжественное открытие памятника великому русскому юристу-реформатору Анатолию Федоровичу Кони (1844–1927). Его авторы – известный скульптор Александр Семынин и архитектор Александр Великанов. Памятник был задуман еще пять лет назад, тогда же начался сбор народных средств. Свой вклад в финансирование проекта внесла и Гильдия российских адвокатов. И вот теперь бронзовый монумент на цельном гранитном камне встречает студентов и преподавателей университета, напоминая, что юный Кони получил юридическое образование именно в этом учебном заведении.

Первый в нашем Отечестве памятник великому юристу (и юристам вообще) открыли министр юстиции РФ Павел Крашенинников, ректор МГУ Виктор Садовничий и первый заместитель министра культуры РФ Наталья Дементьева. На торжестве присутствовали представители высших судебных органов страны, столичного правительства, Российской академии художеств, юридической общественности, студенты.

Фоторепортаж
Натальи ЛЬВОВОЙ

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1995 г.
Выходит один раз в два месяца

Учредитель – **ГИЛЬДИЯ РОССИЙСКИХ АДВОКАТОВ**

Редакционный совет

Г.Б. МИРЗОЕВ, председатель редакционного совета, президент Гильдии российских адвокатов

В.С. ИГОНИН, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов

В.Я. ЗАЛМАНОВ, председатель президиума Межтерриториальной коллегии адвокатов

Д.А. КЕРИМОВ, член-корреспондент Российской академии наук

Н.Н. КЛЕН, председатель президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов

П.В. КРАШЕНИННИКОВ, министр юстиции РФ

О.Е. КУТАФИН, ректор Московской государственной юридической академии

М.А. МИТЮКОВ, полномочный представитель Президента России в Конституционном суде РФ

Г.М. РЕЗНИК, заместитель председателя редакционного совета, председатель президиума Московской городской коллегии адвокатов

Б.С. САЛЮКОВ, начальник Управления юстиции г. Москвы

С.В. СТЕПАШИН, министр внутренних дел РФ

В.Г. СТРЕКОЗОВ, член Конституционного суда РФ

А.И. ТИХЕНКО, президент Федеральной нотариальной палаты

С.В. ЯСТРЖЕМБСКИЙ, заместитель премьера правительства г. Москвы

Главный редактор

Р.А.ЗВЯГЕЛЬСКИЙ, вице-президент Гильдии российских адвокатов

Редколлегия

П.Д. БАРЕНБОЙМ, вице-президент Международного союза адвокатов

В.В. ВИТРЯНСКИЙ, заместитель председателя Высшего арбитражного суда РФ

М.П. ВЫШИНСКИЙ, президент Международной ассоциации правоведов «Юристы – деловому миру»

Н.К. ДОРИЗО, поэт, лауреат Государственной премии России

Ю.А. ЕФИМОВ, член президиума Московской областной коллегии адвокатов

А.Г. ЗВЯГИНЦЕВ, старший помощник Генерального прокурора РФ

Ю.А. КОСТАНОВ, председатель президиума коллегии адвокатов «Адвокатская палата»

В.Н. КУДРЯВЦЕВ, вице-президент Российской академии наук

С.М. ЛИНОВИЧ, генеральный директор АО «Московские учебники»

В.И. РАДЧЕНКО, первый заместитель председателя Верховного суда РФ

М.М. РАССОЛОВ, заведующий кафедрой правовой информатики Московской государственной юридической академии

В.М. САВИЦКИЙ, заведующий сектором Института государства и права РАН

В.П.СЕЛЕДКИН, заместитель главного редактора

И.Ю. СУХАРЕВ, начальник отдела Министерства юстиции РФ

Журнал зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство №013485

Наш адрес в Internet:
www.angelfire.com/biz2/ruslawyer

Адрес редакции

107120, Москва,
М.Полуярославский пер., 3/5.
Тел.: (095) 917-7546;
Факс: (095) 975-2416.

В НОМЕРЕ: **№ 1, 1999**

Павел Крашенинников:
«Жить нужно по Закону» 4

Георгий Воскресенский
На прочных устоях традиций 8

Борис Курицкий
Из «коммуналки» в «замок грез»? 10

Игорь Вашкевич
Второе «я» академика 12

Ален де ля Бретеш
Независимость – кредо нашей профессии 14

Михаил Розенталь
Момент истины 16

Виктория Богомолова
«А не стать ли мне адвокатом?» 18

Владимир Аристов
Не остаться бы нам без будущего... 20

Эдвард Мартиросян
Судья разбушевался... 22

Михаил Гофштейн
И мастерство, и вдохновенье 23

Александр Паулов,
Владимир Селедкин
В июне короткие зори... 32

Благотворительность в России: вчера, сегодня, завтра 36

Юрий Теплов
Большая разборка 40

Наша обложка:
Председатель Коллегии адвокатов Парижа Ален де ля БРЕТЕШ

Фото Рудольфа Рязанова

Павел Крашенинников: «Жить нужно по Закону» стр. 4–7

«Без адвокатуры невозможно свершить справедливое правосудие.»

Михаил Гофштейн «И мастерство, и вдохновенье»

«В глазах собравшихся читалась откровенная враждебность не только к залетному воришке, но и ко мне...» стр. 23–26

Александр Паулов, Владимир Селедкин «В июне короткие зори...»

«Когда стреляют в адвокатов – это стреляют во всех нас.»

стр. 32–34

Редакторская колонка

Возьмемся за руки...

Слова друга нашего журнала Булата Шалвовича Окуджавы приходится вспоминать довольно часто, оглядываясь на прожитый год. «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Поэт очень точно определил полифонию сегодняшнего дня. И потому мы в «Российском адвокате» так много писали о негативных явлениях, происходящих вокруг личности адвоката. Из разных уголков России – Владивостока и Краснодара, Самары и Чебоксар, Санкт-Петербурга и Орла – поступают тревожные вести о всевозможных «наездах» на защитников. Под видом борьбы с преступностью люди в масках, вооруженные автоматами и дубинками, не имея санкции прокурора, врываются в юридические консультации и обходятся с адвокатами, как с отъявленными бандитами: ставят к стенке, бросают на пол, избивают, изымают конфиденциальные документы...

Когда-то в криминальном мире был закон: при любых обстоятельствах врача и адвоката не трогать. Сейчас «правила игры» резко изменились.

Иван Сергеевич Вдовин, заведующий юридической консультацией «Тольятти-адвокат», приезжая по делам в Москву, обязательно заходил к нам в редакцию. В последний свой приезд он рассказал о невиновности своего подзащитного и очень надеялся доказать это в суде.

Буквально через пару недель после той встречи на людной тольяттинской улице восемью выстрелами Ваня был убит. Естественно, убийца не найден и по сей день. Боль разрывает душу – кому помешал чистый и честный парень? Хочется горько пошутить: «Не стреляйте в адвоката, у него такая планида – Защитник».

Экономический кризис нанес ощутимый удар по всем периодическим изданиям. Многих из них вы уже не увидите во всевозможных каталогах, на книжных развалах и в киосках. Они погибли. «Российский адвокат» выстоял благодаря вам, дорогие друзья. С помощью тех, кто посчитал, что в это трудное время никак нельзя расставаться со своим изданием. Особо хочу поблагодарить Александра Дмитриевича Суханова, президента некоммерческого благотворительного фонда «Попечитель», Сергея Сергеевича Юрьева, председателя президиума коллегии адвокатов «Межрегион», Виктора Александровича Аксинина, предпринимателя из Находки, полковника Николая Сергеевича Паневина, начальника колонии из города Вязники, а также юридические консультации: «Самара-адвокат» (заведующий – А. Паулов), «Центральная» (Г. Лангтон), «Мир» (А. Замота), «Правовая защита» (Э. Мюллер), «Норма» (Л. Савельева), «Сочи» (С. Мязин), «Юринфлот» (С. Кондрашин), «Адвокатское бюро «Курицкий и партнеры» (Б. Курицкий), «Московский адвокат» (А. Главнов), «Щит» (Д. Редькин), «Адвокатское бюро «Мирзоев и партнеры» (Т. Хованская). Наша искренняя признательность генеральному директору АО «Московские учебники и Картолитография» Семену Матвеевичу Линовичу и его коллективу.

Как и прежде, ни одно письмо, телеграмма, звонок в редакцию не останутся без внимания моих коллег. «Российский адвокат» придет на помощь и подставит свое надежное плечо.

От всей души желаю нашим читателям счастья в новом году. Вместе – мы сила. Так возьмемся за руки, друзья!

Главный редактор
журнала «Российский адвокат» Р. А. Звягельский

В канун нового года состоялась встреча министра внутренних дел Российской Федерации С. В. Степашина с руководителями крупнейших адвокатских объединений страны.

ПО-НОВОМУ СТРОИТЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Открывая встречу, С. В. Степашин отметил, что она вызвана стремлением Министерства внутренних дел России по-новому построить отношения с юридической общественностью, чтобы полнее объединить усилия по защите прав человека, борьбе с преступностью, беззаконием, произволом. И одно из центральных мест принадлежит здесь российской адвокатуре как важнейшему общественному институту, призванному решать сложные и ответственные задачи по построению подлинно цивилизованного правового государства. С этой точки зрения, подчеркнул министр внутренних дел, для него лично и для всего руководства министерства представляется очень ценной возможность по-деловому, конкретно обсудить наиболее актуальные проблемы профессиональной адвокатской деятельности, выслушать мнения, предложения адвокатов по дальнейшему совершенствованию их работы, выявлению причин, которые осложняют выполнение ими своих профессиональных обязанностей.

Пришло время, заявил С. В. Степашин, сломать стереотипы, сложившиеся вокруг адвокатуры и органов МВД, когда они представлены только как противоборствующие стороны. Пора по-новому выстроить систему их взаимоотношений, чтобы они как можно точнее отвечали сегодняшним реалиям, которые за последнее время претерпели глубокие качественные изменения.

В своем выступлении президент Гильдии российских адвокатов Г. Б. Мирзоев еще раз обратил внимание на серьезность задачи по обеспечению конституционного права наших сограждан на квалифицированную юридическую помощь. И это в первую очередь связано с отношением государства, его властных структур, всего общества к тем вопросам, которые определяют сегодня возможности самих адвокатов по успешному выполнению ими своего профессионального долга. Г. Б. Мирзоев выразил надежду, что состоявшийся разговор поможет найти путь к решению наиболее острых проблем жизни и повседневной деятельности российских адвокатов.

Об отношении к адвокату говорил и вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов М. А. Гофштейн. Он напомнил, что терпимость к адвокату, уважение к его профессии должны быть на первом месте в шкале общественных ценностей. Факты нарушений прав адвокатов привел член Московской городской коллегии адвокатов Г. П. Падва. Недопустимо, сказал он, такое положение, когда защитников преследуют за сохранение ими адвокатской тайны, незаконно вторгаются в их профессиональную деятельность.

Председатель президиума Московской городской коллегии адвокатов Г. М. Резник высказал тревогу по поводу существования под одной крышей двух таких фактически разных направлений, как оперативная работа и следствие. Он предложил обобщить факты процессуальных нарушений при следствии, которое проводят представители органов внутренних дел, чтобы иметь здесь возможно более полную картину происходящих процессов. Необходимо провести совещание или конференцию, сказал председатель президиума Московской областной коллегии адвокатов А. П. Галоганов, где представители МВД и адвокатуры выслушали бы друг друга, постарались глубже понять проблемы, которые волнуют каждую сторону. О пагубности судебной карательной практики говорил председатель президиума московской городской коллегии адвокатов «Адвокатская палата» Ю. А. Костанов.

В заключение собравшиеся выразили готовность продолжать и далее подобные встречи.

Наш корр.
Фото Захара РОМАНОВА

Павел КРАШЕНИННИКОВ:

Фото Захара РОМАНОВА

Беседа главного редактора журнала «Российский адвокат» Р. А. Звягельского с министром юстиции РФ П. В. Крашенинниковым

– Павел Владимирович, наша бурная жизнь такова, что недавно вами в правительство внесен проект закона «О противодействии политическому экстремизму». Он будет обсужден и отправлен в Государственную Думу для рассмотрения. Какие основные пункты вы бы выделили?

– Хочу сказать, что есть отдельные статьи в Конституции России, в Уголовном кодексе, но системообразующего федерального закона по этой тематике нет. В подготовленном тексте дается формулировка политического экстремизма, формы и методы, ему противодействующие. Считаю необходимым напомнить, что несколько раньше этот законопроект уже рассматривался на Комиссии по противодействию политическому экстремизму. Мы доработали его с учетом высказанных пожеланий и замечаний Минюста, Генеральной прокуратуры, МВД и ФСБ.

Что здесь нового, чего не было раньше? Если говорить о термине «политический экстремизм», то сейчас дается четкое определение действий, ведущих к разжиганию национальной или религиозной розни либо к насильственному изменению конституционного строя, и, соответственно, есть критерий, какие партии или общественные движения можно относить к экстремистским. Закон не станет основанием для преследований по политическим мотивам. В существующем Законе об общественных объединениях есть институт ликвидации юридического лица. И только. Мы же предлагаем новую норму: после того, как юридическое лицо перестает существовать, а представители конкретного объединения продолжают проводить экстремистскую линию, они могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Также в проекте закона предусматривается форма регулирования – институт присоединения к заявлению представителя партии или дезавуирования. Что имеется в виду? Мы знаем много случаев, когда один из членов той или иной партии выступает с экстремистскими заявлениями (небезызвестный отставной генерал Макашов), при этом сейчас нет такого механизма, как волеизъявление по этому поводу конкретной партии. В частности – КПРФ. Посему, если будет принят этот закон, партия должна либо присоединиться к заявлению своего товарища, либо объявить, что это частное мнение конкретного лица.

– Просто отмолчаться будет нельзя?

– Конечно.

– В данном случае Министерство юстиции должно обращаться к руководству партии с предложением прокомментировать высказывания своего члена?

– И, соответственно, следуют разные правовые последствия. Если будет присоединение, то ответственность налагается на всю партию. Но если партия говорит, что это не наша позиция, к ответственности привлекается конкретное частное лицо.

– Естественно, возникнет необходимость внесения поправок сразу в административный и в уголовный кодексы?

– Да, мы все подготовили.

– Каков прогноз прохождения этого законопроекта?

– Думаю, что в правительстве он не задержится, поскольку все участвовали в его разработке. Что касается Думы, то судьба его непредсказуема и достаточно сложна. Ибо многие воспримут этот проект в штыки. Очень надеюсь на благоразумие наших народных избранников.

«Жить нужно по Закону»

– На последних выборах в законодательное собрание Санкт-Петербурга мы наблюдали активное желание криминала проникнуть во власть. Известно, что на заседании кабинета правительства рассматривались вопросы, связанные с избирательным законодательством. Что нового в этой области?

– Те поправки, которые вносятся в статью о статусе депутата, достаточно демократические, и мы их оцениваем с точки зрения норм международного права. Речь идет о том, что, когда регистрируется кандидат в депутаты, наряду с теми сведениями, которые уже предусмотрены законодательством, он должен предоставить информацию о имущественном положении, доходах и недвижимости. О судимости. Кроме того – о наличии или отсутствии психического заболевания либо заболевания, связанного с употреблением алкоголя. Эти три составляющие обязательно должны быть во всех агитационных документах с тем, чтобы избиратели четко себе представляли, с кем имеют дело.

– Как вы считаете, какие-то существующие партии или движения подпадут под этот документ, когда он примет силу закона?

– Запрещения или какие-то иные формы воздействия будут приниматься судебными органами. Конечно, представлять будут либо Минюст, либо Генпрокуратура, либо иные компетентные органы, но окончательное решение останется за судом. Я бы сейчас не хотел говорить о том, что конкретно какая-то партия или общественное объединение уже завтра будет привлечена к ответственности. Закон делается не для того, чтобы кого-то наказать, а чтобы урегулировать те или иные правоотношения. Поэтому он в равной мере может быть применен как к правым, так и к левым, если те будут допускать какие-то экстремистские высказывания или действия. К примеру, как это прозвучало из уст Макашова, Кондратенко, Коха... Независимо от политической окраски закон может быть применен к каждому из них.

– Недавно вы заявили, что хотите пригласить для разговора губернатора Краснодарского края Николая Кондратенко. Как это будет выглядеть?

– Сниму трубку, позвоню и предложу встретиться, как только он будет в Москве. Есть много сигналов, что губернатор не раз допускал экстремистские высказывания. Буду беседовать с ним не как министр юстиции России, а как координатор Комиссии по противодействию политическому экстремизму. Очень надеюсь, что этот разговор даст положительные результаты.

–Трудно сказать, когда сей закон будет принят, но и в нынешнем Уголовном кодексе есть статьи 239, 280, 282, дающие возможность противодействовать экстремизму. Вы помните хотя бы один случай, когда было возбуждено дело по этим статьям?

– Это прерогатива Генпрокуратуры и ФСБ. Мы же можем только отказать в регистрации партии или организации, а после вынесения двух предупреждений обратиться в суд с иском о приостановлении деятельности этого объединения. В частности, отказано в регистрации РНЕ, «Коловрату», «Гамаюну», Национал-большевистской партии Эдуарда Лимонова. В плане оперативной работы мы рассмотрели вопрос о состоянии следственной и судебной практики, связанной с проявлением экстремизма.

– Правительство объявило преступникам войну. Сначала глава МВД С. Степашин на заседании кабинета министров, представляя программу мер по усилению борьбы с преступностью и коррупцией, заявил, что ее цель – ликвидация преступных групп, в том числе и физическая. Вслед за министром премьер Примаков тоже крепко сказал: «Идет борьба с коррупцией не на жизнь, а на смерть».

Понять Сергея Владимировича и Евгения Максимовича можно – сейчас криминал правит бал. Но за эмоциональными высказываниями уважаемых членов правительства должна стать четкая правовая база. Ибо как совместить физическое устранение, пусть даже преступника, с нашими обязательствами перед Советом Европы о запрещении смертной казни?

– Речь идет об уничтожении преступности как таковой. Естественно, в это понятие вкладываются те меры, которые предусмотрены законом. Ни в коем случае речь не идет о том, чтобы повально отстреливать кого бы то ни было. Искоренять это зло будем только с помощью тех средств, что имеются в федеральных актах.

– Значит, самосуд отменяется?

– Самосуд не предусматривается.

– В минувшем году уголовно-исполнительная система из подчинения МВД перешла в «епархию» Министерства юстиции. Учитывая различные трудности, следует признаться, что не лучшее наследство вам досталось. По роду своей журналистской деятельности мне довольно часто доводится бывать в зонах, встречаться с сотрудниками, надзирающими за исполнением наказания. Многие из них выражали тревогу в связи с этой реорганизацией и беспокоились, дабы не рухнула отлаженная система. Как, выстояли?

– Передача произошла в августе прошлого года. Были некоторые опасения по поводу того, что возможен отток сотрудников, но, к счастью, этого не произошло – нам удалось

сохранить все льготы, гарантии, звания, форму... Сейчас обстановка достаточно стабильная, и наша задача провести реформу пенитенциарной системы, чтобы огромное количество наших сограждан там не находилось. А если человек и оказался за колючей проволокой, то не должен подвергаться насилию либо заболеванию. Мы очень хотим придать этой системе человеческое лицо.

Пользуясь возможностью, я бы хотел через уважаемый журнал «Российский адвокат» поблагодарить сотрудников всех колоний и следственных изоляторов за то, что в нынешнее сложное время во многом только благодаря их находчивости и усердию лишенные свободы не умирают с голоду, получают медицинское обслуживание, свидания, посылки, могут трудиться и зарабатывать деньги.

– Прошел слух, будто готовится очередная амнистия и цифра довольно внушительная – 100 тысяч человек.

– 115.

– Что за контингент выйдет на свободу? Видимо, участники войны, престарелые, инвалиды, женщины...

– Нет, мы не рассматриваем их по категориям, хотя это тоже имеет существенное значение. Мы предлагаем амнистировать лиц, которые совершили нетяжкие преступления и особенно неумышленные. Говоря простым языком, хотим дать свободу людям, не представляющим общественной опасности.

– Будем откровенны, содержание подследственных в нынешних СИЗО – это пытка. В ожидании суда они томятся в нечеловеческих условиях при колоссальной нехватке продуктов питания, медикаментов, камеры переполнены, антисанитария... Не следует ли, на ваш взгляд, в изоляторах содержать только людей, представляющих опасность для общества? С остальных же, при внесении крупного залога, брать подписку о невыезде. К примеру, в чем была необходимость продержать длительное время в «Лефортово» бывшего Генерального прокурора Алексея Илюшенко, где он заболел тяжелой формой туберкулеза, а затем был выпущен под ту же подписку?

– Я с вами полностью согласен. Более того, Минюст внес в правительство поправку в Уголовно-процессуальный кодекс, где предусматривается, если за совершенное преступление человеку грозит не более двух лет, на него не должна распространяться такая мера пресечения, как взятие под стражу. В этой норме нет никакой политической окраски, поэтому вполне уверен, что поправка пройдет в парламенте.

– На предварительном следствии и дознании установлен четкий порядок, при котором сроки могут быть продлены. Что же касается содержания под стражей подсудимых – полная вакханалия. Как соотносится с правами человека и международными правовыми актами отсутствие в российском законодательстве ограничения срока содержания под стражей лиц, числящихся за судами?

– Вот в этих же поправках к УПК мы предлагаем установить срок нахождения под судом – до года. По тяжким преступлениям – чуть больше.

– Заболеваемость туберкулезом в местах лишения свободы по России носит характер эпидемии, заявил на «круглом столе» в Совете Федерации ваш заместитель Юрий Иванович Калинин. Была приведена устрашающая статистика – туберкулезом в тюрьмах и колониях больны 70 тысяч заключенных, или каждый десятый. С 1977 года заболеваемость возросла на 19,5 процента. Я понимаю, вы юрист, а не эпидемиолог, и все же, какие меры вы собираетесь предпринять?

– Эта проблема достаточно серьезная, и ее можно решить только коллегиально. Во-первых, будем стараться создавать специальные колонии для больных туберкулезом – нельзя вместе держать здоровых и больных людей. Необходимо признать, во многом рассадником является большая переуплотненность. Во-вторых, явно недостает субсидий, чтобы улучшить бытовые условия, на более высоком уровне организовать медицинское обслуживание. Арифметика тут проста: чем народа в зоне больше, тем меньше денег приходится на каждого сидельца.

– В свое время от сотрудников Главного управления исполнения наказаний слышал, что всех больных туберкулезом следует перевести в лесные зоны. Там, мол, чистый воздух...

– Мы сейчас стараемся под эти цели использовать военные городки, которые высвобождаются вследствие сокращения армии. Изучаем и тот вариант, о котором вы сказали выше. Хочу, чтобы читателям журнала было ясно: проблемы, что скопились за многие годы, одним махом не решишь. Необходима длительная, кропотливая и целенаправленная работа. И, конечно же, финансирование. Сейчас довольно часто на наших телеэкранах можно видеть фильмы, рассказывающие о жизни заключенных в западных тюрьмах. В камере содержится по одному или по два человека, отличное медицинское обслуживание, разнообразная еда... Для любого иностранца, преступившего закон, главное наказание – лишение свободы. У нас же, кроме всего прочего, находясь в колонии или следственном изоляторе, многие еще «зарабатывают» тяжелые формы болезни. Это очень печально и недопустимо. В меру нам отпущенного будем всячески с этим бороться. В первую очередь внесем поправки в соответствующий закон.

– Законотворческая работа является одной из важнейших функций жизни государства. Не следует ли, Павел Владимирович, Министерству юстиции участвовать в разработке или хотя бы давать заключения по всем законопроектам, вырабатываемым Государственной Думой?

– Собственно, мы это уже делаем. Совсем недавно стал представлять правительство в Думе заместитель министра юстиции Геннадий Павлович Батанов. Сейчас на наше ведомство возложены обязанности представлять правительство не только в парламенте, но и в Конституционном суде. Поэтому каждый рожденный в Госдуме законопроект обязательно проходит и через этих людей.

– Я представляю адвокатское сообщество, посему самое время коснуться проблем, волнующих этих людей. В частности, мы говорим, в стране идет судебная реформа, но почему-то ни в одном документе не упоминается о роли и месте адвокатуры. Кстати, как вы относитесь к этому правовому институту?

– Адвокатура – это публичная юридическая деятельность, очень важная для государства. Без адвокатуры невозможно свершить справедливое правосудие. Поэтому оцениваю этот институт очень высоко. Трудно сказать, кто в процессе важнее – прокурор или адвокат. Главным торжеством их работы должна быть только Справедливость. Прошло время, когда личность адвоката была фигурой чисто декоративной. Это в годы Вышинского адвокат, как правило, начинал свою защитительную речь словами: «Уважаемый товарищ председательствующий! Я знаю, что мой подзащитный виновен, но прошу...»

Все это давно кануло в Лету. Сегодня адвокат – равноправный участник состязания в судебном процессе. Кстати, совсем недавно, когда в правительстве обсуждалась роль судебных приставов, поднимался и вопрос создания института государственных адвокатов.

– Это что-то новое. Поясните, пожалуйста.

– Речь идет о тех юристах, которые будут представлять в судах интересы государства. То есть когда правительство будет выступать либо истцом, либо ответчиком. Это не значит, что кабинет министров решил «приватизировать» защитников. Адвокатура по-прежнему остается независимой, самоуправляемой, самофинансируемой, объединенной на профессиональной основе. Здесь же предполагается группа адвокатов, состоящая на «государевой» службе и получающая зарплату из бюджета.

– Когда начнет функционировать этот институт?

– Пока все в стадии обсуждения. За рубежом, в частности в Америке, есть такие службы, а как будет у нас – покажет время.

– Коль мы вспомнили зарубежную практику, напрашивается вопрос, как вы смотрите на то, чтобы наш российский адвокат, как это происходит во многих странах, мог вести параллельное расследование по делу, а не только представлять документы в интересах своего подзащитного?

– Все упирается в новый Закон об адвокатуре, в котором должен быть четко прописан статус адвоката. К сожалению, этот проект уже много лет находится в Государственной Думе. Прошел первое чтение, а затем был отправлен на доработку. Мне думается, что новый закон не только в руках законодателей, но и самих адвокатов. Ибо одни предлагают один вариант, другие – иной. Нужно уметь договариваться, чтобы закон устроил все стороны как из традиционной, так и новой адвокатуры. И не важно, сколько коллегий будет в субъекте Федерации. Главное, чтобы этот закон был в интересах гражданина России.

– Известно, адвокат не может быть допрошен об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением обязанностей защитника (п.1 ч.2 ст.72 УПК РСФСР). А представитель физического или юридического лица в суде? Ведь его отношения с доверителем также строятся на принципах конфиденциальности. Недавно против адвокатов юрконсультации «Юринфлот» были предприняты противоправные действия со стороны районной прокуратуры, которая отрядила вооруженный СОБР для обыска и допроса защитников, участвующих в гражданском процессе по судебному делу в защиту своего доверителя. Как вы расцениваете такую позицию следственных органов?

– К сожалению, подобных сигналов много, о чем свидетельствуют письма в наше министерство. У нас есть отдел по вопросам адвокатуры, который старается ни один случай ущемления прав адвокатов не оставить без внимания. Как правило, эти факты становятся предметом тщательного изучения и работниками Генеральной прокуратуры.

– Вот совсем свежий случай. От председателя президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов Николая Наумовича Клена поступила информация о нарушении должностными лицами правоохранительных органов Республики Коми действующего законодательства о праве гражданина на получение квалифицированной юридической помощи. В чем суть? По уголовному делу в отношении гражданина Пичугина Ю. В. производилась оперативная звукозапись адвоката Эдуарда Амасьянца при свидании с обвиняемым. При этом были нарушены требования ст. 51 УПК РСФСР о праве защитника иметь свидание с обвиняемым наедине, а также требования ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и ст.8 закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», запрещающие прослушивание разговоров защитника и обвиняемого. Более того, данные материалы прослушивания были приобщены к уголовному делу и на их основании дано экспертное заключение, что противоречит требованиям ст.50 Конституции РФ и ст.69 УПК РСФСР, не допускающим использование доказательств, полученных с нарушением закона. Досадно, на жалобу адвокатов заместитель прокурора республики Рыжов Н. И. ответил, что не считает действия сотрудников МВД нарушением законодательства.
Пожалуйста, прокомментируйте данную ситуацию.

– Что здесь комментировать. Вы довольно четко указали на статьи законодательства, которые были нарушены. Насколько я понял, этому потворствовали сотрудники нашей «епархии». По этому случаю мы обязательно проведем тщательную проверку, и, если все вышеизложенное подтвердится, виновные понесут строгие наказания. Не сомневаюсь, что и Юрий Ильич Скуратов отреагирует на это сообщение.

– Павел Владимирович, думается, мы достаточно поговорили на профессиональную тему. Наверняка нашим читателям будет интересно кое-что узнать из вашей личной жизни. Можно предложить вам блиц-интервью?

– Согласен.

– Пожалуйста, несколько слов о семье.

– Жена – Екатерина Викторовна. Двое детей – Миша и Маша. Сыну – одиннадцать, дочери – восемь. Ребята шутят: «Мы тебя, папа, чаще по телевизору видим, чем наяву». Они правы. Зачастую приходится возвращаться домой, когда дети уже спят.

– Видимо, в свои тридцать четыре года вы – самый молодой министр юстиции за всю историю Государства Российского?

– Дело не в возрасте. Бывают молодые старики и старые молодые. Важно, насколько человек чувствует и понимает то, чем он занимается.

– Вы защитили докторскую диссертацию в тридцать два?

– Да, в апреле девяносто шестого, по проблемам права собственности и иных вещных прав.

– Ваши учителя?

– Доктора юридических наук Мария Яковлевна Кириллова, Юрий Хамзатович Калмыков и Станислав Антонович Хохлов.

– Увлечения?

– С этим трудно – нет времени. А если такое выпадает, с удовольствием читаю старинные правовые книги. Люблю хорошую музыку, как классическую, так и джаз.

– Как вы считаете, что необходимо сделать, чтобы жизнь наша стала лучше?

– Просто жить нужно по Закону, и тогда многие трудности сами отойдут на второй план.

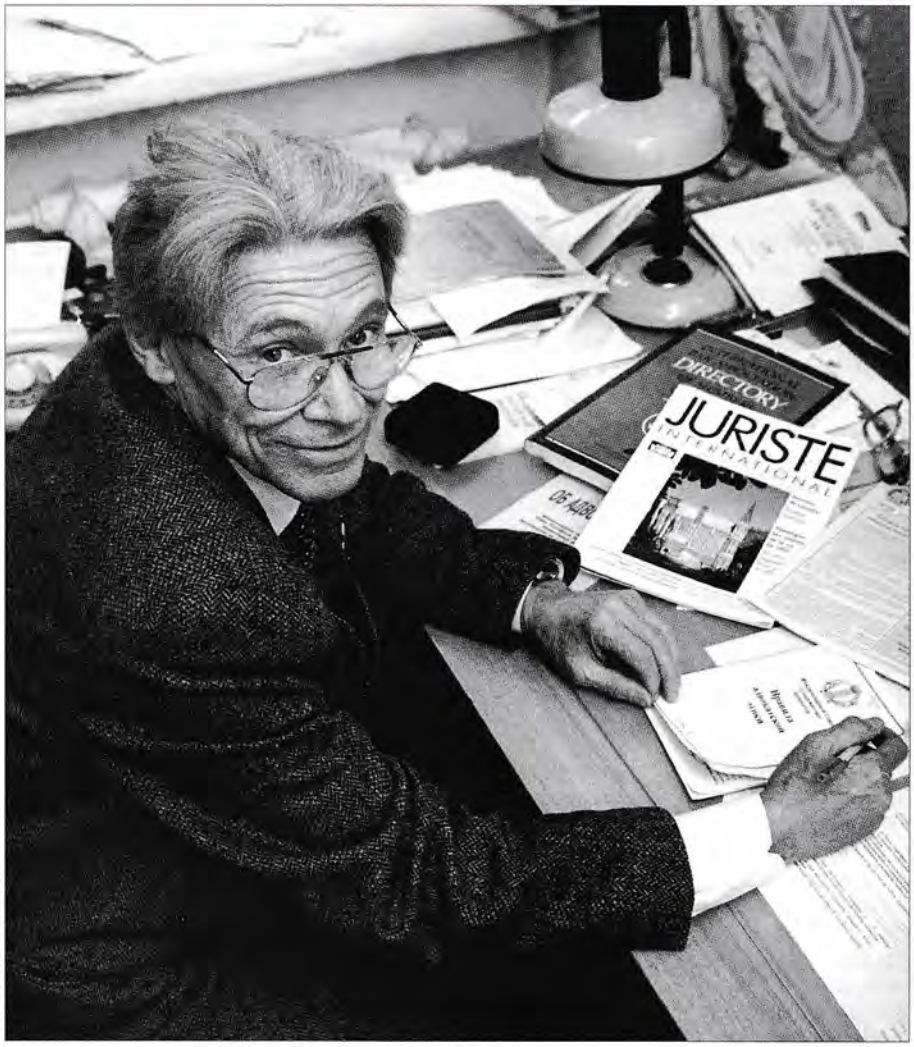


Фото Натальи ЛЬВОВОЙ

Георгий ВОСКРЕСЕНСКИЙ, президент Международного союза (содружества) адвокатов, лауреат золотой медали имени Ф. Н. Плевако

НА ПРОЧНЫХ УСТОЯХ ТРАДИЦИЙ

Рассуждать о будущем разумнее всего, обращаясь к прошлому. Когда говорят об объединении российских адвокатов в общенациональную корпорацию, я вспоминаю, как рождался наш союз. Тогда тоже случались «наезды» на коллегии и консультации. Причем действия «силовиков» подкреплялись мощным партийным давлением. А постоять за себя адвокаты не могли. И вот в конце 80-х новые незаслуженные обвинения. На этот раз против московских коллегий – городской (где я был председателем) и областной. Но уже шла перестройка, и мысль о создании Союза адвокатов СССР стала более реальной.

Но, объединяясь, мы менее всего хотели навредить свободолюбивому сообществу адвокатов. Помнили, что за более чем вековую историю наши коллеги так и не оформились в некую общероссийскую (общесоюзную) структуру. Ничего не дал в этом плане съезд 1905 года. Миновало нас и повальное увлечение союзами в советское время. Вы только представьте себе организацию адвокатов типа тогдашнего Союза писателей или Союза архитекторов СССР! С их идеологической начинкой, духом чинопочитания, жестким администрированием. Если в таком союзе считалась нормой «товарищеская проработка» писателя за роман, а архитектора за «излишества в строительстве», то как бы выглядели адвокаты, осмелившиеся защищать диссидентов?!

Вот почему в уставе нашего союза мы постарались уйти от любых намеков на властные возможности организации в отношении ее членов. Полная добровольность вступить в союз, полная независимость во время пребывания в нем. Единственная цель такого образования, считали зачинатели союза, – представлять интересы сообщества (его защита) «во вне»: перед властями, на международной арене. Впрочем, не исключалась и организация учебы адвокатов, их отдыха.

Кто-то сочтет такую схему чересчур размытой. Не возражаю. Наш союз не смог препятствовать (да и не желал) образованию иных адвокатских объединений. Почти одновременно с нами появилась, например, Ассоциация российских адвокатов. Счел возможным отколоться от нас Федеральный союз адвокатов России. Но это ведь и есть реальная демократия! Зато нас никто не мог упрекнуть в «захвате власти», попытках навязать что-то коллегам.

С другой стороны, мы сразу почувствовали иное, уважительное, отношение к сообществу со стороны Минюста СССР, других структур власти. Достаточно вспомнить, что почти сразу с нашим участием была переработана злополучная инструкция об оплате труда. Впервые в ней появилось понятие минимальной ставки, все тарифы были серьезно подняты, а главное – соглашение с клиентом отныне заключал сам адвокат, а не юрконсультация, заведующий которой всего лишь подтверждал соглашение. Мы наладили выпуск собственного периодического издания, методической литературы, ежегодно проводили (и проводим до сих пор) семинарские занятия по актуальным проблемам адвокатской деятельности.

И это, повторю, делалось в общем-то в условиях прежней системы, под присмотром партийных органов. Можно только догадываться, сколь плодотворной оказалась бы избранная нами форма адвокатского объединения в наши дни. К слову, именно по форме общественного объединения строятся все известные мне общенациональные адвокатские структуры в развитых странах. Каждый адвокат представлен в них персонально, независимо от того, работает ли он в крупной адвокатской фирме или в одиночку. Ибо адвокатское объединение – это «улица с односторонним движением»: оно лишь содействует свободной адвокатской практике, не требуя взамен ничего, кроме умеренного членского взноса, а значит – и не понукая адвокатами. Авторитет же этих адвокатских объединений во властных структурах весьма высок. Фактически это они пишут законы, обращенные к адвокатам. С ними считаются во всех министерствах и ведомствах, а также в деловом мире. Отсюда и положение адвокатуры в обществе, которому пока мы можем лишь тихо завидовать.

Но все это, напомню, относится только к строительству общенациональных адвокатских структур. Совсем иные подходы подсказывает нам отечественная традиция в отношении первичного звена адвокатуры – коллегии адвокатов. Здесь форма объединения обусловлена предназначением нашей профессии. Она, как известно, существует для защиты прав и свобод граждан путем участия в правосудии. Поэтому и создавалась адвокатура как часть судебной системы. С одной стороны, при судах (судебных палатах) действовали прокуроры и следователи, с другой – коллегии присяжных поверенных. Ничего нового в этом смысле не добавила и советская эпоха. Коллегии, а затем и юрконсультации обслуживали определенную «судебную территорию».

Правда, поле судебной, а значит, и адвокатской практики в условиях административно-командной системы сузилось до минимума. В основном мы участвовали в уголовных, много реже – в гражданских процессах. Ясно, что этого опыта оказалось совершенно недостаточно в условиях новейших политических и экономических реалий. Многие «традиционные» коллегии, увы, не смогли быстро вписаться в них, например, быстро переориентироваться на оказание юридический помощи предпринимателям. Да и возросший спрос на адвокатскую помощь потребовал притока новых сил. Они и появились – в виде т.н. «альтернативных» коллегий, в виде юристов, оказывающих платные услуги по лицензии. Сегодня, впрочем, этот процесс близок к завершению. Однако, полагаю, именно смена приоритетов породила идеи дальнейшего трансформирования адвокатуры. Вплоть до ликвидации коллегий как таковых и перехода к практике адвокатов-одиночек.

Что ж, адвокат действительно трудится в одиночку. И кому-то законодательное закрепление этого факта покажется благом: сам себе хозяин, над ним ни завюрконсультацией, ни президиума коллегии! Тем более что опыт подобной организации труда в иных землях накоплен немалый. Полагаю, что когда-нибудь (лет через двести) он будет уместен и у нас. Да, когда-нибудь, но не сейчас. Потому что не все так просто, и чужой опыт следует применять к себе с оглядкой на конкретные обстоятельства.

Кто такой адвокат в современном демократическом обществе? Это вполне самостоятельная, прежде всего в материальном плане, фигура, встроенная в устоявшуюся правовую систему и активно помогающая решать свои проблемы окружающим, которые в подавляющем большинстве нацелены на правовые способы решения своих проблем. Что из сказанного хотя бы отчасти напоминает нашу действительность? Мне сдается, ничего. В состоянии ли среднестатистический российский адвокат обзавестись приличным кабинетом, собрать необходимое досье, набрать устойчивую клиентуру? Нет, нет и нет. И дело не только во всеобщем обнищании, но и в отношении массы населения к праву, закону. Американец привык обращаться в суд едва ли не при любом конфликте: от аварии на дороге до ошибки в расчетах за покупку. Любого забулдыгу полицейский ведет для принятия решения к судье. У нас все эти вопросы либо решают административным путем, либо не решают никак. Ясно, что в таких обстоятельствах адвокат-одиночка просто не выстоит.

Хотя нет, многие скорее всего найдут себе «крышу» в виде солидной коммерческой структуры и превратятся в обычных юрисконсультов. Но об этом ли мечтает искренний правозащитник?

Столь печальный прогноз – отнюдь не плод моего воображения. Вот уже несколько лет по схеме, предлагаемой и нам, живут адвокаты Украины. Суть действующих там правил проста: получив лицензию, адвокат сам решает, как ему работать – индивидуально, под крылом богатого клиента или в профессиональном объединении. На первых порах, как и следовало ожидать, все разбежались по своим сусекам. И кто-то действительно преуспел. Но для большинства воз оказался неподъемным. Ведь теперь каждого из них государство полагает предпринимателем и требует соответствующих отчислений с дохода. У человека остается лишь 20 процентов заработанного. А заработки, как и у нас в России, мизерные. Неудивительно, что сегодня наметился уже обратный процесс: люди пытаются восстановить разваленные коллегии. Увы, это оказалось делом весьма трудоемким.

Хочу обратить внимание и на другую проблему. С распадом большинства коллегий резко усложнилась процедура пополнения адвокатского сословия. В сущности, эту работу проводят органы юстиции. Они формируют квалификационные комиссии и фактически определяют достойных адвокатского звания. Естественно, за ними решающее слово и при разрешении дисциплинарных дел. Но желаем ли мы такого усиления роли государства? Заметно снизился уровень работы по повышению квалификации адвокатов. Конечно, Всеукраинский союз адвокатов (Спилка) организует и семинары, и стажировки за рубежом, издает методическую литературу, но той взаимопомощи и взаимоподдержки, которые присущи коллективу любой юрконсультации, уже нет. Да и каждый ли адвокат озаботится о трудностях коллеги, когда речь идет о собственном выживании?

Но едва ли не самое печальное последствие отказа украинских коллег от традиционной формы организации труда – это усложнение взаимодействия с судами и органами следствия и дознания. Ныне оно фактически происходит на уровне личных отношений адвокатов с судьями и следователями, прокурорами. Ясно, что для своевременного вступления адвоката в дело судья или следователь обращаются к тем, кто уже не раз их выручал. Но при таком способе трудно говорить об активной позиции адвоката, понимающего, что, если «переборщит», то следующий раз власти смогут обойтись и без его услуг.

На этом фоне своеобразным островком нормальной адвокатской практики выглядит Кировоградская область, где центробежные силы почти не проявили себя. Все эти годы там продолжает работать областная коллегия адвокатов, и, может быть, именно теперь коллеги в полной мере осознали преимущества традиционной организации труда.

Не хочу показаться злым провидцем, но с подобными трудностями скорее всего столкнется и российская адвокатура, если решится на сомнительный эксперимент. Ведь именно коллегиям адвокатов, как бы тяжело им сегодня ни жилось, удается решать массу специфических для наших условий задач. Они не только обеспечивают материальную основу адвокатского труда, отстаивают интересы сообщества перед местными властями, взаимодействуют с судами и органами следствия, но помогают коллегам совершенствовать мастерство, надзирают за новичками, разбирают конфликты, поддерживают дисциплину и профессиональную этику.

Пожалуй, только коллегия адвокатов способна решить и такую сугубо российскую проблему, как юридическое обслуживание отдаленных местностей. Ежегодно Минюст РФ извещает о количестве районов, где нет ни одного адвоката (по последним данным, их около 500!). Какой адвокат-одиночка закроет эти зияющие бреши? Напротив, с ликвидацией коллегий количество «ничейных» земель возрастет: люди устремятся туда, где можно заработать.

Конечно, существующие сегодня коллегии нуждаются в совершенствовании. Законодательно следовало бы закрепить многообразие форм адвокатской деятельности, уже рожденных практикой: бюро, кабинеты, юридические консультации. Должна быть упрощена процедура вступления адвоката в дело. Расширены его возможности в сборе доказательств и повышена личная ответственность перед клиентом. Но суть нашей организации не должна измениться. Профессиональным объединениям адвокатов – коллегиям – уготована, на мой взгляд, еще долгая жизнь. Пока не изменится само общество, пока не сложатся условия для полноценной адвокатской практики без опоры на материальную и духовную поддержку коллектива единомышленников.

Из «коммуналки» в «замок грез»?

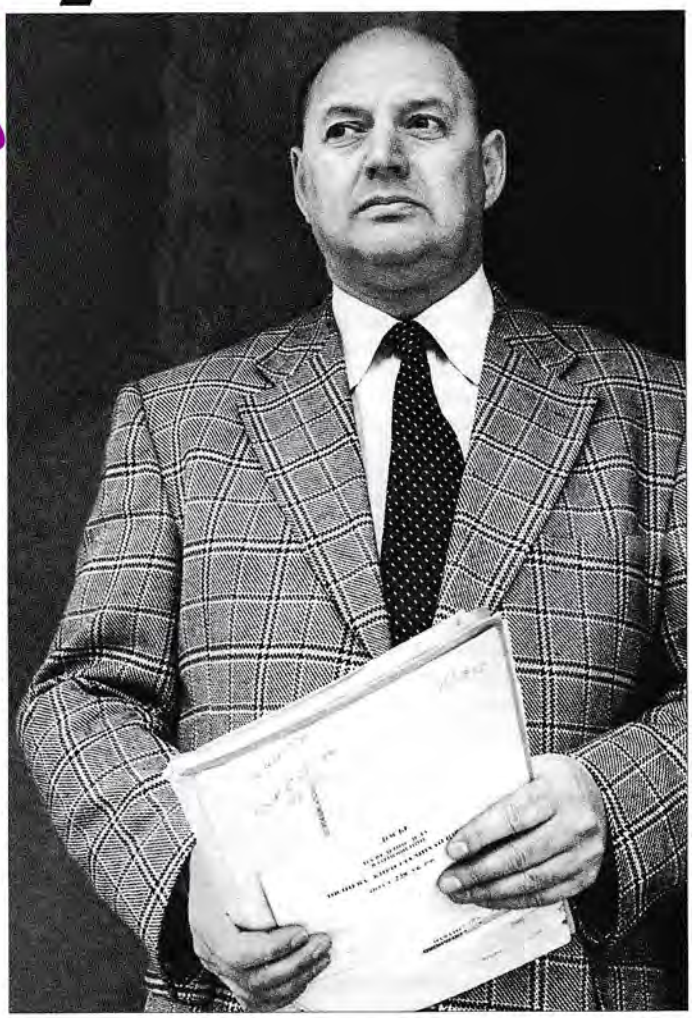


Фото Натальи ЛЬВОВОЙ

Борис КУРИЦКИЙ,
заместитель президента Гильдии российских адвокатов, член Межтерриториальной коллегии адвокатов

Последнее время в различных специализированных журналах, в изданиях, которые пытаются быть таковыми, часто муссируется, подчеркиваю, муссируется, а не дискутируется, тема прошлого, настоящего и будущего института адвокатуры. В обсуждении целесообразности сохранения структуры юридической помощи «коллегия адвокатов – юридическая консультация (адвокатское бюро) – адвокат» участвуют все: от юристов, вчера только оставивших студенческую скамью, которым требование об обязательном практическом стаже для принятия в члены коллегии кажется анахронизмом тоталитарного режима, до уважаемых представителей судейского корпуса, затрагивающих важные, но лишь отдельные, видимые только «невооруженным» глазом проблемы деятельности адвокатов и адвокатуры.

В это же время появляется рекомендация парламентской ассамблеи Совета Европы №193 по заявке РФ на вступление в СЕ, утверждающая, в частности, что профессиональная коллегия адвокатов в России отсутствует и еще только будет учреждена...

Стремительная центробежная сила навязчивой, прямо-таки «маниакальной» идеи разрушения существующего института адвокатуры, то ли под предлогом наличия у данного института атавизмов тоталитаризма, то ли под предлогом спасения адвокатов от «ужасов» налоговых новаций законодателя, приравнивающих адвоката к лицу, занимающемуся хозяйственной деятельностью с целью извлечения прибыли, опасна. Опасна не только для существования данного института – как важнейшего элемента гражданского демократического общества, но и, хочу это подчеркнуть особо, прежде всего для самих адвокатов Российской Федерации.

Когда на Востоке хотят пожелать наступления отрицательных последствий, говорят: «Чтоб вам жить в эпоху перемен». Наша законодательная база создается, изменяется и дополняется, при этом сохраняется состояние «межвременья»: например, Уголовный кодекс у нас Российской Федерации, а УПК – РСФСР... Не буду перечислять все казусные моменты современного юридического бытия, из-за чего адвокатура, как правовой институт, может войти в третье тысячелетие с искаженными представлениями в обществе о ее месте и роли в государстве.

Что же делать? Броситься разрушать здание адвокатуры, оставив и сам институт, и адвокатов, если можно так выразиться, «на улице, под дождем и снегом»? К сожалению, такие желающие находятся. И за этими «желающими» проглядывают интересы мощных профессиональных корпораций, расчищающих себе поле деятельности в нашей стране с помощью устранения или раздробления конкурентов – коллегий адвокатов.

Или не торопиться ломать, а «остановиться, оглянуться» – все взвесить?.. Одним из великих людей нашего времени, который для нашего государства значил не менее, чем господин А. Хаммер в советско-американских отношениях, был ушедший от нас в апреле прошлого года кавалер ордена Почетного легиона господин Москович, который внес значительный вклад в укрепление и расширение экономических, культурных связей между Францией и нашей страной. Он рассказал как-то притчу. На встрече соратников де Голля в момент образования партии генерала (а г-н Москович прошел с де Голлем и фронтовыми дорогами) возникла дискуссия о том, какой должна быть новая полиция в Париже, об организации правовой помощи гражданам. Один из присутствовавших сказал,

что некоторые чиновники, полицейские, адвокаты «замарали» себя связями с «режимом Виши». Он предлагал разрушить, ликвидировать все правовые институты, освободиться от всех, кто работал при коллаборационистах и начать строить правовой механизм как бы с чистого листа.

Де Голль в ответ сказал: «Друзья, на все нужно посмотреть со Звезды. Вот когда вы со Звезды на все посмотрите, то есть отдаленно, без злобы, спокойно, вы придете к тому, к чему пришел я: ломать не строить, но для того, чтобы переехать в новый замок, нужно вначале его построить».

Эта притча напомнила мне потуги некоторых «специалистов» и наших коллег, которые пытаются втянуть действующих адвокатов в дискуссию по весьма надуманному вопросу: как «разрушить до основания» коллегии адвокатов, а затем на их обломках строить нечто не то из феодального прошлого, не то из эпохи младокапитализма...

Жизнь подарила мне встречи с двумя великими адвокатами – Генрихом Семеновичем Рубежовым и Генрихом Павловичем Падвой, чем я очень горжусь. Упоминаю эти имена не в стремлении как бы «погреться» в лучах их законной славы, заслуженной десятками лет практики по защите прав, достоинства и свобод граждан. Просто уместно говорить об их опыте адвокатской деятельности, характеризующей лучшее, что было, что есть и сегодня в нашем профессиональном сословии.

Гениальнейшим адвокатом был, к сожалению, ныне покойный, ушедший от нас в 1985 году адвокат Генрих Семенович Рубежов – один из руководителей Московской городской коллегии адвокатов. Долгие годы он возглавлял Инюрколлегию, был и советником, и другом господина Московича, о котором я упоминал выше. Я был представлен Генриху Семеновичу в декабре 1982 года. Както в разговоре, говоря о невероятных трудностях профессии адвоката, он вскользь упомянул о том, что некоторое время назад защищал одного крупного московского хозяйственника, ветерана Великой Отечественной войны, награжденного орденами за мужество. Судебное следствие велось необъективно, не без постороннего влияния. Не видя иного, законного пути бороться, отстаивать интересы своего подзащитного, Генрих Семенович пошел на беспрецедентный шаг, который мог стоить ему не только карьеры: он отказался от защитительной речи, тем самым выразив свой протест явно обвинительному ходу всего судебного процесса.

Это был, подчеркиваю, 1982 год, не самое лучшее с позиций соблюдения прав граждан время в нашей стране. И когда я слышу, что, мол, до 1917 года в России были глубоко порядочные присяжные поверенные и вот якобы только сейчас, после августа 1991 года, у нас появилась масса демократических адвокатов, становится горько и обидно. А такие наши коллеги, как адвокаты Падва, Бурштейн, Хейфиц, Мирзоев, Цымбал, Аксельбант, Рубежов, многие десятки и сотни адвокатов областных коллегий, разве не представляют цвет действительно правовой защиты? Или, например, адвокат Пикулин из Полтавской областной коллегии, раздавленный «системой», но не изменивший своему профессиональному долгу адвоката, защитника. И еще многие и многие другие – порядочные, честные, высококвалифицированные адвокаты, защищавшие и представлявшие интересы своих клиентов во все времена. Они незаслуженно забываются, а опыт их деятельности в рамках именно коллегий адвокатов либо отбрасывается, либо замалчивается.

Адвокат №1 нашей страны, каковым по праву является Генрих Павлович Падва, получил признание и глубочайше уважение не только своих клиентов, но и коллег еще в те же восьмидесятые годы. Адвокатское бюро «Падва, Розенберг и партнеры» МГКА – одна из ведущих юридических консультаций, к помощи которой обращаются и известные политики, и члены правительства, и ведущие мировые иностранные компании, финансовые институты.

Президент Гильдии российских адвокатов Гасан Борисович Мирзоев – практикующий адвокат, ведущий сложнейшие процессы, в свое время возглавлял одну из лучших юридических консультаций в СССР. Именно благодаря исключительному профессиональному адвокатскому опыту Гасан Борисович и сумел стать лидером демократической адвокатуры России. Его энергия направлена не на разрушение, а на созидание, в интересах всех отечественных адвокатов.

Стало быть, существующий институт адвокатуры, действуя в рамках создающегося демократического общества, никоим образом не мешал и не мешает каждому из практикующих адвокатов стремиться к профессиональным вершинам мастерства и достигать их, а молодым юристам, вступая в члены коллегий, обогащаться поистине бесценным профессиональным и человеческим опытом мэтров адвокатуры, которые есть, я уверен, практически в любой коллегии, в любом субъекте Российской Федерации.

Тем не менее мало кому известные печатные издания типа «Юридического консультанта», члены всевозможных советов, считающие, что прекрасно разбираются в проблемах института адвокатуры, активно, и как им кажется, конструктивно, настойчиво убеждают общественное мнение и законодателя в необходимости введения «допуска» к адвокатской деятельности через лицензирование юридической помощи государственными органами. Одновременно этими же «доброжелателями» возносится на щит дробление института адвокатуры, попросту означающее не что иное, как уничтожение, подчеркиваю, уничтожение, собственно российской адвокатуры.

«Рыночные» принципы деятельности адвокатуры и адвокатов, построение рыночной структуры оказания юридической помощи хорошо организовывать в условиях крупных промышленных центров, мегаполисов. Там, где есть не только достаточное количество адвокатов, хороших и разных, но и их потенциальных клиентов, которые и готовы создавать этот самый рынок правовой помощи. Наши оппоненты «забывают», что и в Сибири, и на Чукотке, и даже в средней полосе России существует огромное количество населенных пунктов, где высока потребность в льготной или бесплатной юридической помощи, объем же платной крайне незначителен. И пока государство лишено возможности даже обсуждать вопрос о финансировании льготной и бесплатной деятельности адвокатов, всю тяжесть несли и несут на себе коллегии адвокатов за счет своих фондов.

В условиях построения демократического общества очевидно возрастание роли института адвокатуры как правозащитного, демократического в полной мере. Так же очевидно и усиление роли коллегий. Взять хотя бы вопросы повышения профессионального уровня адвокатов. Возможности адвокатских бюро (юридических консультаций) в этом отношении вне рамок коллегий адвокатов минимальны.

Учрежденная Московской городской коллегией адвокатов, Межреспубликанской коллегией адвокатов и Гильдией российских адвокатов Российская академия адвокатуры как нельзя лучше иллюстрирует возможности кооперации усилий в организации профессиональной переподготовки адвокатов.

А проблемы защиты адвокатов от произвола властных и судебных структур, противодействия развитию новых форм нашей деятельности... Способы давления на адвоката могут быть самые разнообразные: от увеличения арендной платы за помещение до регулярных инспекторских проверок сотрудниками налоговых органов, госпожнадзора, откровенных провокаций с обнаружением в помещении юридических консультаций пистолетного патрона или дозы наркотика.

Только мощная корпоративная поддержка адвокатского сообщества (что, кстати, и характеризует Гильдию российских адвокатов) способна на практике защитить адвоката, создать нормальные условия для его профессиональной деятельности. Сохранение и упрочение института адвокатуры – это та задача, которую решила и решает с момента своего учреждения, не считаясь с материальными затратами, Гильдия российских адвокатов.

Вот почему нам столь важно реконструировать здание российской адвокатуры таким образом, чтобы это был общий дом, чтобы в нем одинаково уютно и защищенно чувствовали себя все, в том числе и наши оппоненты, ориентирующиеся на «правильно» организованную систему юридической защиты за рубежом. Безусловно, опыт зарубежных коллег необходимо изучать и использовать. Однако нельзя забывать истину: жить в обществе и быть изолированным от него невозможно. Потому-то в Великобритании, стране монархической, действует специфический институт адвокатуры. Своя специфика и в США...

Институт адвокатуры – часть гражданского общества. А какое общество мы построили на сегодняшний день? Уж не потому ли на этот вопрос труден ответ, что кто-то постоянно желает всем нам жить в эпоху перемен?..

Фото Натальи ЛЬВОВОЙ

ВТОРОЕ «Я»

С какой бы точки ни взять отсчет, научная карьера академика Олега Емельяновича Кутафина предстанет прямой восходящей линией. Разве что в начальных классах одесский школьник не ведал, что всю жизнь посвятит конституционному праву, особенностям государственного и общественного устройства как нашей, так и других стран. Зато уже подростком слыл знатоком политологии и на каверзный вопрос проверяющего из облоно, кто правит в Непале, с готовностью сообщил: Махендра Бирбикрам Шах Дева.

Сколько себя помнит, было у него два пристрастия: музыка и политика. Свободное от школы время делилось между скрипкой и конспектированием материалов пленумов ЦК КПСС. Зачитывался книгами Кони, Плевако, Вышинского. Готовил доклады и политинформации для одноклассников. Позже музицирование, увы, пришлось оставить, а интерес к обустройству общества закрепился на юрфаке МГУ.

При этом студента больше привлекали не романтика следствия или регламент каких-либо конкретно-бытовых правоотношений: уголовных, гражданских, хозяйственных, – а общие принципы существования общества и власти. Потому и первую курсовую работу посвятил Конституции Республики Индии, и кандидатскую диссертацию писал о деятельности постоянных комиссий палат Верховного Совета СССР. Надо сказать, тогда эта деятельность почти не была регламентирована, строилась эмпирически, и формулы, рожденные диссертантом, как бы ставили правовые вешки и для действовавших парламентариев, и для их будущих преемников. К слову, эти вешки заметны и сегодня, в распорядке работы нынешних российских законодателей.

Нетрудно представить, что избранный молодым ученым путь обещал быть достаточно зыбким и даже рисковым. Юридическая сущность любой проблемы преподносилась в ту пору не иначе как в заданном идеологическом обрамлении. И если начало работы над диссертацией пришлось на время правления Н. С. Хрущева, то к защите (апрель 1965-го) из текста надлежало удалить все упоминания о бывшем первом секретаре ЦК. Впрочем, будущий академик переписывал свой труд не без удовлетворения, с тихой иронией: от вычерков правовые истины звучали еще более весомо, а в душе все более крепло убеждение в том, что волюнтаризм в управлении страной не только неуместен, но чрезвычайно опасен.

Увы, это убеждение подверглось испытаниям и много позже, когда в научных кругах дискутировались решения Президента РФ о «восстановлении конституционного порядка» в Чеченской Республике. Государствовед Кутафин выступил против кровавой формы утверждения законности: война, считает, – не способ решения внутригосударственных проблем. Не согласился он и с некоторыми положениями новой Конституции России, отдавшей, на его взгляд, чересчур большую власть в одни руки.

Между тем Олег Емельянович был среди тех, кто начинал работу над нынешним главным законом страны. Правда, еще применительно к обновлению Конституции СССР, в попытке придать ей подлинно демократическое содержание. Сделать успели многое, и тот труд не пропал даром. Предложенные тогда идеи позволили, например, выстроить две первые главы ныне действующего документа (об основах государственного устройства и гарантиях прав и свобод граждан) – те самые, что особенно высоко оценены в стране и мире и могли бы украсить Конституцию любого демократического правового государства.

Позже, однако, ученый отошел от этой работы: не счел возможным идти на компромиссы. Теперь видит, что был прав, и, кажется, это начинают понимать и бывшие его оппоненты. Вот уже и о Конституционном собрании заговорили во весь голос. Что ж, если пригласят, он готов к разумному сотрудничеству.

Впрочем, там, где ему не мешали, он и не прекращал сотрудничать с властью. С момента образования возглавляет президентскую комиссию по вопросам гражданства. Те тысячи и тысячи соотечественников, которые становятся гражданами России, быстрым и справедливым решением своей судьбы обязаны и усилиям «строптивого» академика.

Он вырастил 49 кандидатов наук, четверо из них стали докторами. Вот уже тридцать лет страна изучает государственное (конституционное) право по учебникам, созданным с его участием. Недавно вторым изданием вышел фундаментальный труд «Конституционное право России», написанный вместе с профессором Екатериной Козловой.

И все же, говоря об этом человеке, полагаю, никак нельзя ограничиться только рассказом о его научной и научно-прикладной деятельности. Есть у него и второе «я»: помимо таланта исследователя природа наделила Олега Емельяновича уникальными организаторскими способностями. Где бы он ни появлялся: в пионерском отряде или на комсомольской целине, на кафедре или в составе общественного совета, – всюду становился лидером, генератором идей и прорабом их воплощения в реальность.

Понятно, что в былые годы сей талант имел единственный выход – через партийно-комсомольскую работу. В родном МГУ сту-

дент и аспирант секретарствовал и на курсе, и в масштабе всего университета. К слову, среди членов возглавляемого им комитета комсомола были Гавриил Попов, Руслан Хасбулатов, Ричард Косолапов и другие «беспокойные сердца». Вузовский активист оказался столь удачлив, что был приглашен в аппарат создаваемого бюро ЦК КПСС по РСФСР. Но парткарьера его не привлекала, и после аспирантуры Олег пришел старшим преподавателем в ВЮЗИ. Этот достаточно известный, но, как теперь сказали бы, непрестижный вуз и стал основной точкой приложения редкостных административных способностей ученого, а впоследствии и воплощением его успехов на этой ниве.

АКАДЕМИКА

Местные шутники считают, что эти успехи проще всего выразить... в квадратных метрах учебных площадей. Тогда, в 1965-м, институт ютился всего на пятистах квадратных метрах: коридор и с десяток кабинетов. Сегодня это несколько солидных зданий, где занимаются почти 17 тысяч студентов. Шутки шутками, а что значит для вуза в Москве прирастить свои помещения, думаю, понятно каждому. Во всяком случае, когда скромный ВЮЗИ (затем МЮИ) переименовали в Московскую государственную юридическую академию (1993 г.), солидная вывеска пришлась в самый раз стремительно возмужавшему вузу.

Впрочем, новый ректор (а им Кутафин был избран в мае 1987-го и избран единогласно) заботился, конечно, не только о материальном обеспечении учебного процесса, но прежде всего о его содержании. И первым шагом стало превращение заочного института в нормальный, где педагоги лично ведут студентов к вершинам знаний. Нет, идея эта возникла не при Кутафине. Споры о том, что заочная форма подготовки юристов – отживший анахронизм, велись давно. Но только новому ректору удалось сдвинуть проблему с места. Сначала очники появились лишь в порядке эксперимента: до ста человек и только из Москвы и Московской области. Однако уже через год Олег Емельянович заявил министру высшей школы Ягодину, что не намерен нарушать Конституцию и делить граждан на «своих» и «чужих». Министр посопротивлялся и... разрешил принимать иногородних.

Дело, однако, было не в одном ВЮЗИ. Отставала от потребностей жизни вся система юридического образования. Издавна она строилась в основном для пополнения карательных органов, тогда как в нормальном обществе наряду со следователями, прокурорами, судьями нужны также юрисконсульты, нотариусы, адвокаты. Но реально ли повернуть в одночасье махину отечественных вузов? Значит, нужен хотя бы один головной юридический вуз, который бы задавал тон в работе, помогал другим кадрами, методиками.

Идею горячо поддержал министр юстиции СССР В. Ф. Яковлев. И предложил объединить с этой целью ВЮЗИ и министерские структуры (ВНИИ СЗ и институт повышения квалификации). Увы, одобренный во всех инстанциях проект постановления правительства так и не был подписан: грянул август 1991-го и у властей нашлись заботы поважней.

Однако Кутафин и на этот раз не опустил руки. Благо, что к тому времени в институте сложился прекрасный коллектив педагогов-новаторов. Если нельзя стать головным по указанию свыше, то что мешает занять лидирующее положение, опираясь на собственные силы? Тем более что плодотворных идей, способных приблизить к цели, у ректора, как всегда, было достаточно.

Одна из них – специализация будущих юристов применительно к избранной профессии. Напомним, прежде студентов готовили лишь к двум специальностям – судебной и прокурорско-следственной. Остальные осваивали тонкости работы уже после окончания вуза. Но что значит подготовить в студенческой аудитории специалиста-международника, юрисконсульта, нотариуса, адвоката? Те, кто собираются заняться этим, сами должны постигнуть особенности каждой профессии. Следовательно, необходима максимальная специализация педагогов, создание по каждому направлению своей кафедры.

В институте нашлось немало энтузиастов, готовых сформировать новые творческие коллективы. За довольно короткое время количество кафедр увеличилось до 25! От конституционного и муниципального права до трудового и соцобеспечения. И на каждом направлении воссияли новые имена исследователей и педагогов – Марии Сумбатовны Шакарян, Бориса Александровича Страшуна, Израиля Борисовича Марткович, Екатерины Ивановны Козловой, Полины Абрамовны Лупинской...

Давно известно, что живое дело вовлекает в свое течение все новых участников. Прослышав о преобразованиях в институте, к ректору обратились за советом представители Генпрокуратуры РФ. С какого-то времени там испытывали нехватку квалифицированных кадров и задумали открыть собственный вуз. Не помогут ли коллеги преподавателями?

– А надо ли все начинать с нуля? – возразил Олег Емельянович. – Педагогический коллектив складывается годами. Куда проще включить новый институт в нашу систему. Мы потому и назвали себя академией, что она объединила несколько специализированных учебных заведений.

На том и порешили. Сейчас ежегодно академия готовит для органов прокуратуры до ста классных специалистов.

Но – «пусть будет услышана и другая сторона». Не исключено, что именно появление специализированного прокурорского института подтолкнуло сотрудников академии к формированию структур, занятых подготовкой будущих адвокатов – процессуальных оппонентов обвинителей. В пользу нового учебного направления говорила и ситуация на правовом поле России. С изменениями в политике и экономике резко вырос спрос на юридические услуги, возросла потребность в адвокатах, причем не столько для защиты в уголовных процессах, сколько для ведения гражданских и арбитражных дел. И юридическая академия – первая среди вузов страны – откликнулась на эти потребности общества. Здесь появилась кафедра адвокатуры и нотариата, сначала на общественных началах, затем и в штатном расписании. Те из студентов, кто желает посвятить себя адвокатской или нотариальной деятельности, после трех лет обычной учебы получают возможность слушать специальные лекции, участвовать в семинарских занятиях, проходить практику по избранной специальности. До последнего времени возглавлял эту работу профессор Марткович. Увы, недавно его не стало. Может быть, поэтому затормозилось осуществление другой его идеи: создать в академии специальный факультет адвокатуры?

– Нет-нет, – возражает мой собеседник, – причины более прозаические: нужны дополнительные средства, а главное – помещения. Да идея-то в общем уже реализована: организационные вопросы взяла на себя Гильдия российских адвокатов, и уже с этого года первых студентов приняла Российская академия адвокатуры. Мы оказываем коллегам методическую помощь, наши педагоги читают лекции, ведут семинары.

Он на секунду задумывается. Потом достает из стола футляр с медалью имени Ф. Н. Плевако.

– Мне очень дорога эта награда. Среди адвокатов у меня много добрых знакомых – и среди тех, кто учился у нас, и среди тех, кто помогает готовить новые кадры. Удивительной энергии люди! И преданные своему делу. Сейчас для них очень интересное время. Я рад, что наша академия оказалась причастной к возрождению российской адвокатуры.

Игорь ВАШКЕВИЧ,
спец. корр. «Российского адвоката»

Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

В конце прошлого года по инициативе Гильдии российских адвокатов в Москве состоялась международная конференция, посвященная защите прав человека и статусу адвоката в демократическом обществе (см. «Российский адвокат» №6 за 1998 год). Среди участников конференции был известный французский юрист, председатель Коллегии адвокатов Парижа Ален де ля БРЕТЕШ. По просьбе редакции он рассказывает об опыте и проблемах европейских адвокатов, делится впечатлениями об увиденном в России.

Независимость нашей про

Честно признаюсь: на нашу конференцию я направлялся со смешанными чувствами. Искреннее желание помочь коллегам в России обрести ту меры свободы, которой ныне пользуются едва ли не все европейские адвокаты, соседствовало с тревогой о достижимости такой цели. Да возможна ли вообще эффективная адвокатская практика в стране, только что ступившей на путь демократии? Приемлемы ли здесь сегодня любые советы заезжих экспертов?

Для таких сомнений, как полагаю, было достаточное основание. Три года назад по просьбе Юридического департамента Совета Европы мне довелось участвовать в коллективной экспертизе проекта Федерального закона «Об адвокатуре в Российской Федерации». Как выяснилось, он не принят до сих пор. С грустью перелистывая страницы экспертного заключения, я не мог не задумываться о причинах и последствиях такой медлительности. Как может государство, претендующее называться демократическим, столь долго обходиться без одного из фундаментальных актов? Как живут люди в условиях правовой необеспеченности дарованных Конституцией прав и свобод? Как чувствуют себя вне четкого правового регламента сами адвокаты?

Конечно, точно и полно ответить на все эти вопросы в состоянии лишь живущие в этой стране. Мне же позволительно только представить некую модель существования адвокатуры в демократическом обществе. В качестве возможной цели для российских коллег. Исходя из того, что Россия присоединилась к Совету Европы и ратифицировала основные документы сообщества, в том числе Европейскую конвенцию прав человека. Как известно, ее статья 6 провозглашает: «Каждый имеет право на то, чтобы его дело было рассмотрено публично и в разумный срок независимым и беспристрастным судом...» Беспристрастным – это значит при равенстве сторон, одну из которых представляют адвокаты. И стало быть, все мы имеем возможность оценить, способна ли российская адвокатура содействовать рассмотрению возникающих конфликтов «беспристрастным судом» и «в разумные сроки», а оценив, наметить шаги в нужном направлении.

Благо, что для подобной оценки издавна существуют объективные критерии. Основные, на мой взгляд, – это взаимоотношения адвокатуры и адвоката с властью, формы существования адвокатского сообщества и, наконец, взаимоотношения адвокатов с другими участниками общественной и экономической жизни.

Как же выглядит наша корпорация с этих точек зрения?

Отношения адвоката и адвокатуры с властными структурами, без всякого сомнения, могут быть выражены единственным словом: «независимость». В различных сочетаниях оно присутствует во всех национальных законах, какие мне довелось прочитать. «Профессия адвоката – это либеральная и независимая профессия», – гласит закон Франции. «Адвокатура как составная часть системы органов правосудия должна быть автономной и независимой», – указывает закон Словении. «Адвокатура Украины действует в соответствии с принципами независимости, демократизма, гуманности и конфиденциальности».

Как видим, в признании нашей независимости единодушны законодатели всех стран – и с развитой демократией, и лишь недавно отбросивших тиранию. Убежден, что такой хотели бы видеть собственную профессиональную организацию и адвокаты России.

Однако законодательное закрепление столь дорогого для нас принципа не исключает возможности его нарушения в тех или иных конкретных ситуациях. В Европе сегодня дискутируется ряд проблем такого рода, и российским коллегам, полагаю, полезно знать, что это за проблемы и как мы их пытаемся решить.

Во-первых, речь идет о выдаче министерством юстиции лицензий на право адвокатской деятельности. Вообще-то в самом этом факте я лично не усматриваю покушения на независимость адвокатского сообщества. Государство, полагаю, вправе контролировать наличие у будущего адвоката таких объективных качеств, как достаточный уровень юридического образования (обучение по определенным стандартам не менее 4–5 лет), стаж работы по юридической специальности, результаты квалификационного экзамена и отсутствие судимостей, а также увольнений по компрометирующим основаниям.

Но ведь в законах большинства стран – членов Совета Европы присутствуют и такие критерии для адвоката, как соответствие определенным моральным требованиям или

надлежащий уровень профессиональной практики. И здесь, думаю, вмешательство государства недопустимо. Оценить будущего коллегу в этом плане дано только самим адвокатам. Поэтому выдачу министерством юстиции соответствующей лицензии можно считать приемлемой только в тех случаях, когда она всего лишь подтверждает решение о приеме в сообщество, принятое самим адвокатским коллективом.

Другая из дискутируемых в Европе проблем, связанных с независимостью адвоката, – это содержание принимаемой

– кредо фессии

им присяги. Что он должен декларировать, какие провозгласить самоограничения и во имя чего? В некоторых государствах, в том числе и в российских законопроектах, кандидата обязывают обещать соблюдение закона и Конституции. Но правильно ли это? Не окажется ли он в результате однажды связанным данным словом, если придется критиковать правительство, принимаемые им решения и тот же закон, который имеет свойство отставать от жизни?

Думаю, решение подсказывает текст Присяги европейского адвоката, предложенный ОБСЕ. По мнению авторов, присяга касается лишь адвокатской этики и принимается исключительно во избежание «нарушения порядка в зале судебного заседания». В связи с чем позволю привести слова, которые произносят французы: «Я клянусь как адвокат осуществлять свою деятельность компетентно, честно и гуманно». И все. И никаких иных обязательств, которые могли бы помешать адвокату исполнить свой долг. Как знать, может быть, этот короткий текст придется по душе и нашим российским друзьям?

Наконец, в Европе живо дискутируется проблема адвокатской тайны. Мы сталкиваемся с двумя способами разрушить ее: с попытками допросить адвоката по делу, в котором он участвует, либо завладеть его документами путем обыска. И то и другое, разумеется, нельзя признать нормальным.

В России, как я знаю, закон не допускает допроса адвоката по фактам, известным ему в связи с защитой клиента. Тем не менее и у вас случаются попытки нарушить этот запрет, а с другой стороны, не исключены ситуации, когда такой допрос был бы, напротив, желателен для защиты. Поэтому способы обеспечения адвокатской тайны следовало бы, на мой взгляд, изложить не только в процессуальном законе, но и в Законе об адвокатуре. Указав, что доступ к ней возможен исключительно по инициативе самого адвоката, причем обязательно согласованной с подзащитным.

Что же касается обыска в кабинете адвоката, то положение здесь еще более сложное. Оно обусловлено противоборством двух равнозначных постулатов: права на защиту, предполагающего соблюдение адвокатской тайны, с обязанностью власти установить истину и покарать преступника. Особенно остро это противоборство проявляется тогда, когда в распоряжении судьи уже оказался некий документ, изъятый у адвоката и изобличающий его в противозаконном деянии. Судья в таком случае стоит перед нелегким выбором, каким же из двух постулатов руководствоваться, и часто на его решение влияет что-либо вовсе несущественное.

Чтобы избежать очевидного в подобных ситуациях субъективизма, опять-таки нужны весьма четкие указания в законе. Об условиях и процедуре проникновения в кабинет адвоката. К сожалению, законов, которые полностью бы удовлетворили нас в этом отношении, я не знаю. Во Франции или, например, Италии обошлись, на мой взгляд, полумерами. Несколько ограничены возможности судьи в использовании такого рода документов, а сам обыск производится не иначе как в присутствии председателя коллегии адвокатов. Но этих гарантий явно недостаточно. Возможно, вы в России найдете более эффективные средства от излишнего любопытства следователей.

Естественно, что для российских адвокатов, работающих в условиях становления демократического государства, весьма актуален вопрос о собственной организации. Не хочу предвосхищать ваш выбор наиболее приемлемой формы. Однако замечу, что лично мне представляется очевидной необходимость какой-либо (более или менее централизованной) структуры. Если, разумеется, вы желаете быть независимыми от государства, сами решать вопросы пополнения ваших рядов и адвокатской ответственности. Иначе эти вопросы обязано будет взять на себя министерство юстиции. Другое дело, должны ли адвокатские структуры заниматься организацией труда адвокатов, распределять между ними клиентов и определять размер вознаграждения? Как это было у вас в недавнем прошлом. Мне кажется, что такая схема опасна как для профессиональной, так и для экономической независимости адвокатов.

Проблема организации адвокатского сообщества также тесно связана с ответом на вопрос: желаем ли мы монополии на осуществление адвокатской деятельности. В разных странах на него отвечают по-разному, и потому где-то действует единый адвокатский корпус, где-то наряду с корпорацией трудятся адвокаты-одиночки, а где-то и вовсе необязательно быть адвокатом, чтобы вести точно такие же дела. Видимо, аргументы найдутся в пользу каждой из этих моделей. Однако вряд ли справедливо, когда всю полноту адвокатских полномочий получают также и те, кто не обременен всеми обязанностями адвоката.

С другой стороны, как бы мы не относились к монополии на адвокатскую деятельность (а чаще всего она охватывает лишь доступ к ведению уголовных дел), мы не можем не учитывать и ту проблему, о которой я говорил чуть выше. При конструировании национальной адвокатуры предпочтительней все же единая организация. Ибо существование многочисленных структур с полным набором полномочий, как и в случае отсутствия какой-либо адвокатской структуры, тут же побуждает государство в лице министерства юстиции активно заниматься нашими делами. А это, как уже отмечалось, вовсе нежелательно.

Не знаю, насколько все высказанное здесь и ранее в ходе нашей конференции окажется полезным для законотворчества и адвокатской практики в этой стране. Но лично для меня встречи и беседы в Москве не прошли бесследно. Они полностью развеяли мой скептицизм, с которым я отправлялся на конференцию. Здесь я нашел единомышленников, людей, прекрасно образованных и бесконечно преданных нашей профессии. В непростых условиях они берегут и преумножают лучшие традиции национальной адвокатуры, отстаивают собственные права и права своих клиентов. Скажу больше: я убедился, что в сегодняшней России есть все, чтобы возвысить свою адвокатуру и тем самым сделать очередной важный шаг к демократическому обществу и государству.

Моменты истины

Фото Натальи ЛЬВОВОЙ

Сколько случаев обращений в суды с жалобами на незаконность действий, произвол наших высших властей (правительства, Президента страны) вам известно? Пять? Десять?.. Немного, во всяком случае. А сколько из них удовлетворенных? Еще меньше. И это несмотря на то, что власти раз за разом попирают собственное законодательство, начиная с первых правовых актов советской власти – законов о свободе слова, вероисповедания.

Вот и после известных августовских событий, в очередной раз поставивших на грань выживания не только крупнейшие коммерческие банки, едва зарождающийся средний класс, но и миллионы граждан, немногие осмелились оформить свой протест против действий государственного монстра самым законным образом – через суд. Заместитель председателя президиума Межтерриториальной коллегии адвокатов кандидат юридических наук Михаил Розенталь и его доверитель решились, хотя и понимают, насколько в этом случае непросто добиться успеха... О том, как развивались события после обращения в Верховный суд, рассказывает Михаил Яковлевич РОЗЕНТАЛЬ.

– Начнем с середины. 12 ноября минувшего года состоялось заседание Верховного суда России, где рассматривалась жалоба, которую я подготовил в интересах моего доверителя, о признании недействительными решений правительства РФ от 17, 25 августа и Указа Президента от 25 августа 1998 года. Аргументация проста: принимая эти постановления, правительство, по существу, объявляло об отказе от выполнения своих обязательств по сделкам с государственными краткосрочными облигациями (ГКО) и облигациями федеральных займов (ОФЗ).

Мы пришли к выводу, что с правовой точки зрения такие решения незаконны. Государство прекратило в одностороннем порядке свои обязательства, что недопустимо по нашему законодательству. В одностороннем же порядке изменены условия погашения облигаций, а это нарушение условий обязательства гражданско-правовой сделки. Нарушен ряд других нормативных актов. Это и стало основанием для нашего обращения в Верховный суд. Не надо видеть в таком решении элементы авантюризма, расчета на авось: всегда ведь у нас считалось (да и сейчас мало что изменилось в психологии на сей счет), что выступать против правительственных решений – себе дороже. Мы все, как обычно, хорошо проанализировали, взвесили. Однако представители правительства и Центрального банка сделали на судебном заседании, если перевести на язык шахмат, «ход конем». Они заявили, что правительство принимает все меры для стабилизации положения в стране и наша жалоба, дескать, как бы не совсем уместна.

Я в связи с этим сделал заявление, что как человек, гражданин и адвокат всецело поддерживаю меры по стабилизации, всячески желаю успеха в этом необходимом и важном деле. Однако к нашей жалобе такие политические, экономические меры правительства отношения все же не имеют. Поставлен конкретный правовой вопрос, и подменять предмет жалобы с позиций права никаким образом недопустимо.

Дальше было нечто вполне ожидаемое. Судья вдруг предложил единолично рассматривать такое серьезное дело. Представители правительства и Центробанка тут же этим воспользовались и заявили ходатайство об отложении дела с желанием, чтобы оно рассматривалось коллегиально. Что тут возразить: это законное ходатайство и оно должно быть удовлетворено. Пришлось согласиться с откладыванием дела – по нашему предложению на несколько часов или, в крайнем случае, на несколько дней. К сожалению, слушание отложили на более длительный срок.

Здесь очень важный момент. Если в течение этого времени решения правительства будут отменены, сам собой повиснет в воздухе и предмет нашей жалобы... Бог бы с ним, однако материальные, моральные потери моему доверителю возвращать кто будет? Это я, так сказать, в подтексте, потому что в жалобе ни о каких материальных претензиях речи не было. Но если бы в правительстве, готовя «августовский шок», прикинули хотя бы варианты своего ответа на подобные вопросы, сверили свои решения с законом, вряд ли решились бы на столь серьезный шаг.

Правительство, грубо говоря, само «подставилось». Лицо, которое я представляю, в полном соответствии со ст.840 п.4 ГК, поначалу обратилось в банк с просьбой расторгнуть договор, вернуть

вклад. Однако банк своего обязательства по возврату вклада не выполнил, сославшись в письменном ответе на правительственные решения, заявление Центрального банка РФ от 17 августа 1998 года, предусматривающее переоформление государственных ценных бумаг ГКО и ОФЗ в новые ценные бумаги, введение моратория на осуществление выплат по некоторым обязательствам.

Утверждалось, что банк не может исполнить свои обязательства перед вкладчиками, поскольку государство, в лице Президента РФ, правительства, Центробанка, на основании вышеизложенных решений «отказывается от исполнения своих обязательств по ГКО и ОФЗ и тем самым лишает банк возможности расплатиться с вкладчиками».

В том, что касается решений Президента, правительства, Центральный банк волен иметь свои суждения, делать заявления. Но даже совместное с правительством заявление не является правовым актом и не влечет никаких правовых последствий. Поэтому мы не стали обжаловать это заявление банка и правительства. А вот акты Президента и правительства России от 17 и 25 августа, изменяющие условия обращения и погашения государственных ценных бумаг, явно нарушают права моего доверителя и противоречат закону.

Статья 124 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что Российская Федерация в лице соответствующих органов государственной власти выступает в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с остальными участниками этих отношений. Выпуская государственные облигации и другие ценные бумаги, Российская Федерация вступает с их приобретателями в гражданско-правовые отношения по договору займа. В соответствии со ст.ст. 8, 9 Федерального закона об особенностях эмиссии, обращении государственных и муниципальных ценных бумаг сроки, обязательства, размер дохода, порядок погашения устанавливаются при эмиссии этих бумаг в форме нормативного акта. Согласно п. 4 ст. 817 ГК РФ изменение условий выпущенных в обращение облигаций государственного займа не допускается. В случае нарушения данного правила договор займа действителен на первоначальных условиях. В соответствии со ст.310 ГК РФ односторонний отказ от исполнения обязательства не допускается, кроме случаев, предусмотренных законом. Указанная норма в равной степени должна соблюдаться и государством как равноправным субъектом гражданско-правовых отношений. Таким образом, решение по реструктуризации обязательств по ГКО и ОФЗ, установление моратория на исполнение некоторых других обязательств были приняты Президентом РФ, правительством РФ, Центральным банком России незаконно.

С учетом изложенного, в соответствии со ст. 46 Конституции РФ, ст. 13 Гражданского кодекса, ст.ст. 116, 239 (прим) вплоть до 239 со значком 5 ГПК РФ и законом РФ от 27 апреля 1993 года «Об обжаловании в суд действий, решений, нарушающих права и свободы граждан», мы просили Верховный суд признать недействительными Указ Президента, решения правительства от 17 и 25 августа 1998 года.

В таком нашем поведении не было, вообще не должно быть ничего вызывающего вопросы, сомнения. Убедившись, что налицо явное нарушение действующего законодательства, мы, как профессиональные юристы, просто обязаны обращать на это внимание, потребовать признания таких решений недействительными.

Правильная правовая оценка обжалуемых решений важна для продвижения по пути строительства правового государства: нарушать закон нельзя никому, тем более верховной исполнительной власти. Не соотносящееся с законом, с Конституцией решение принято на самом высоком уровне. Если правильной правовой оценки нет, могут и дальше приниматься, не дай бог, другие решения, нарушающие закон. Вот когда особенно важна, необходима профессиональная принципиальность. Мы – юристы, законники и требуем строжайшего соблюдения законов.

У нас нет, как я уже отмечал выше, исковых требований о возмещении материального, морального ущерба. Хотя и такое в принципе возможно. Мы просим лишь обеспечить соблюдение законов при принятии любых решений сейчас и в будущем. Ведь если бы Верховный суд Российской Федерации признал недействительными августовские действия правительства и Президента, это был бы урок всем: нарушать закон не может никто – от главы сельской администрации до Президента страны. И каждый из нас, граждан России, имеет право и должен напоминать об этом не только на митингах, в кулуарах, но и там, где торжествует закон, – в суде.

РЕЗОНАНС • РЕЗОНАНС • РЕЗОНАНС

«Не бросили шахтеров в беде»

Так называлась корреспонденция из Курска, опубликованная в четвертом номере журнала за 1998 год. В ней рассказывалось о том, что в отношении ста воркутинских горняков и их семей, прибывших на постоянное жительство в этот старинный русский город после закрытия шахты, была допущена двойная несправедливость: их обсчитали при окончательном расставании с Заполярьем и им не передали в собственность квартиры, построенные для них по решению правительства РФ. Интересы бывших шахтеров защищала в арбитражном суде и районных народных судах города Курска член коллегии адвокатов «Мосюрцентр» Елена Леухина.

Сегодня редакция с удовлетворением может сообщить: справедливость восторжествовала. Упоминавшиеся в корреспонденции Руслан Кушнаренко получил от ликвидационной комиссии шахты «Хальмер-Ю» дополнительно 90 тысяч деноминированных рублей, инвалид II группы Владимир Кузнецов – 16 тысяч рублей.

Сдвинулся с мертвой точки и вопрос о передаче в собственность бывшим горнякам квартир, построенных во исполнение постановления правительства РФ №1351 от 25 января 1993 года о ликвидации шахты «Хальмер-Ю». Первые одиннадцать горняков, чьи иски рассматривал народный суд Промышленного района города Курска, получили свидетельства о приватизации жилья. Курскому предприятию ЗАО «Детальстроймонтаж», которое почему-то посчитало квартиры своими, пришлось подчиниться решению суда.

В сентябре долгожданные приватизационные свидетельства получили еще 27 семей воркутинцев.

Путь к правде и справедливости порой бывает труден. Но пройти его, как показывают события в Курске, можно, опираясь на помощь адвоката, на общественный резонанс, который вызывают публикации «Российского адвоката».

А не стать ли мне АДВОКАТОМ?

Спрашивают себя студенты...

Конечно, юридический факультет Московского государственного университета заметно отличается от себе подобных. Даже внешне. Ни тебе выкрашенных в ярко-синий цвет шевелюр, ни раскрашенных маркером физиономий. Аккуратные мальчики и девочки, которые из «демократической» одежды разве что джинсы себе могут позволить. В общем видно, что профессию люди хотят получить серьезную и готовятся к этому тоже весьма основательно.
Как любят здесь говорить: «Внешность юриста – это тоже его деньги».
Специализации у будущих юристов совершенно разные. Пройдет несколько лет и некоторые из них будут судьями или прокурорами, а другие – адвокатами, работающими против своих былых однокашников. Начнется борьба за выживание в суровых условиях нашей действительности. Но так уж устроена жизнь, что юристы будут нужны всегда. А тем более адвокаты. Вот мы и решили расспросить юрфаковцев о том, что они думают об адвокатской профессии и ее особенностях...

Для чего нужны защитники?

Ни для кого не секрет, что быть профессиональным адвокатом в наши дни престижно и выгодно с материальной точки зрения. Задавая студентам юрфака вопрос о том, почему они хотели бы работать адвокатами, я, честно говоря, ожидала услышать именно такой ответ. Но мои ожидания оправдал только один человек, выпускник юрфака Анатолий, который сказал, что после окончания вуза он перепробовал массу вариантов деятельности и пришел к выводу, что если появится возможность, он будет работать адвокатом: «это интересно, престижно, да и платят обычно неплохо».

Остальные ответы довольно сильно отличались друг от друга. Строгая интеллигентная девушка Елизавета, которую я сначала приняла за преподавательницу, оказавшаяся на самом деле аспиранткой и практикующим адвокатом, ответила на заданный вопрос так: «Когда я поступала на юридический факультет, то считала, что поступала для того, чтобы способствовать строительству правового государства. Сейчас я уже так не считаю и работаю для достижения определенного социального статуса».

Первокурсник Николай заявил, что его дед и отец занимались адвокатской практикой и он хочет продолжить семейную традицию. После окончания МГУ он планирует либо заняться частной практикой, либо устроиться в представительство какой-нибудь зарубежной фирмы.

Нужно сказать, что многие респонденты выражали стремление работать адвокатами, но только по гражданским делам. На мой законный вопрос: почему?, они пожимали плечами и отвечали, что «редко бывает так, что человеку действительно нравится уголовное право и он хочет работать в этой сфере» (Оксана, 1-й курс) и что «обычно, когда человек поступает сюда, в МГУ, он меньше всего думает об уголовном праве. Те, кто на нем специализируются, чаще всего просто не востребованы на других кафедрах» (Нина, 3-й курс).

В общем мнений на юрфаке столько, сколько и людей. Студенты, выпускники, желающие работать адвокатами, преследуют разные цели, но все сходятся в одном: лучше заниматься бракоразводными процессами, чем делами об убийствах. Так, наверное, спокойнее.

Как я буду состязаться с прокурором

Большая часть моих респондентов с юрфака считали своим долгом опровергнуть бытующее в общественном мнении представление о прокуроре и адвокате как о волке и агнце. По их мнению, судебный процесс – это состязание между двумя серьезными противниками, представляющими защиту и обвинение. Конечно, прокурор – лицо должностное, прав у него больше. У обвинения есть в наличии определенный аппарат, который занимается сбором доказательств, а адвокат же может рассчитывать только на собственные силы. Но при всем при этом студенты считают, что прокурор может действовать только в рамках своих полномочий, отпущенных ему законом, а у адвоката куда более широкие возможности для маневра (Николай, 1-й курс; Инна, 2-й курс).

Убедительным мне показался аргумент первокурсника Николая в защиту его мнения о судебно-состязательном процессе: «Ведь адвокаты выигрывают дела у прокуроров, у которых, казалось бы, больше преимуществ». И действительно, как выразилась по этому поводу Оксана с первого курса: «Настоящему адвокату-профессионалу не страшен никакой прокурор».

Государство в государстве

Демократическое устройство страны в наше время предполагает независимость от государства всех участников судебного процесса. Картины периода «сталинщины», когда на суде адвокат вставал и говорил: «Я знаю, что мой подзащитный виновен, и прошу заменить ему смертную казнь на 15 лет», казалось бы, ушли в далекое прошлое. С началом перестройки в России была провозглашена своего рода независимость от государства суда, прокуратуры, адвокатуры. На самом деле эта независимость оказалось чисто формальной. И действительно, о какой самостоятельности может идти речь, когда, например, судье платит зарплату Министерство юстиции, а выделяет квартиру местная администрация?

То ли дело Церковь, которая живет и обеспечивает своих служителей из собственных фондов. Она действительно отделена от государства. Однако и утверждать, что все данные институты полностью зависимы от государства, нельзя. Чем должна сейчас быть адвокатура: частью государства или некой независимой структурой? Это был следующий вопрос моим сверстникам с юрфака.

«На мой взгляд, институт адвокатуры может быть только независимым от государства. А в той ситуации периода «сталинщины», что вы привели, адвокат должен в любом случае отстаивать интересы своего клиента и не признавать его вину, даже если он знает, что его подзащитный действительно виновен» (Елизавета, аспирантка).

«Институт адвокатуры не должен быть зависимым ни от кого и должен опираться только на закон» (Николай, 1-й курс).

Таких мнений оказалось подавляющее большинство. Но были и несколько иные взгляды на проблему: «Полностью адвокатура не может быть независимой, так как

Фото Натальи ЛЬВОВОЙ

адвокат действует в рамках системы права того государства, в котором он живет. Что касается руководства к действию, то, на мой взгляд, профессия адвоката очень специфическая и профессионалу в этой области трудно навязывать какие-то поведенческие установки. Как правило, яркий адвокат – это личность. От того, как действуют его обаяние, его риторические способности, зависит половина успеха, другая половина зависит от его знаний. В общем адвокат старается быть профессиональным даже в системе государства и работать на себя» (Юлия Леонидовна, преподаватель).

Суммируя все высказывания, можно сделать вывод, что адвокатура должна быть своего рода государством в государстве, должна быть независимой, но функционировать в соответствии с законами, принятыми в данной стране. Иначе и быть не может, ведь законы, нормативные акты – это основной инструмент института адвокатуры, без которого его деятельность просто невозможна.

Учиться, учиться и учиться

Для того, чтобы быть профессионалом, хорошо зарабатывать, защищать солидных клиентов и состязаться с прокурором, нужны определенные знания. Вот я и решила спросить у студентов: собственно, может ли университет выучить на адвоката? Мнения по этому вопросу разделились в зависимости от того, кто отвечал на вопрос, студент или преподаватель.

«На юридическом факультете не учат специально на адвоката. В университете даются базовые знания, чтобы человек мог быть и адвокатом, и судьей, и юрисконсультом» (Инна, 2-й курс).

Николай, студент первого курса, сказал, что в университете можно получить все необходимые теоретические знания, а для наработки опыта предусмотрен практический курс, который можно пройти или по направлению юрфака, или по собственному выбору. Во втором случае есть шанс попрактиковаться у более серьезного и известного адвоката.

Преподаватели высказали мнение, что на занятиях даются и практические знания.

«Наши преподаватели на занятиях рассказывают студентам не только случаи из своей практики, но и дают возможность самим учащимся «проигрывать» дела. Часто случается так, что преподаватели берут студентов «под свое крыло» и помогают им трудоустроиться» (Юлия Леонидовна, преподаватель).

Сегодня студентом – юристом такого престижного вуза, как МГУ, стать очень непросто. Но и выпускники юрфака, особенно те, кто смог уже приобрести опыт работы, – нарасхват. Не всех привлекает романтика адвокатской профессии – уж больно много трудностей и условностей с ней связано. Но главное здесь то, что студенты это представляют, если не в деталях, то хотя бы в общих чертах. И коль уж им выпадет судьба стать адвокатами, то, думаю, честь главного вуза страны они не уронят, во всяком случае как профессионалы высокого класса.

Студентов, выпускников, аспирантов и сотрудников юрфака МГУ расспрашивала Виктория БОГОМОЛОВА, студентка факультета журналистики того же университета

ДНЕВНИК ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ДАТ

ОТМЕЧАЕМ В ЯНВАРЕ

275 лет браку по любви и согласию

5 (16) января 1724 года указом Петра I запрещено сочетать браком молодых без их согласия («по принуждению»). Запрет касался как вольных людей, так и крепостных, что, впрочем, еще долго нарушалось.

170 лет В. Д. Спасовичу

16 (28) января 1829 года родился Владимир Данилович Спасович, профессор Петербургского университета, затем училища правоведения, автор учебника уголовного права, других юридических и ряда литературоведческих работ, выдающийся адвокат «первого призыва» (1866 г.). Умер в 1906 году.

135 лет выборным органам местного самоуправления

1 (13) января 1864 года Александр II утвердил Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Собрания и управы избирались на трехлетний срок представителями всех сословий, в том числе от сельских сходов.

125 лет всеобщей воинской обязанности

1 (13) января 1874 года Александр II утвердил Устав о воинской повинности. Ей подлежали все мужчины «без различия состояний». Зачисление на службу решалось жребием среди лиц, достигших 21 года. В сухопутных войсках служили 6 лет, на флоте – 7.

80 лет альтернативной службе

4 января 1919 года Совнарком РСФСР издал декрет об освобождении граждан от военной службы по религиозным убеждениям. Решением суда эти лица направлялись для исполнения иных общественных обязанностей (например, санитарами в инфекционные больницы). Формально декрет действовал до 1939 года.

5 лет Федеральному собранию РФ

11 января 1994 года состоялись первые заседания палат современного российского парламента – Совета Федерации и Государственной Думы.

Фото Натальи ЛЬВОВОЙ

Не остаться бы нам без будущего...

Невеселые размышления о проблемах детской и подростковой наркомании

Район Ново-Переделкино, относящийся к Западному административному округу столицы, – типично «спальный». Крупных предприятий здесь нет. Расположен он за кольцевой автомобильной дорогой. Жить бы здесь да радоваться природе, еще не изувеченной всерьез человеком. Но вот клонится солнце к закату и вползает в квартиры тревога. Тревога прежде всего за детей – школьников, подростков.

Однажды мои дочки (десять и двенадцать лет) рассказали мне, что в их школьном туалете нашли два шприца. Учителя безуспешно пытались выяснить, кто «баловался» наркотиком. Через несколько дней о подобном факте сообщили из другой школы. Потом еще из одной. Стало ясно, наркотическая «зараза» проникла в ученическую среду и прочно там обосновалась.

А тут новая напасть: что-то странное творится в школьных дискотеках. Заглянул я в одну из них и, как человек некурящий, сразу уловил запах жженой конопли.

По долгу службы я знаю, что беда эта – не местная, не переделкинская. И даже не московская. Беда эта общероссийская. По данным МВД наркотики потребляют свыше полутора миллионов россиян. Особо тревожит, что примерно четверть из названного числа – это несовершеннолетние.

Ухудшается обстановка и в Москве. И здесь детская и подростковая наркомания расползается, как раковая опухоль. В столичных ПТУ потребляют наркотики около 11 процентов юношей и более 3 процентов девушек, в общеобразовательных школах – соответственно 3,2 и 1,8 процента. Всех несчастных – взрослых и детей – на учете в московских наркодиспансерах более 120 тысяч.

Незаконный оборот наркотических средств в последние годы постоянно увеличивается. Наркодельцов наша страна привлекает обширным рынком, «прозрачными» границами, более высокими ценами на одурманивающее зелье по сравнению с ценами в европейских и американских государствах.

Бедствие в полной мере не измерить официальной статистикой. Она дает представление лишь о надводной части айсберга. На самом деле положение более серьезное и тяжелое. Наркомания несет угрозу здоровью населения, генофонду нации, обостряет криминальную обстановку. Возникает реальная угроза национальной безопасности страны. Если не бить во все колокола, не объединить усилия на борьбу против этого зла, Россия может остаться без будущего.

...Одно из первых заседаний исполнительного органа муниципального района Ново-Переделкино мы посвятили выработке мер борьбы против наркомании. В дискуссии участвовали ведущие специалисты и эксперты различных ведомств, префектуры. Вопросы, которые поднимали выступавшие, выходили за рамки округа, Москвы.

Для всех очевидно: разовые операции по пресечению наркобизнеса не приносят желаемого результата.

Для этого недостаточно усилий одних спецслужб и правоохранительных органов. Необходим единый государственный подход: принятие специальных социальных программ.

Понимание этого в обществе присутствует. Утверждена федеральная программа противодействия употреблению наркотиков. Соответствующие документы приняты в Москве, столичных округах. В нашем округе реализуется Программа комплексных мер противодействия

Фото Натальи ЛЬВОВОЙ

Владимир АРИСТОВ, заместитель начальника отдела по Западному административному округу Управления ФСБ России по г.Москве и Московской области, советник собрания муниципального района Ново-Переделкино

злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту. Она содержит шесть разделов: организационно-правовые меры, профилактика злоупотребления наркотическими средствами, медицинское обеспечение, пресечение незаконного оборота наркотических средств, международное сотрудничество, информационное обеспечение.

Актуальная задача – создание всеобъемлющей правовой базы, адекватной реальной наркологической обстановке. Законы должны регулировать оборот наркотических средств в медицине, ветеринарии, науке; противодействовать их незаконному обороту и наркобизнесу; предупреждать незаконное потребление наркотических средств; определять пути лечения и социальной реабилитации больных наркоманией.

Все, кто занят борьбой против распространения и потребления одурманивающего зелья, с удовлетворением узнали о принятии Закона об обороте наркотических средств. Разработка его шла почти шесть лет. Закон усилил государственный контроль за производством (включая культивирование определенных видов растений), хранением, реализацией, приобретением, уничтожением наркотических средств, за использованием сырья и оборудования для их изготовления.

Наш опыт показывает, что в московских административных округах, муниципальных районах можно немало сделать полезного уже сегодня, в условиях скудного финансирования. Перечислю кратко то, что нам удалось осуществить.

Кардинально улучшаем пропагандистско-разъяснительную работу. В Ново-Переделкино по местному кабельному телевидению готовится цикл передач о последствиях наркомании. Немалое место в них займут советы родителям, которых волна наркомании застала врасплох. Им надо многому научиться: замечать и правильно оценивать странности в поведении детей, ограждать их от беды, знать, куда в случае необходимости обратиться за помощью. В студии будет телефон, по которому взрослые и дети смогут получить ответ на любой вопрос, проконсультироваться.

Записали 15-минутный видеоролик о губительном воздействии наркотиков на здоровье подростков. Рекомендуем просматривать его, можно сказать, в принудительном порядке – в школах на уроках.

Выпустили тиражом две тысячи экземпляров листовку-памятку. Писали ее, я бы сказал, слезами и кровью. Ее содержание, полиграфическое исполнение получили положительную оценку жителей Ново-Переделкино.

Намечаем открыть кабинеты анонимного тестирования.

Хоть и медленно, но решается главная проблема: чем занять ребят после школы, в воскресные дни. Для школьников младших классов (до 10–12 лет) в районе есть кружки по интересам, спортивные секции, изостудии. Более старшим школьникам деваться некуда.

О таком бедственном положении мы проинформировали префекта Западного административного округа Алексея Михеевича Брячихина. Он принял наши проблемы близко к сердцу. Несмотря на неимоверные сложности, были изысканы средства для строительства крытого катка, реконструкции детской спортивной школы.

Борьба с незаконным оборотом и потреблением наркотиков настоятельно требует объединения сил и не только в масштабах округа, но и всего города. Пользу принесет обмен опытом, координация действий.

Борьба против наркомании, прежде всего детской и подростковой, – задача чрезвычайно сложная, не терпящая отлагательств. Хотелось бы, чтобы на страницах журнала «Российский адвокат» высказали свою точку зрения, поделились опытом руководители властных структур, медики, психологи, педагоги, сотрудники правоохранительных органов – все, кто причастен к решению проблемы наркомании.

Судья разбушевался...

Эдвард МАРТИРОСЯН,
председатель президиума Орловской областной коллегии адвокатов №2

Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

Судебная практика знает разное отношение участников процесса к позиции адвоката: от полной поддержки до полного отрицания. Но то, что произошло в Орловском облсуде, не вписывается ни в какие мыслимые нормы. Такое впечатление, будто поданные адвокатами В. Гаврилиным, С. Шелепой и мной кассационные жалобы на приговор судья Н. Тимошин расценил как личное оскорбление и решил посчитаться с обидчиками.

Но этих жалоб просто не могло не быть. Дело, в котором мы участвуем, весьма противоречиво, почему и тянется уже два с половиной года. За это время оно трижды расследовалось и трижды слушалось в суде. Не мудрено, что дать ему верную оценку куда как непросто. И председательствующий должен бы предвидеть критику своего решения. Тем более что в его основу положил все те же факты, что были признаны неубедительными в ходе предыдущих разбирательств. Как, например, «явки с повинной», добытые путем угроз и физического воздействия на подозреваемых (заключения судмедэкспертов о побоях имеются), или удивительное «опознание» преступника... по глазам, увиденным в момент нападения сквозь прорези маски.

С другой стороны, как поступить защитнику, если он не считает доказанным ни один из эпизодов, вмененных его подзащитному? А речь-то идет ни много ни мало о бандитизме и разбойных нападениях, и сроки невинным людям определены от 10 лет! Неужели следовало смириться, пойти на сделку с совестью и «уважить» домыслы судьи?

Но что повторять прописные истины? Адвокаты высказали свою позицию. В предусмотренной законом форме. И с ней надо считаться, нравится ли она кому-то или нет. Однако должный ход событий оказался нарушен. Не дожидаясь решения вышестоящей инстанции по существу жалоб, судья Тимошин взялся проучить «строптивых» адвокатов, избрав для этого весьма своеобразный способ.

Напомню, что злополучное дело длится уже давно, прошло шесть (!) этапов следствия и судебного рассмотрения. Ясно, что и оплата юридической помощи обвиняемым строилась поэтапно: на каждое расследование или слушание оформлялись отдельные документы. Либо на основе соглашений с клиентами, либо по назначению суда. Причем если с оплатой этой помощи в ходе первого расследования и на первом суде родственники, скажем, моего подзащитного еще справились, то в последующем это оказалось им не под силу. И за работу при дополнительном расследовании в 1997 году они смогли частично расплатиться только в 1998-м. А дальше соглашения с ними просто не заключались. Свои нюансы возникли во взаимоотношениях с клиентами и у моих коллег. Тем не менее все мы продолжали защиту, полагая, что ее оплату произведет суд, приглашавший нас на свои заседания. Естественно, что после вынесения приговора мы все трое подали на имя судьи соответствующие заявления.

И что же? Судья не только отказал в положенном вознаграждении, но усмотрел в наших действиях... мошенничество. Якобы мы, уже получив деньги с клиентов, попытались еще что-то урвать у родного государства. Большего абсурда трудно себе представить. Однако, как стало известно, этим делом уже занялись местные следователи.

Не правда ли, беспроигрышный способ нанести удар по доброму имени адвоката? При любом исходе дела к людям неизбежно прилипнет ярлык рвачей и хапуг. А ведь из самого текста постановления судьи об отказе оплатить нашу работу видно, что судья просто не вник в существо заявлений, не разобрался в наших отношениях с клиентами, перепутал даты участия адвокатов в деле. Потому и утверждает, например, что расчет, произведенный за мою работу летом 1997 года, относится к работе на последующих этапах. Тогда как я вел речь о вполне конкретных двадцати трех присутственных днях, никак не связанных с заключенными ранее соглашениями с родственниками подзащитного. И это ведь легко проверяется: достаточно полистать дело и ознакомиться с моими регистрационными карточками и ордерами.

Примечательно, что отказ судьи оплатить труд адвокатов возмутил даже наших подзащитных. Подзащитный Шелепы направил по этому поводу в Верховный суд РФ частную жалобу, а мой сделал соответствующую приписку на частной жалобе, поданной мною. Люди в деталях поясняют, когда, сколько и за что именно вносили деньги в кассу коллегии. Да и как вообще можно говорить о попытке что-то урвать у государства, когда любые суммы, выплаченные адвокатам, впоследствии удерживаются в пользу государства с тех же подзащитных?!

Нет, не забота о народном достоянии руководила, судя по всему, судьей Тимошиным. Как не вспомнить, что ровно год назад он уже удовлетворил заявление об оплате работы одного из нас как раз за тот период, который ныне у него вызывает сомнения. Вывод один: год назад еще не было приговора и не было столь неприятных для судьи кассационных жалоб. Сегодня они есть, и хочется использовать любой (даже абсурдный) повод для дискредитации чересчур неудобных оппонентов.

Многие читатели журнала «Российский адвокат» просят публиковать материалы, рассказывающие о конкретных приемах построения адвокатом практической защиты, помогающие им глубже постичь особенности своей профессиональной деятельности.
С этого номера журнал вводит новую рублику «Мастер-класс», где будут выступать известные российские адвокаты, за плечами которых немало проведенных дел, ставших уже классикой отечественной адвокатской школы. Они поделятся опытом своей защитительной работы, выскажут рекомендации по решению наиболее сложных вопросов адвокатской практики.
Открыть новый раздел редакция попросила Михаила Александровича Гофштейна. Он известен как один из выдающихся адвокатов России, вписавший яркую страницу в историю современного правозащитительного дела.
За вклад в развитие адвокатуры и повышение роли и престижа адвокатской деятельности М. А. Гофштейн награжден золотой медалью имени Ф. Н. Плевако.

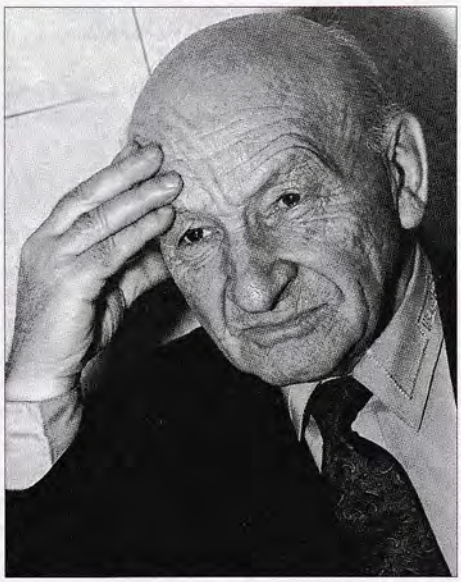


Фото Рудольфа РЯЗАНОВА

Михаил ГОФШТЕЙН,
член Московской областной коллегии адвокатов

МАСТЕРСТВО, И ВДОХНОВЕНЬЕ

Обычно когда говорят о работе адвоката, имеют в виду его тщательную подготовку к судебному процессу, выражающуюся прежде всего в скрупулезном исследовании материалов дела, чтобы установить допустимость доказательств, их достоверность и достаточность; умение глубоко продумать особенности своего участия в судебном следствии; способность грамотно построить защиту непосредственно в судебном заседании.

Но можно внимательнейшим образом, как говорится, проштудировать все материалы, освежить в памяти соответствующие законы, подробно расписать каждое свое действие в зале суда и... не добиться желаемого результата. Казалось бы, все предусмотрено, все просчитано, но начинается слушание дела и конструкция, которая до этого представлялась такой выверенной и надежной, вдруг начинает на глазах разваливаться, оставляя на месте прежде безупречных линий какие-то жалкие обломки, не имеющие теперь никакой ценности.

Что же произошло?

В этой связи вспоминается одно дело, где мне довелось защищать молодого человека, обвиненного в краже иконы. Мой подопечный, обычный городской парень, приехал в небольшую деревеньку и проник в дом, где жила одинокая старушка. Хозяйка в это время отсутствовала, и непрошеный визитер схватил икону, висевшую в красном углу, и попытался с ней удрать. Но вскоре был задержан и предстал перед судом.

Вроде бы простое дело. Что может в такой ситуации адвокат? Ну просить суд не выносить незадачливому похитителю строгого наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи УК. Подчеркивать, что никогда раньше он к уголовной ответственности не привлекался и т.д. Словом, выполнить довольно заурядную в подобных случаях защитительную работу. Нередко она приносит успех.

Но когда я привычно занял место за столиком защиты и посмотрел в зал, на душе у меня стало тревожно. Небольшое помещение было битком набито людьми. Здесь собрались почти все жители деревеньки. В основном пришли старики и старушки.

Я взглянул на их лица и понял, что процесс будет трудным. В глазах собравшихся читалась откровенная враждебность не только к залетному воришке, но и ко мне, адвокату, который, по их мнению, собирается его выгораживать. И кого? Залетного чужака, который поднял руку на святыню!

Хуже того – я увидел, что настроение зала передается и председательствующему по делу, который славился как очень хороший судья, всегда стремившийся к объективному рассмотрению всех обстоятельств. Но тут и он не

мог остаться беспристрастным – настолько велика была обвинительная энергетика зала! Казалось, воздух буквально пронизали невидимые токи гнева и озлобления, требующие самой суровой кары для моего подзащитного.

В такой накаленной обстановке приводить обычные доводы, наработанные практикой проведения стандартных дел о краже, – значит, еще больше распалить страсти. Сердца людей, возмущенных содеянным, просто не воспримут дежурные фразы в защиту моего подопечного. Наоборот – они только сильнее настроят против него и жителей деревеньки, и суд. И результат может быть весьма плачевным как для молодого парня, позарившегося на икону, так и для его адвоката, который оказался бессилен перед натиском разгоревшихся страстей.

Не знаю, из каких глубин сознания или души пришло нужное решение. Может, агрессивное настроение в зале суда стало мощным импульсом, пробудившим к жизни какие-то полузабытые образы, неожиданные ассоциации, странные на первый взгляд сопоставления.

И я заговорил о... моде.

В былые времена, начал я, появление на деревенских танцах молодого парня в рваных штанах вызвало бы всеобщее осуждение. Неряху просто подняли бы на смех, и ни одна дивчина не пошла бы с ним танцевать. За таким возмутителем спокойствия навсегда бы закрепилась слава оборванца, демонстративно пренебрегающего общепринятыми нормами поведения. Даже если бы он впоследствии стал являть собой образец аккуратизма, все равно за ним тянулся бы след прежней оплошности.

Вот какие нравы были когда-то!

– А теперь? – задал я свой риторический вопрос.

Живописно разодранные джинсы, то бишь те же штаны, считаются необходимой принадлежностью всякого модного молодежного туалета – как мужского, так и женского. Налажена даже специальная индустрия изготовления подобной швейной продукции. Юноша или девушка, вышедшие в свет в экстравагантных лохмотьях, уже не вызывают никакого удивления. Никто не спешит проявлять негодование по отношению к юнцам, щеголяющим в одеянии с подчеркнуто небрежно наложенными заплатами.

Почему?

Да потому, что модно!

То самое поветрие, которое вдруг в какое-то время охватывает немалую часть человечества, в основном юного возраста, заставляя ее впадать в лихорадочное состояние – то поголовно обуживать брюки, то до крайности уменьшать длину юбок, то надевать на себя разноцветные парики.

А вот сейчас – одеваться в причудливую рванину.

И пока это будет считаться модным, все больше поклонников, завороженных миражем приобщения к некоему высшему таинству, прибавится у подобного увлечения. Вот и мой подзащитный, продолжал я, попал под влияние определенной моды. В той среде, в которой он вращался, постоянно шли разговоры о том, что все больше людей стремятся иметь у себя дома иконы.

После десятилетий казенного атеизма, когда молодых, да и не очень, людей, осмелившихся надеть крестик, могли подвергнуть самой уничижительной острастке, ослабление гонений вызвало немалый интерес к прежде запретным вещам. В церкви хлынули толпы любопытствующих, жаждущих побыстрее приобщиться к общим увлечениям. Под сводами храмов появились даже былые высокие партийные чины, которые держали свечки в правой руке – там, где у них обычно находился стакан с какой-нибудь горячительной влагой.

Раз возникает на что-то ажиотажный спрос, неизбежно следуют попытки его удовлетворить. Из бесед со своими ровесниками, говорил я, мой подзащитный узнал о том, что есть люди, готовые заплатить немалые деньги за старые иконы. Их же, дескать, полным-полно в дальних деревеньках, где старики и старушки еще сохранили у себя предмет своего поклонения. Вот и этот молодой человек, указал я на подсудимого, решил подзаработать на модной страсти.

Боковым зрением я увидел, как зажегся огонек интереса в глазах председательствующего. Да и в зале суда что-то неуловимо переменилось. Я кожей почувствовал, как спадает напряжение среди собравшихся. Волна враждебности, прежде заполнявшая все помещение, словно начала понемногу таять, уступая место пока не сочувствию, а просто человеческому вниманию.

Это было уже достижением адвоката.

Теперь требовалось его закрепить и развить дальше. Мой подзащитный, повторил я, не представлял себе ни ценности похищенной иконы, ни глубины переживаний ее хозяйки, которая за 30 лет поклонения ей сжилась с образом лика Божьего, глядящим на нее из красного угла, где день и ночь горела лампадка.

Рисунок Леонида НАСЫРОВА

Заезжий воришка ни о чем таком и не задумывался. Он схватил икону под мышку и был таков. Его вело молодое недомыслие, не устоявшее пред искушениями модного поветрия. К этому времени в обществе уже было утрачено понятие острой непримиримости к любым посягательствам на символы религии. Взрывом храма Христа Спасителя государство словно само узаконило полное пренебрежение к церковной атрибутике, придало ей некий статус бесхозности и ненаказуемого грабительства.

Нужно время, чтобы все встало на свои места и возродились прежние нравственные ценности, раздавленные кат-

ком чудовищных экспериментов. Так целесообразно ли, обратился я к суду, засаживать в тюрьму на долгие годы молодого, едва достигшего совершеннолетия парня, у которого еще не сформировались глубокие представления о добре и зле и который дает легко увлечь себя на ложный путь какому-то скоротечному модному капризу? За это время он осознал пагубность содеянного им. Случившееся станет ему хорошим уроком на всю оставшуюся жизнь.

Суд назначил моему подзащитному наказание, не связанное с лишением свободы. Немаловажно и то, что приговор был с пониманием воспринят и собравшимися в зале жителями деревеньки. Когда я выходил, они говорили мне, что я правильно защищал впервые оступившегося юношу, судьба которого могла быть безнадежно искалечена.

Я так подробно остановился на этом случае лишь потому, что, на мой взгляд, он представляется весьма поучительным с точки зрения поиска неожиданных, нестандартных путей и способов защиты. Я уже говорил здесь, что перед судебным заседанием у меня и в мыслях не было стремления рассуждать о моде, ее влиянии на юные, еще неокрепшие души, последствиях повальных увлечений. Но настроение в зале суда показало мне, что здесь обычные приемы не сработают. Чтобы переломить ситуацию, требовался нетривиальный ход. И он был найден.

При этом я ничуть не кривил душой. Я не назвал черное белым, а белое черным. Я предложил суду взглянуть на деяние моего подзащитного несколько с других позиций, которые, не оправдывая его, тем не менее косвенно объясняли подоплеку совершенной им кражи, давали ей оценку, учитывающую все, даже на первый взгляд далекие от предмета разбирательства обстоятельства.

Недаром мои учителя, а им в свою очередь их наставники, начинавшие свой путь, когда вовсю гремела слава Федора Никифоровича Плевако и его великих соратников, говорили, что профессия адвоката – одна из самых творческих. Ей, как никакой другой, противопоказаны косность, шаблон, стереотипы мышления. Слишком дорогой ценой оплачивается порой стремление адвоката идти уже наезженными путями, раз за разом повторять старые приемы.

Конечно, есть базовая основа – знание законов, порядка судопроизводства, общих норм защитительной работы. Но в остальном адвокат творит сам – только от его интеллекта, интуиции, исследовательских данных, вдохновения и бесстрашной нацеленности на нужный результат зависит, насколько успешно удается ему решить поставленную задачу. Сколько простора для творческого поиска представляет собой, к примеру, тактика защиты! Обычно, когда у нас говорят о тактике действий участников уголовно-процессуальных отношений, на первый план выдвигают тактику следствия. Этому посвящены многочисленные монографии, научные исследования, практические разработки. Следователь, если есть возможность, в состоянии обратиться за помощью к опыту своих коллег или предшественников, оставивших подробный анализ тех или иных вопросов следственной работы.

У адвокатов же здесь положение гораздо сложнее. Практически исследования по тактике защиты заметно уступают по количеству подобным трудам в области следствия. Наверное, это объясняется тем, что долгое время особенности нашего судопроизводства вряд ли открывали большие возможности для поиска и последующего применения каких-то новаторских идей и построений. В условиях прежних порядков адвокатуру упорно сталкивали на тропу безликости, серости, юридической второсортности.

Конечно, и в той удушающей атмосфере находились адвокаты, которые отличались яркостью личности, масштабностью мастерства. Но общая установка была такова, что она не позволяла большинству адвокатов выходить за рамки жестко очерченных требований. Правило «шаг в сторону...» негласно, но достаточно надежно действовало и там, где вроде бы не было на виду колючей проволоки и караульных вышек. Потому и тактическое искусство защиты не разрабатывалось отечественными юристами в полной мере, перебивалось лишь эпизодическими попытками затронуть столь важную и нужную тему.

Но вот пришли новые времена, когда многие прежние утеснения канули в прошлое. Казалось, появилась надежда, что теперь-то свежие, оригинальные мысли, свободные от старого идеологического гнета и правового давления, обогатят защитительную деятельность новыми представлениями, породят глубокие исследования, дадут толчок разностороннему творческому поиску.

К сожалению, эти ожидания мало в чем оправдались. Может, стремительная смена общественных отношений, экономических формаций и всего уклада жизни заставила адвокатов больше заниматься сиюминутными проблемами, оставив «на потом» решение многих вопросов приведения своей профессиональной подготовки в соответствие с изменившимися реалиями сегодняшней действительности.

Но народная мудрость не случайно гласит, что того, кто не движется вперед, течение неизбежно относит назад. Самое печальное для адвоката, когда он, уверовав в собственную непогрешимость, раз и навсегда останавливается в собственном развитии, перестает тревожить себя мыслями о совершенствовании своего мастерства, предпочитает выезжать исключительно на старых знаниях и навыках. Даже самое простое судебно-следственное действие требует от защитника готовности рассматривать его не как прискучивший надоедливый ритуал, а как еще один путь анализа юридически значимых обстоятельств дела.

Тем более это справедливо, когда речь заходит о сложных и ответственных аспектах защитительной работы. К примеру, сюда бы я отнес проведение адвокатом допроса подсудимых, потерпевших, свидетелей. Это действие представляется мне даже более трудным и важным, чем произнесение защитительной речи. Именно от того, насколько продуманно и умело проводит адвокат допрос, во многом зависит конечный результат его усилий.

Есть здесь, пожалуй, два категории адвокатов. Представители одной из них, к которым я отношу и моих учителей, считают, что лучший вопрос тот, который не был задан. За внешней парадоксальностью подобного утверждения скрывается глубокий смысл. Вопрос, задуманный без тщательного осмысления, может породить такой ответ, который сведет на нет все старания защитника. Ему

останется только проклинать тот миг, когда с его уст слетели необдуманные слова.

Опытные же адвокаты конструируют вопросы таким образом, что неизбежно следует ответ, который ими предусматривался. Это большое искусство. Оно напрямую связано с умением защитника чутко улавливать все нюансы, которые возникают в ходе судебного разбирательства, вовремя реагировать на те или иные неожиданности, что появляются в действиях участников судебного процесса.

Многие защитники заранее составляют для себя план судебного следствия, где перечисляют все вопросы, которые намереваются задавать во время допроса. В принципе здесь нет ничего предосудительного. Если защитник считает, что предварительное подробное «проигрывание» предстоящей ситуации придаст ему дополнительный заряд уверенности перед трудным испытанием, то можно только приветствовать подобные упражнения.

Беда в том, что нередко заблаговременные разработки механически переносятся в обстановку реального судебного разбирательства. И как ужасно выглядит такая защита, которая строится только по задуманной схеме, без всякого учета неожиданно изменившихся условий! Позволю себе снова сослаться на пример дела о краже иконы. Если бы я продолжал вести защиту моего подопечного так, словно не существовало определенного настроения среди собравшихся в зале суда, то неминуемо потерпел бы крах. Пришлось кардинальным образом скорректировать самые важные моменты уже намеченной защитительной работы. Причем не в тиши рабочего кабинета, неторопливо выстраивая линию предстоящей защиты, а в накаленной обстановке, под прицелом десятков враждебных взглядов, все больше ощущая, как атмосфера озлобленности и непримиримости постепенно охватывает весь зал. И потребовалось мгновенно, как говорится, просчитать ситуацию, без промедления разобраться в ней и принять наиболее эффективное при данных обстоятельствах решение.

Да, на первый взгляд – чистая импровизация. Но если вдуматься, она возникла не из ничего. Ее подготовили годы работы, раздумья, удачи и огорчения, размышления над опытом коллег и предшественников, горы прочитанных книг. Это все копилось, собиралось, осмысливалось, чтобы в какой-то миг вспыхнуть озарением, осветившим разгадку трудной задачи. Рассказывают, что один известный в прошлом поэт написал стихи, принесшие ему славу, сидя в президиуме какого-то собрания. Когда его потом спросили, сколько времени ему потребовалось, чтобы написать эти строки, он, не раздумывая, ответил:

– Десять минут и вся жизнь!

Адвокатское творчество развивается по тем же законам – оно жизнедеятельно лишь тогда, когда его мощно питают знания, переживания, впечатления, собственные раздумья, общение с людьми. Не верю, что вдохновение приходит на пустую голову, не отягощенную никакими размышлениями или каким-то запасом жизненного и профессионального опыта. Творческая искра зажигается лишь в обстановке непрерывного поиска, под влиянием напряжения всех умственных и душевных сил.

Кое-кто из адвокатов, особенно начинающих, любит ссылаться на то, что великий Плевако тратил порой на подготовительную работу не более 10–15 минут и тем не менее блестяще выигрывал дело. Дескать, все зависит от настроения, удачи, особого подъема. Не исключаю важности подобных факторов, но в основе их, как свидетельствует практика, лежат не каприз случая, а каждодневный упорный труд, непрерывное накопление знаний, опыта, мастерства. Творческий, профессиональный багаж того же Федора Никифоровича Плевако был настолько велик и разнообразен, что он позволял ему всегда быть во всеоружии, не теряться даже в самых сложных ситуациях.

Но подлинное творчество адвоката не имеет ничего общего с какими-то недостойными ухищрениями, попытками передергивать факты, представлять, к примеру, своего подзащитного ангелом во плоти, а противоположную сторону – средоточием зла. В этом плане мне близки взгляды знаменитого французского адвоката Лабори, который в свое время защищал Дрейфуса, офицера Генерального штаба французской армии, обвиненного в шпионаже. Так вот Лабори говорил, что он относится к тем адвокатам, которые называют хлеб хлебом, а вино – вином.

Эти слова, произнесенные в прошлом веке, актуальны и сейчас. Практика показывает, что мало преуспевает в своем деле адвокат, который, образно говоря, обычный хлеб называет пирогом, а вино – водой. Такие смещения происходят, на мой взгляд, из-за желания «работать на публику», продемонстрировать ей, как старается адвокат оправдать обращенные к нему надежды. Суд же только раздражают всякие неуместные выверты. Они бы, может, не встретили бы никакой реакции, если бы, скажем, адвокат выступал где-то в безлюдной аудитории. Но коль скоро судьбой ему начертано вести гласное состязание с оппонентами, то нельзя сбрасывать со счетов, какое впечатление произведет оно на суд. Ведь там – живые люди со своими привычками, взглядами, пристрастиями. И не знать их психологию, – значит, заведомо ставить себя в невыгодное положение.

Если же адвокат стремится называть хлеб хлебом, а вино – вином, то он всегда может рассчитывать на понимание суда. Эта концепция восходит к взглядам мыслителей древности, к тому же Платону, который говорил, что не может быть ясных слов, если нет ясности в мыслях. А эта ясность рождается только тогда, когда адвокат досконально знаком со всеми материалами дела, уверенно ориентируется в его хитросплетениях.

Адвокат должен являться тем участником судебного процесса, который знает дело лучше всех остальных. Мне не однажды приходилось сталкиваться с ситуацией, когда судья, забыв, где в процессуальных документах находятся важные для дела обстоятельства, обращался за помощью к адвокату. Не к прокурору, а к защитнику! Потому что был уверен, адвокат обязательно даст наиболее точные сведения.

Он знает.

Он не может не знать.

Иначе ему нечего рассчитывать на успех.

В мире много профессий, которые требуют творческого подхода, непрестанных исканий и постоянного напряжения. И на одном из первых мест здесь стоит профессия адвоката.

«Образование и карьера»

Так называлась международная выставка, работавшая в конце минувшего года в Центральном Доме художника на Крымском валу. Проводилась она в восьмой раз. Четыре дня с утра до вечера у стендов более чем 80 российских и зарубежных учебных заведений кипел людской водоворот. Особенно много было школьников-старшеклассников, которым в ближайшем будущем предстоит сделать выбор: кем стать, куда пойти учиться.

Впервые в выставке приняла участие Российская академия адвокатуры (РАА), учрежденная год назад Гильдией российских адвокатов, Международным союзом (содружеством) адвокатов, коллегиями адвокатов «Мосюрцентр»,

Михаил Крестинский дает пояснения

Министр общего и профессионального образования России Владимир Филиппов (в центре) беседует с участниками выставки

Идет тестирование по правовым вопросам

Московской городской, Межреспубликанской и другими. Появление на выставке РАА, единственного российского учебного заведения, поставившего себе целью подготовку кадров для адвокатуры, вызывало особый интерес. Проректору по учебной работе Михаилу Крестинскому и его коллегам пришлось отвечать на многочисленные вопросы.

– Мы надеемся, что в наши аудитории придет молодежь, более подготовленная к занятиям юриспруденцией, более убежденная в правильности выбора, – заявил он после закрытия выставки.

Валентин СЕРГЕЕВ,
спец. корр. «Российского адвоката»
Фоторепортаж Натальи ЛЬВОВОЙ

«Какие льготы

«Обращаюсь к вам с просьбой. Объясните мне, пожалуйста, как нужно действовать в такой ситуации. В настоящее время я отбываю наказание в Хабаровском крае. Уже несколько раз пытался перевестись по месту своего жительства, где проживал до ареста со своей семьей, в Свердловскую область, однако мне все время отказывают, ссылаясь на отсутствие рабочих мест. Я слышал, что вышел такой закон или указ, где говорится, что заключенные могут отбывать срок в той местности, где они живут и имеют близких. Не могли бы вы подсказать, есть ли он и как нужно действовать?

Н. Некрасов, учреждение ИЗ 257/1, Хабаровский край, пос. Ванино»

В статье 73 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, введенного в действие с 1 июля 1997 года, прямо указывается, что осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. В исключительных случаях по состоянию здоровья осужденных или для обеспечения их личной безопасности, либо с их согласия осужденные могут быть направлены для отбывания наказания в соответствующее исправительное учреждение, расположенное на территории другого субъекта Российской Федерации.

При отсутствии по месту жительства или по месту осуждения исправительного учреждения соответствующего вида или невозможности размещения осужденных в имеющихся исправительных учреждениях осужденные направляются в ближайшие исправительные учреждения, расположенные на территории данного субъекта Российской Федерации, либо по согласованию с соответствующими вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы в исправительные учреждения, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации.

Таким образом, вы можете обратиться с ходатайством о переводе для дальнейшего отбывания наказания по месту жительства в соответствующий департамент Министерства юстиции Российской Федерации, поскольку указом Президента Российской Федерации система исполнения наказаний придана Министерству юстиции РФ.

«Я, Тушин Андрей Иванович, был осужден 12 января 1996 года по статьям 144 частям второй и третьей, 15-144 части второй и 193 части второй Уголовного кодекса РСФСР. Когда был задержан по подозрению, то мне предъявили обвинение по статье 144 части второй УК РСФСР, но на закрытии уголовного дела переквалифицировали на часть третью статьи 144 из-за суммы иска, которая превышала 500 минимальных окладов на момент преступления. В связи со сменой УК РФ всем, кто совершил преступления до 1 января 1997 года, дела пересматриваются, но мое дело до сих пор окончательно не пересмотрено, несмотря на мои жалобы.

При первом пересмотре Новокуйбышевский городской суд переквалифицировал мне 144 часть третью УК РСФСР на 158 часть вторую УК РФ и назначил наказание 6 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима. Но так как часть третья статьи 144 не соответствует, то и срок наказания 6 лет свободы слишком большой и должен быть снижен. Прошу проконсультировать меня по моему письму, прав я или нет, и что делать дальше.

А. Тушин, учреждение УР 65/6, пос. Управленческий, г. Самара»

Согласно статье 3 Федерального закона Российской Федерации «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ пересмотр приговоров в связи с принятием нового Уголовного кодекса РФ производится по ходатайству администрации учреждения или по протесту прокурора судом по месту отбывания наказания, однако ему подлежат лишь те приговоры, по которым назначенное наказание превышает максимальную санкцию, установленную соответствующей статьей нового кодекса. В настоящее время частью второй статьи 158 УК РФ (ранее часть вторая статьи 144 УК РСФСР) предусматривается максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет, в связи с чем суд совершенно правильно переквалифицировал ваши действия.

Что касается размера причиненного вами ущерба, судом он определен не как «крупный» (который действительно, согласно примечанию к названной статье, должен представлять собой стоимость имущества, в 500 раз превышающую минимальный размер оплаты труда), что соответствует части третьей статьи 158, а по части второй указанной статьи как «значительный ущерб потерпевшему». «Значительный ущерб» это сугубо оценочный признак, который в законе никак не формализован. Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 5 сентября 1986 года в общей форме разъяснил: «Решая вопрос о квалификации действий виновного по признаку причинения преступлением значительного ущерба потерпевшему, следует учитывать стоимость похищенного имущества, а также его количество и значимость для потерпевшего, материальное положение последнего, в частности заработную плату, а также наличие иждивенцев». Таким образом, значительность ущерба зависит скорее не от стоимости похищенного имущества, а от совокупности факторов, определяющих материальное положение потерпевшего. Таким образом и в этой части принятое судом решение верно.

«Обращаюсь к вам с последней надеждой найти действительную «букву Закона» и при этом быть уверенным, что мне скажут правду. В настоящее время нахожусь в следственном изоляторе ИЗ 48/2 г. Москвы после рассмотрения моего дела военным судом в/ч 16666. Мною было заявлено ходатайство о рассмотрении моего дела судом присяжных, однако в постановлении о назначении судебного заседания член военного суда подполковник юстиции А. И. Масин указал, что в соответствии с Положением о военных трибуналах все уголовные дела в военном суде по первой инстанции рассматриваются коллегиально – в составе судьи и двух народных заседателей. Считаю, что вынесенный мне смертный приговор без представления мне права на рассмотрение моего дела судом с участием присяжных заседателей и разъяснения мне права не свидетельствовать против себя является незаконным. Прошу указать мне на неверность

моего толкования или подтвердить, что я прав, после чего я буду продолжать добиваться восстановления моих нарушенных прав.

И. Сметанин, учреждение ИЗ 48/2, г. Москва»

Действительно, статьей 20 Конституции РФ устанавливается право каждого, кому в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь, на рассмотрение его дела судом присяжных. Однако в пункте шестом раздела второго Конституции РФ «Заключительные и переходные положения» указывается, что впредь до введения в действие федерального закона, устанавливающего порядок рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей, сохраняется прежний порядок судебного рассмотрения соответствующих дел. В соответствии с изменениями, внесенными в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР Законом РФ от 16 июля 1993 года, суд присяжных в Российской Федерации действует в порядке эксперимента в девяти регионах страны, в число которых не входит Москва. Таким образом, в остальных регионах действует прежний порядок судебного рассмотрения уголовных дел.

Что касается неразъяснения вам прав, указанных в статье 51 Конституции РФ, такую ошибку нельзя признать существенным нарушением Уголовно-процессуального кодекса, поскольку статьей 46 УПК РСФСР в действующей редакции уже предусматривается лишь право, а не обязанность обвиняемого давать объяснения по предъявленному обвинению, а также УК РФ не предусматривается уголовной ответственности за дачу обвиняемым ложных показаний и за отказ от дачи показаний, что предполагает возможность дачи обвиняемым любых показаний или полного отказа от них. Данное право, уже существовавшее в законодательстве и ранее, было лишь подтверждено статьей 51 Конституции РФ и распространено на свидетелей.

«Я отбываю наказание в ИТК с ноября 1996 года. Сам я являюсь ликвидатором Чернобыльской АЭС. В Чернобыле был с 9 октября по 28 ноября 1986 года. Ежемесячную денежную компенсацию и годовую материальную помощь за 1996 год получил, а в 1997 году ежемесячную компенсацию мне платили только до мая месяца. В настоящее время я ничего не получаю. В октябре 1997 года подал документы на пенсию и тоже ничего не получаю. У меня вопрос – компенсируют ли мне все задолженности по чернобыльским пособиям и пенсии? И еще хочу знать, какими льготами могут пользоваться осужденные в ИТК?

С. Михеев, учреждение ОД 1/4, г. Вязники Владимирской обл.»

В соответствии с частью седьмой статьи 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, принятого 8 января 1997 года и введенного в действие с 1 июля 1997 года, осужденные имеют право на социальное обеспечение, в том числе на получение пенсий и социальных пособий, на общих основаниях в соответствии с законодательством Российской Федерации. Согласно статье 98 УИК РФ осужденные имеют право на общих основаниях на государственное пенсионное обеспечение в старости, при инвалидности, потере кормильца и в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Выплата пенсий осужденным осуществляется органами социальной защиты населения по месту нахождения исправительного учреждения путем перечисления пенсий на лицевые счета осужденных. Таким образом, вам должны выплачиваться как денежные компенсации в связи с вашим пребыванием на Чернобыльской АЭС, так и пенсия с того момента, когда у вас возникло право на ее получение. Как вам, наверное, известно, в настоящее время в нашей стране сложилась сложная ситуация с выплатой заработной платы и пенсий. В связи с дефицитом бюджета по всей стране существует задолженность с такого рода выплатами. Видимо, эта ситуация коснулась и вас. Однако все задолженности обязательно должны быть компенсированы.

В целом согласно Уголовно-исполнительному кодексу РФ льготами в исправительных колониях пользуются осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, осужденные беременные женщины, осужденные женщины, имеющие при себе детей, а также осужденные, перевыполняющие нормы выработки или образцово выполняющие установленные задания на тяжелых работах, а также на работах с вредными или опасными условиями труда, на предприятиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Для последних органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе повышать размер средств, разрешенных для расходования, в пределах установленного минимального размера оплаты труда с учетом надбавок, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Положительно характеризующимся осужденным, отбывающим лишение свободы в исправительных колониях и воспитательных колониях, а также осужденным, оставленным для ведения работ по хозяйственному обслуживанию в следственных изоляторах и тюрьмах, может быть разрешено передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы.

Осужденным, являющимся инвалидами первой или второй группы, питание и одежда предоставляются бесплатно.

Ольга ШВАРЦ,
консультант «Российского адвоката»

Советует специалист

Жалоба Уполномоченному

Скоро год как в нашей стране действует новый орган защиты прав граждан – Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Как известно, на эту должность назначен Олег Орестович Миронов, и уже рассмотрены сотни обращений.

Между тем далеко не все поступающие в наш адрес письма могут быть приняты к рассмотрению. Люди, увы, не соблюдают установленные на сей счет правила, и это тормозит решение их проблем. Что же надо иметь в виду, обращаясь со своим вопросом в новую инстанцию?

Во-первых, в компетенцию Уполномоченного входит рассмотрение нарушений прав граждан только со стороны государства, его органов и должностных лиц. Споры граждан между собой, с общественными и частными организациями он не рассматривает.

Не можем мы также вступать в дело, если оно до этого не рассмотрено в обычном порядке – судом или органами исполнительной власти. То есть только после того, как состоялось такое рассмотрение вопроса и решение высшего судебного или административного органа не удовлетворило заявителя, он вправе обратиться с этим вопросом к Уполномоченному. При этом к письму следует приложить копии состоявшихся решений, а само письмо направить не позднее года со дня нарушения прав (даты последнего решения по делу).

Закон не устанавливает сроки рассмотрения писем на имя Уполномоченного. Он лишь должен поставить заявителя в известность о том, принята ли жалоба к рассмотрению или нет. Может разъяснить средства, которые человек вправе использовать, защищая свои права и свободы, либо передать жалобу в соответствующий орган (должностному лицу), о чем уведомляется заявитель.

Соблюдение этих несложных правил, надеюсь, поможет людям быстрее решить их вопросы, защитить свои законные права и интересы.

Екатерина ПРОХОРОВА,
сотрудник аппарата
Уполномоченного по правам человека в РФ

«Душа алкает добрых дел»

Давнего друга и постоянного автора нашего журнала Вячеслава Сысоева читатели знают не только как опытного юриста, помощника министра юстиции России, но и как творческую личность, автора стихов, собирателя занимательных документов, историй, шуток. Недавно издательство «Московский Парнас», журналы «Мы», «Крокодил» и Московское объединение литераторов выдвинули поэтические работы коллеги на соискание Государственной премии РФ за 1998 год. С поэтом встретился литературный обозреватель «Российского адвоката».

– Поздравляем вас, Вячеслав Дмитриевич, с очевидным общественным признанием вашего творчества. В последнее время у вас вышло несколько сборников. Какие из них представлены на суд высокого жюри?

– Спасибо. Сознаюсь, это приятно. Тем более что представленные работы уже нашли поддержку критиков «Литературной России», «Независимой газеты» и ряда других изданий. А речь идет о книжке лирических стихов «Пока душе дано...» и о так называемых «амурных диалогах» «Ах, любовь, любовь...».

– Узнаю вашу вечную творческую «раздвоенность»: с одной стороны – серьезные раздумья, трепетная нежность, а с другой – ерничество, сарказм, хохмы.

– Так ведь это сама жизнь такая «полосатая». Могу даже приоткрыть некую творческую тайну. К юмору, например, меня подтолкнула... работа в прокуратуре. Там столько видишь скорби, зла, что невольно ищешь лекарство от собственного огрубения, хочется как-то смягчить суровые нравы. Допустим, так отнестись к вероломству близких:

«Хожу по квартире бесцельно.
Я все потерял, что бесценно.
Друг женушки сбег. Бессердечный.
– С женой?
– Если б так, взял лишь вещи.»

– Ну а о высоком, о душе, о судьбах России задумывались, полагаю, и раньше? Как вообще вы пришли к стихам? Какие события в жизни определили основные темы поэта Вячеслава Сысоева?

– Счастьем зову то, что родился в русской крестьянской семье, вырос на нашем приволье: есть под Воронежем славное село Новая Усмань на реке Усманке. И все беды страны, былые и нынешние, вижу оттуда – из голодного послевоенного детства... Первые стихи приходили еще в школе. Но я очень боялся чужого суда и никому не открывался, что пишу. Впервые опубликовался в многотиражке Воронежского университета, где осваивал юриспруденцию.

– Один ваш критик заметил, что «поэзия есть искусство высказывать точными словами все самое неуловимое». Видимо, тут есть что-то общее с поиском точной юридической формулы?

– В принципе, конечно. Но если гордость юриста – всегда оставаться в рамках закона, то для поэта любые ограничения, шоры – творческая смерть. Поэзия сама неуловима, не поддается измерениям и объяснениям. Она просто либо есть, либо ее нет.

«Отчего колыхалась в колодце вода?
Дед сказал: «Вишь, в колодец упала звезда.»

– Подобные таинства в ваших стихах не редкость. Вот и тема последнего сборника – «Пока душе дано...». Хотя стихи отнюдь не мистического свойства.

– Мистика тут действительно ни при чем. Все мы выросли под опекой воинствующего атеизма. Но есть таинство внутреннего мира человека. Его состояние определяет и наши взгляды, и поступки. И когда мы сегодня видим вокруг столько горького, злого, неумного, самое время заглянуть в себя, все ли там в порядке. И надо признать, наш внутренний мир далек от совершенства:

«Прозреть душой? Но дело в том –
Души уж нету.
Мы, не любя себя, живем,
И нет просвета.»

– Тем не менее общий настрой вашей поэтики вовсе не пессимистичный. Порой даже слышится явная подсказка выхода из тупика:

«И когда узнаешь, льется кровь,
И услышишь стоны матерей.
Это слово старое – любовь
Воскреси на родине моей.»

– Сборник «Пока душе дано...» открывается разделом «Была держава...». Это та глобальная мысль, то общее ощущение, в котором, на мой взгляд, живут сегодня все бывшие граждане СССР. Тяжкое ощущение. Потому на сей счет существуют самые разные политические спекуляции. Но мне они неинтересны. Я пытаюсь подсказать не политические пути выхода из ситуации, а нравственные опоры для противостояния свалившейся на нас беде. А это, конечно, – любовь, доброта, терпимость...

«Ну, почему себя не любим?
Разбою, право, нет конца.
Чего нам не хватает, люди?
Ума? Любви? Иль мудреца?
Нам, вижу, не хватает братства...»

Душа, опыт нашего народа – богатейший кладезь. Уверен, они преодолеют временное замутнение и прольются воистину славными делами. Так что пессимистами нам никак нельзя быть.

«Как будто ангел пролетел,
Неслышно колыхнулся воздух,
Теплей и ярче стали звезды...
Душа алкает добрых дел.»

С поэтом беседовал обозреватель «Российского адвоката»
Иг. ГОРЕВ

Из сборника «Пока душе дано...»

Была держава

Все чаще мы назад глядим.
Была держава...
Туманно все, что впереди.
Как продержаться?
Былое паводком снесло.
Увы, не на год.
Гуляет на дорогах зло
С улыбкой наглой.
Прозреть душой? Но дело в том –
Души уж нету.
Мы, не любя себя, живем,
И нет просвета.
Себя не любим?..
Чушь? Да? чушь...
Изрек апостол:
«В себе других любить учусь...
Не так-то просто».

***

Хоть не хочу –
не удержаться.
Меня терзает, братцы, смех.
Сидим мы на тако-о-м богатстве!
Живем?..
Живем мы хуже всех.

Куда трагедиям Шекспира?
У нас – покруче.
Или – бред?!
Апофеоз чумного пира?
Народ живет себе во вред.

Ну, почему себя не любим?
Разбою, право, нет конца.
Чего нам не хватает, люди?
Ума? Любви? Иль мудреца?

Нам, вижу, не хватает братства.
Собрать бы всех нас на совет...
Но лень, гулянки –
время нет.
Ужель вовек нам не собраться?

Тогда пора давать ответ:
А не коптим ли белый свет?

***

Родина. Россия. Даль и синь.
Неизбывность сил поля таят:
Вечность,
возлюби нас, не покинь,
Знай, что Русь –
святая дочь твоя.

И когда узнаешь, льется кровь,
И услышишь стоны матерей.
Это слово старое –
любовь
Воскреси на родине моей.

***

Безволье, лень
калечат разум,
Уносят, как песок, вода...
Случалось,
гнулся иногда,
Но не сдавался им ни разу.

Моление

Детям – Андрею и Станиславу

Не дай мне, Бог, душевной слабости,
Спаси от зависти и спеси,
Дай сострадания и жалости,
И да не тронет душу плесень.

Не надо злата, дай мне мудрости,
Врагу – не мне – прошу прощенья,
Храни меня от зла и глупости
Своим мудрейшим наущеньем.

Рисунок Леонида НАСЫРОВА

Я не прошу тебя о счастье,
Ты дай мне долгое терпенье.
Не надо мне наград и власти,
Лишь имя не ввергай в забвение.

***

Гниющий мост...
Большак заросший
Вдруг душу мне разворошил...
Здесь все – в былом,
В минувшем,
в прошлом...
Увидел –
будто жизнь прожил.

***

До последнего вздоха,
Не во сне, наяву,
Как бы ни было плохо, –
Счастьем жизнь назову!

Жить по-новому поздно.
И мучение – жизнь...
Я мечтаю о звездах,
Даже падая вниз.

Пока душе дано...

Какое гулкое пространство!
И ни души...
Лишь зверь тут жил.
Край предкам долго был чужим.
Прижились. Нам бы их упрямство,
Смекалку, ум и крепость жил.

...Земля без добрых рук дичает.
Небытие разверзло пасть.
Что предначертано?
Пропасть?
Нет, коль душа чиста в печали,
Возможно все начать сначала.

***

Ну хорошо, пусть я не прав,
И не напрасно ты хохочешь.
Но, здравомыслие поправ,
Скажи, скажи, чего ты хочешь?

Хотя, увы, нелеп вопрос,
Поскольку мне ответ известен:
Мы никогда не будем вместе
Идти тропой сентябрьских рос.

Из сборника «Ах, любовь, любовь...»

И думать нечего

– Один жених богат,
другой – умен.
Как быть?
Сомненье мучит.
– И думать нечего.
Известно испокон:
Ум – хорошо,
а деньги – лучше!

Радость

– Вот уж совсем не к месту смех, чудила!
– Тебя отвергла дева,
ты и рад?
– Мне было бы обиднее стократ,
Когда бы не отвергнув,
изменила.

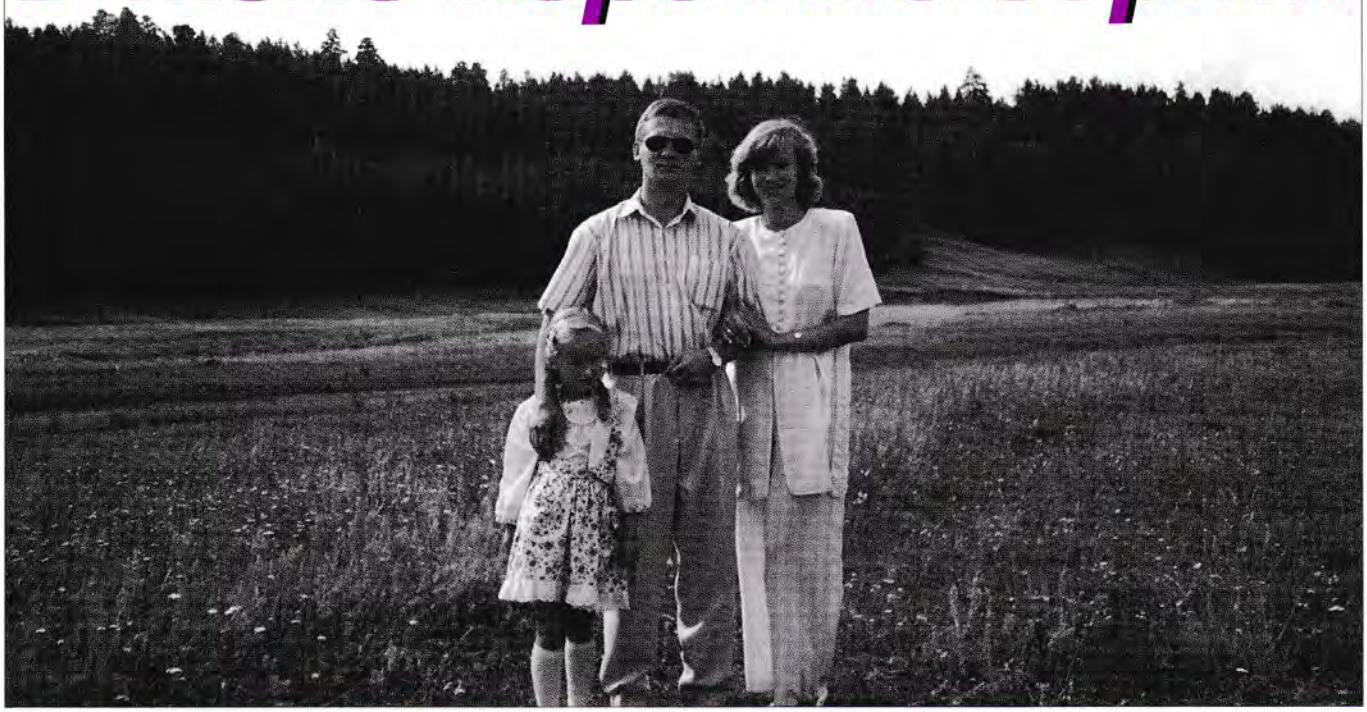
Бедняга

– Как пережить мне эту муку?
– А что с тобой
случилось вдруг?
– Мой лучший друг
увел подругу...
– Мне жаль его.
О, бедный друг!

Ох, и намучился!

– Думал день, второй – женился!
Третий млел,
шестой бранился...
Развожусь! Скажи, как другу...
– Суд всегда к твоим услугам!

В июне короткие зори...



Он много раз приглашал приехать к нему в заволжские края, с неподдельным увлечением рассказывая о красоте этих мест, где встречается древняя, еще помнящая вихревую неотвратимость свирепой монгольской конницы степь и тяжелые сумрачные волны бескрайних северных лесов, последним усилием выплеснувшие на равнину тихие рощицы берез, насквозь просвеченные полуденным летним солнцем, величественную стать медноствольных корабельных сосен и молодую дубовую поросль. В июньские утренние зори здесь хорошо бродить по прихотливо петляющим меж кустов тропинкам, наслаждаясь недвижной прохладой, что уже скоро сменится сухим звенящим зноем, от которого струится над горизонтом зыбкое прозрачное марево, напоминающее речной переливчатый перекат, укрытый ажурною тенью разморенных жарой прибрежных ив...

Он звал и к этим перекатам, и к неспешному рыбацкому костру, где особенно тянется сердце к задушевному разговору или воспоминаниям, что быстротечное время забросало ворохом лет, скрыло под толщей каждодневных забот, а пламя словно все очистило, вернув былому прежнюю яркость...

Он так хотел встретить друзей, окружить их вниманием, разделить с ними хлеб и соль – первооснову жизни, ее вечное животворящее начало...

Он не успел...

Исполняющий обязанности заведующего юридической консультацией «Тольятти-адвокат» Иван Вдовин был убит 25 июня минувшего года неподалеку от своего дома. Убийца выпустил в него из пистолета восемь пуль. Ни одна из них не прошла мимо живой мишени.

Кому сегодня неугоден адвокат?

Представителям правоохранительных органов, которые видят в нем досадную помеху, отравляющую существование стражей порядка всяческими напоминаниями о правах человека, соблюдении законности, презумпции невиновности и тому подобных мелочах, что только отвлекают от трудоемкой работы по выламыванию ребер, сворачиванию набок челюстей и навешиванию увесистых оплеух.

Корыстолюбцам из неисчислимой чиновничьей братии, исполненным смертельной ненависти ко всем, кто уличает их в мздоимстве, произволе, самодурстве.

Власть предержащим, кто ради своих суетных амбиций обрекает людей на страдания и кровь, ввергает их в пучину братоубийственного противостояния.

Все они давно бы уже установили на родимых просторах полное безгласие, всевластие тупой и грубой силы, если бы на их пути не стояли те, кто выбрал своею судьбою защиту человека от несправедливости, беззакония, жестокосердия. Только их неимоверными, поистине подвижническими усилиями волна страха и насилия не поглотила пока всех нас, круша и разбрасывая безвозвратно и надежды, и устремления, и сами жизни.

Трудно ли объяснить озлобление к силе, которая поднимает голос протеста против всяких попыток снова низвести человека к функции ничтожного винтика, не представляющего из себя никакой ценности и готового в любой момент к замене и уничтожению?

В борьбе с этой силой было испробовано почти все – клевета, доносы, очернительство, незаконные аресты, издевательства, зверские побои, угрозы, притеснения.

Теперь перешли к убийствам...

Так почему же не иссякает, не прерывается поток желающих принять на себя тяжкую, а теперь еще и смертельно опасную ношу?

Пресловутый материальный достаток?

Да, есть адвокаты, которые, мягко говоря, не бедствуют, могут позволить себе блага, доступные лишь избранным. Но много ли их? Десятка два–три от силы на всю Россию. Большинство же в своем благосостоянии недалеко ушли от прочих сограждан. Как может сказочно обогатиться адвокат, практикующий в городе или поселке, где люди месяцами, а то и годами не получают заработную плату? Сейчас уже не редкость, когда где-нибудь в отечественном захолустье защитнику в качестве оплаты за проделанную работу несут кошелку с яйцами или что-то из даров собственного огорода.

Может, влечет престиж, общественный статус?

Конечно, нынче в обществе не смотрят на адвоката как на никчемное существо со старомодной козлиной бородкой, путающееся в ногах революционного правосудия, которое железной, не знающей пощады рукой наводит порядок. Но и до безоглядного обожания еще очень-очень далеко. Скорее оценка здесь складывается из двух составляющих: адвокатура нужна, но люди, в ней подвизающиеся, в изобилии наделены хитростью, стяжательством, вероломством, весьма скупым набором моральных достоинств. Сие и дало повод одному известному, ныне покойному барду воскликнуть, что если адвокат еще и порядочный человек, то ему цены нет. В этом «если» и заключен смысл пока еще бытующего представления о востребованности адвокатского труда.

Какой уж тут общественный статус...

Кстати, наглядным свидетельством его заморочной зыбкости красноречивее всего служит тот факт, что доблестная наша Государственная Дума вот уже столько лет никак не может разродиться Законом об адвокатуре. Скажем, для народных избранников положение дел на порнофронте – это важнее. Это подлежит первоочередному обсуждению. А адвокаты – пущай подождут. Вот ежели налог с них позабористее слупить – с превеликим нашим удовольствием.

И выходит, что ничего феерического – ни вилла с мраморными бассейнами, ни поклонение общества не светят в обозримом будущем (в необозримом тоже) человеку, решившему ступить на столь непредсказуемую стезю. Но ведь вступает! Для чего? Двести с лишним лет назад русский путешественник, вдосталь насмотревшийся за время долгого пути на людские муки, горестно написал: «Душа моя страданиями уязвлена стала!»

Это «уязвление страданиями» и лежит, наверное, в основе тех решений, что приводят на тернистый путь служения адвокатской профессии. Неприятие несправедливости, энергия протеста против произвола и злонамеренности не у всех еще превратились в пустой звук, в некую туманную отвлеченность, как бы неосязаемо парящую над грубой действительностью.

В начале 90-х годов после окончания Самарского университета Иван Вдовин стал работать следователем прокуратуры города Тольятти. И здесь он воочию увидел, насколько уязвим человек, попавший в жернова бездушной карательной машины, для которой ничего не стоит безжалостно бросить в камнедробилку и правых, и виноватых, и просто несчастных, по роковому стечению обстоятельств случайно оказавшихся на пути движения сокрушительного катка. Несогласие с всесилием правоохранительного произвола привело молодого юриста к мысли уйти из мира, где правят бал огульность, оправданность жестокости, готовность сломать жизнь любого человека.

Он попытался заняться бизнесом, но вскоре понял, что это не для него. Его все сильнее влекла та деятельность, где он мог бы, опираясь на знания и уже накопленный опыт, полнее реализовать себя, принести больше пользы людям, страдающим от беззакония, беспредела властей, озверелости всей нашей жизни.

Среди коллег

Самый дорогой человек – мама

В 1995 году Иван Вдовин становится адвокатом.

Ему было 30 лет.

«Земную жизнь пройдя до половины...»

Из второй половины он прошел лишь десятую ее часть...

Он словно чувствовал, что ему отпущено совсем немного, потому и работал с предельной самоотдачей, как будто наверстывал упущенное, догоняя время, потраченное на ненужные, опустошающие душу дела, пустые встречи, горькие раздумья, несбывшиеся надежды и ожидания. Вскоре к нему приходит известность, все больше людей обращаются к нему за помощью, поддержкой, разрешением своих непростых, порой донельзя запутанных проблем.

Он внимателен ко всем – и к старику-пенсионеру, которого выживают из квартиры осатаневшие родственники, и к оборотистому предпринимателю, запутавшемуся в хитросплетениях собственного бизнеса, и к молодому парню, обвиненному в убийстве. Но это не холодное наигранное внимание, за которым скрывается профессиональное равнодушие, появившееся в результате многолетних встреч с чужими страданиями, подлостью, коварством. В его отношениях с подопечным сквозит не просто подневольная необходимость отработать уже подписанное соглашение, а искреннее желание помочь человеку, попавшему в беду, стремление дотошно разобраться в обвинениях.

Ему хорошо известно, как они рождаются, из каких умозаключений появляются те или иные версии, какими методами добываются самые «неопровержимые» доказательства. Когда все это знаешь не из учебников или чьих-то откровений, а спинным мозгом помнишь, сам пройдя все лабиринты следовательской «кухни», где пахнет потом, кровью, страхом, внезапным, обжигающим душу озлоблением, – когда все это ощущается кожей рук, торопливым биением сердца и ясным безжалостным прозрением, то с неодолимой отрешенностью становятся видны трещины обвинения, старательно, но нередко неумело замазанные следователем. И остается лишь идти от одного разрыва к другому, непрощающе высвечивая их логикой закона, факта, признания.

И он делает это с той неотступной основательностью, с какой в глухой мордовской деревне, что в Ульяновской области, выполнял нескончаемую крестьянскую работу – вскапывал огород, поправлял крыльцо старенького родительского дома, ворошил сено на лугу, над которым с какой-то звенящей ликующей торжественностью поднималось летнее солнце.

Отец рано ушел из жизни, и все заботы о многочисленной семье легли на мать. Иван истово помогал ей по хозяйству, она же боялась, что это помешает его учебе. Ей страстно хотелось, чтобы сын «вышел в люди» – получил образование, поступил на хорошую работу, завел себе добрую семью.

Он уезжал из деревни на учебу в университет ранним июньским утром. Над росистым полем, затененным по краям полоской леса, во всю ширь чистого, будто умытого короткой ночной прохладой неба разгоралась молчаливая рассветная заря.

В июне же, только спустя годы, он вернулся в родные края, чтобы навечно остаться в этой земле, на которой когда-то беззаботно ходил, радовался жизни, с наслаждением пил из неприметного лесного ручья, набирая в сложенные ковшиком ладони студеную, пахнущую терпким ароматом листьев земляники воду...

Множество людей пришли с ним проститься – родные, близкие, друзья по работе. В скорбной процессии были и те, от кого адвокат Вдовин отвел беду, кому помог вновь обрести веру в справедливость. Но не все смогли прийти отдать последнюю дань своему защитнику.

Не смог этого сделать и немолодой измученный человек, который уже около двух лет содержится под стражей. Генеральный директор НИИ «Интекс» Альберт Плисс обвиняется в уклонении от уплаты налогов и незаконном предпринимательстве. Ученый же считает, что его бывшими подчиненными и некоторыми государственными чиновниками была затеяна и осуществлена гигантская афера, в результате которой разворовано 27 миллиардов рублей.

По делу Альберта Плисса уже работали адвокаты. Время шло, но они топтались на месте, так и не сумев проникнуть в суть многотомных расчетов, выкладок и другой цифровой акробатики. Заключения экспертов выглядели незыблемым монолитом, который, казалось, с легкостью отражал все доводы обвиняемого и его защиты.

Друзья посоветовали Плиссу обратиться за помощью к Ивану Вдовину. За ним уже закрепилась слава дотошного, ничего не упускающего адвоката, который буквально вгрызается в дело, не оставляя без скрупулезного, тщательнейшего анализа ни одной, даже на первый взгляд малосущественной детали.

В этом был весь Иван – собранный, не привыкший понапрасну тратить слова, старающийся как бы держаться в тени, чтобы дать свободно выговориться собеседнику. В первую минуту знакомства он казался несколько замкнутым человеком, даже как-то эмоционально скованным, не ищущим сразу открытого общения. Но когда через некоторое время он проникался к новым знакомым доверием, открывалась такая чуткая душа, таким доброжелательным вниманием наполнялись его глаза, такая добрая, чуть стеснительная улыбка освещала его лицо, что с ним становилось необыкновенно легко и покойно, как с давним верным другом, который никогда не предаст, не отвернется в беде, какой бы тяжелой и горькой они ни была...

Не один месяц провел адвокат Вдовин за изучением материалов дела об исчезнувших 27 миллиардах рублей. Он не удовлетворился заключениями экспертов, а сам «перекопал» все документы, терпеливо распутывая клубки хитроумных комбинаций, находя и сводя концы опытной рукой оборванных нитей, внимательно прослеживая, куда они ведут.

30 июня в Автозаводском районном суде города Тольятти должно было рассматриваться дело Альберта Плисса. Его адвокат Иван Вдовин верил в успех. В досье защитника имелись убедительные доказательства невиновности его подопечного.

Но за пять дней до этого на утренней улице раздались выстрелы...

Случайное совпадение?

Непредвиденное стечение обстоятельств?

Следствие еще ищет ответы на эти и другие вопросы, но уже тогда у друзей Ивана не вызывало сомнения, что его подзащитный, окажись он усилиями адвоката на свободе, мог доставить кое-кому сильную головную боль.

27 миллиардов рублей – слишком лакомый кусок.

Даже в старом исчислении.

А на преступлении идут и ради гораздо меньших сумм...

И самое страшное, что наиболее тяжкие злодейства стали теперь у нас обыденной нормой жизни. Сообщения об убийствах, расчлененных трупах и сожженных заживо людях воспринимаются сегодня на одном уровне с информацией о погоде, картинками с собачьей выставки и беседами с какими-то восторженными идиотами, смачно отрыгивающими рекламную жвачку. Общество словно стараются приучить к виду крови, чтобы она никого не ужасала, когда польется широкой рекой.

Убивают банкиров, шоу-бизнесменов, депутатов. Но это – свои клановые разборки, бушующие где-то там, наверху, в пространстве, которое ни одним краем не соприкасается с глухой и враждебной безбрежностью истинной жизни.

Но когда стреляют в адвокатов – это стреляют во всех нас. Стреляют в надежды на справедливость, веру в будущее, где смеются дети, улицы дышат покоем, а июньские короткие рассветы несут только радость, ощущение нетленной вечности нашего такого краткого бытия...

Кто защитит все это, если первыми жертвами становятся сами защитники?

Адвокаты Самарской области решили образовать региональный общественный фонд защиты прав адвокатов.

Фонд памяти адвоката Ивана Вдовина...

В одну из наших последних встреч в Москве он был особенно оживлен и открыт – делился планами на будущее, говорил о новых делах, снова и снова повторял: «Когда же приедете к нам?».

Прости, Иван, что мы не успели...

Александр ПАУЛОВ,
Владимир СЕЛЕДКИН,
спец.корреспонденты «Российского адвоката»
Фото Рудольфа РЯЗАНОВА
и из семейного альбома Вдовиных

Творение справедливости

Фото Натальи ЛЬВОВОЙ

Гасан Мирзоев. «Адвокат в зеркале прессы». Москва. Закон и право, ЮНИТИ, 1998.

Юрий Шмидт. Серия «Адвокаты свободы». Москва. Независимое издательство ПИК, 1998.

Признаться, устроители презентации книг о Юрии Шмидте «Адвокаты свободы» и Гасане Мирзоеве «Адвокат в зеркале прессы», проходившей в Центральном доме журналистов, были немного обеспокоены: слишком новый, еще не привычный российскому читателю жанр-модерн объединяет обе эти книги. Мозаично (через очерки, документы, отдельные высказывания, фотоснимки) и уже потому нетривиально изложен и биографический, и событийный материал, касающийся как героев книг – известных российских адвокатов, так и описываемых событий.

Но уже после первых минут обсуждения книг стало ясным: авторы их (Е. Датнова, Г. Резник, Н. Катерли, С. Ковалев, Г. Старовойтова, В. Буковский, Ю. Лужков, Н. Доризо, М. Митюков, П. Бунич, И. Рыбкин) попали в цель – современного читателя интересуют не только творческие биографии деятелей литературы и искусства, писателей, актеров, музыкантов и художников, то есть таких людей, творчество которых материализовано, и потому – особенно приятно получить ответ на вопрос: а какой вы в жизни? Но ныне, и, возможно, это заслуга возрождающегося общества, читателя вдруг остро заинтересовала творческая, именно творческая биография тех, кому он доверил нести знамя правозащиты, знамя, на котором начертаны слова его – читателя чести и достоинства.

В ходе обсуждения мнения, как водится, разделились, но уже сам контингент лиц, пришедших на презентацию конкретно этих книг, засвидетельствовал: в современной российской словесности наступает симбиоз личности и нравственности. Поэтому такие книги необходимы.

В ходе обсуждения аудитория каким-то образом вдруг пришла к единому мнению, что сама такого рода встреча является знаковой и что общество, видимо, развивается в верном направлении, ибо вот уже не только и не столько «четвертая власть» является рупором обиженных и оскорбленных, но и теперь с помощью гласности к ней присоединяют свои голоса лучшие юристы.

Из книги о Г. Мирзоеве читатель узнает не только о громких делах, которые в разные годы своей жизни успешно провел Гасан Борисович, но о тех глубинных процессах, которые идут в профессиональных объединениях российской адвокатуры, о ее взаимоотношениях с государством и его структурами, о работе многих других адвокатов, защищающих честь, свободу и достоинства личности.

«Служение идеалам свободы, бесстрашная защита человеческого достоинства, естественных прав и свобод человека, – писал, открывая книгу о Ю. Шмидте, Борис Золотухин, – составляли символ веры присяжной адвокатуры». Похоже, этот символ веры возвращается в новой своей ипостаси, обновленный свободой слова. А и в самом деле: можно ли даже в наше время быть удачливым правозащитником, если не развивать всемерно свободу общения, что в кризисное время есть не что иное, как свобода передачи и получения информации?

Вот почему участники презентации единодушно поддержали прогрессивную общественность в ее стремлении сохранить это истинное завоевание последних лет, не допустить создание каких бы то ни было органов, приближенных к цензуре, и уж тем более не допустить расправы над неугодными журналистами, имена которых недавно были обнародованы лидерами КПРФ.

На презентации подчеркивалось, что только исключительная синхронность действий адвокатуры и прессы поможет обществу выжить духовно в условиях жесточайшего кризиса, который наблюдается далеко не только в экономике, но в сознании людей.

Выступившие высказывались на самые различные темы, в частности речь зашла о настрое современной интеллигенции, ее правовом нигилизме, неверии в возможность победы совести. На фоне обсуждавшихся правовых коллизий, вернее правового произвола, блестящие процессы героев книги выглядели как недосягаемая в своем волшебстве сказка. «Меж тем обе книги, – как отметил публицист Д. Драгунский, – отнюдь не плод сочинительства многочисленных авторов, а скорее свод документальных историй с реальными героями: перед нами встают вполне реальные образы Витухновской или Никитина, обвиненных властями в преступлениях, ими не совершенных. И именно такие пособия по справедливости, по добру, по истине, наконец, смогут служить людям как пример беззаветного служения слову и духу».

В презентации приняли участие и ответили на многочисленные вопросы известных правозащитников, журналистов, юристов, писателей герои обсуждавшихся книг адвокаты Гасан Борисович Мирзоев и Юрий Маркович Шмидт.

Вел презентацию секретарь Союза журналистов России, доктор юридических наук, профессор Михаил Федотов.

Сергей ЛУКНИЦКИЙ,
член Союза писателей России

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ В РОССИИ: ВЧЕРА И СЕГО

Самый живой отклик у читателей «Российского адвоката» вызвала статья президента некоммерческого благотворительного фонда содействия социальной реабилитации осужденных и защиты персонала уголовно-исполнительной системы «Попечитель» Александра Суханова «Сотворение добра», опубликованная в шестом номере нашего журнала за минувший год. Размышления автора публикации о проблемах отечественного благотворительного движения встретили понимание и поддержку широкого круга россиян, кого не могут не волновать тревожные реалии нашей сегодняшней действительности.

По инициативе «Российского адвоката» прошло заседание «круглого стола», где главным был вопрос о состоянии и перспективах благотворительности в России на пороге грядущего третьего тысячелетия. В обсуждении приняли участие президент фонда «Попечитель» Александр Суханов, заместитель министра юстиции РФ Станислав Юдушкин, писательница, профессор Литературного института имени А. М. Горького, член Президентского совета Мариэтта Чудакова, заместитель председателя отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата протоиерей Виктор Петлюченко (отец Виктор). Вел беседу заместитель главного редактора журнала «Российский адвокат» Владимир Селедкин.

Материалы «круглого стола» публикуются с сокращениями.

В. Селедкин. Нередко, когда заходит речь об истории благотворительности в России, вспоминают несколько известных фамилий, чем, собственно, разговор и ограничивается. На самом же деле, благотворительное, или, как в старину говорили, попечительское движение представляет собой огромный, по существу неисследованный пласт российской жизни. Еще в конце XYIII века, когда общественное мнение в стране начинает играть все более значимую роль, благотворительность активно обретает облик широкого общественного движения. На средства добровольных пожертвователей, среди которых помимо дворянской элиты все чаще появляются промышленники и купцы, строятся народные школы, сиротские дома, больницы, богадельни, церкви.

Попечительские учреждения возникают в Российской империи повсюду. Одним из наиболее известных благотворительных обществ было, к примеру, Ведомство учреждений императрицы Марии. Впечатляет масштаб его деятельности! К началу нынешнего века в этом Ведомстве состояло свыше 500 учебных и благотворительных заведений, где бесплатно обучались десятки тысяч детей, в больницах ежегодно проходило лечение более 40 тысяч человек, а в воспитательных домах, приютах и богадельнях проживало 60 с лишним тысяч неимущих.

И таких благотворительных обществ было немало по всей России! Благодаря их неустанным бескорыстным усилиям большое количество людей, оказавшихся в беде и несчастии, получили помощь и поддержку.

Говорю это к тому, чтобы еще раз напомнить, что благотворительность в России имеет в прошлом славную и богатую историю. Что же она представляет собой, на ваш взгляд, сегодня?

А. Суханов: К сожалению, нам здесь нечем сейчас похвастаться. О благотворительном движении, таком, каким оно было когда-то в России, говорить нынче вообще не приходится. Да, существуют благотворительные организации, общества, фонды, но их деятельность, как правило, носит случайный, разрозненный характер, что, естественно, и дает на выходе неутешительный результат.

Он мог бы быть гораздо эффективнее, если бы для становления и развития благотворительности в России были созданы нормальные, отвечающие цивилизованным нормам условия существования. Пока же они далеки от желаемого. Мне уже не однажды приходилось говорить о том, что человек, пытающийся сегодня заниматься в России благотворительными делами, сталкивается со многими препонами, начиная от косности и мздоимства чиновников и до откровенно грабительских законов, которые душат предпринимателей тем сильнее, чем больше они проявляют желание помогать своим менее преуспевшим согражданам.

Что же получается? Во всем мире хорошо известно, что основой благотворительной деятельности, ее опорой и движущей силой является так называемый средний класс. Не отдельные толстосумы, потерявшие счет своим деньгам, а именно те люди, что достигли достатка упорным каждодневным трудом и не потеряли еще связи со своим прошлым, в котором им вдосталь довелось испытать и трудности, и лишения.

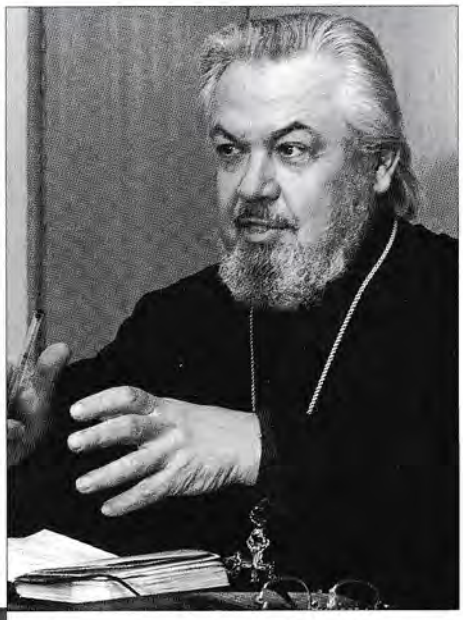
Теперь они готовы оказать бескорыстную поддержку обездоленным соотечественникам, и прежде всего тем из них, кому сейчас приходится особенно тяжело, — старикам, детям, малоимущим семьям. Казалось бы, государству, которое должно заботиться в первую очередь о них, есть резон, как говорится, двумя руками ухватиться за возможность получить немалое подспорье в виде благотворительной помощи.

В действительности же картина выглядит совершенно иначе. По большому счету государство стоит в стороне от решения самых острых проблем благотворительного движения, делая вид, что они его не касаются. Хуже того – подрубается основа, на которой только и может по-настоящему развиваться и крепнуть благотворительность. Тот самый средний класс, который и служит надежной опорой попечительства и призрения, сегодня подвергается нещадным притеснениям – финансовым, налоговым, административным. Государство поступает со своим главным партнером как ему заблагорассудится – то милостиво позволит дышать, то внезапно оберет до нитки.

Для подлинного возрождения благотворительности в России необходимо, чтобы средний класс рос и развивался в нормальной стабильной обстановке, исключающей всяческие шараханья государственной политики из стороны в сторону, от которых теряется вера в какую-то разумную деятельность, направленную на организацию и осуществление планомерной благотворительной работы.

С. Юдушкин. С одной стороны оценка, которая уже дана здесь сегодняшнему состоянию благотворительности в России, в определенной мере справедливая. Действительно, в нем еще немало незрелого, разрозненного, случайного. С другой стороны, если брать развитые системы благотворительности, скажем, Запада или той же России прошлого века, то необходимо вносить коэффициент для объективного сопоставления.

С. Юдушкин



Отец Виктор

...ЬНОСТЬ

...А, ...О ДНЯ, ЗАВТРА

А. Суханов

Там годы и века, в течение которых развивался и набирал силу этот процесс; базис, на котором все строилось; состояние общества и экономики, позволившее успешно решать самые насущные задачи.

У нас же – очень короткий период времени, когда после многих десятилетий вынужденного забвения благотворительность вновь вошла в нашу жизнь. Понятно, что по сути все пришлось начинать практически заново. Хочется, конечно, ускорить процесс, как можно быстрее наверстать упущенное. Но такие вещи, как социальные движения, не создаются по мановению волшебной палочки. Они могут только вырасти на определенной почве при определенных условиях. Никакое искусственное ускорение здесь невозможно.

Я бы сравнил это с выращиванием леса. Даже если быстро посадить саженцы, окружить их непрерывной заботой, то все равно через неделю на прежнем пустыре не поднимутся ряды стройных могучих деревьев. А появление социальных движений настолько сложный процесс, что осуществить его намного труднее, чем вырастить лес.

Если же говорить об отношении государства к этой сфере, то мы не можем сказать, что она забыта. В 1995 году был принят Закон о благотворительной деятельности, который в принципе очертил все ее необходимые параметры. Эти вопросы затронуты в целом ряде других законодательств, в частности в налоговом. Хорошо или плохо, достаточно или нет – это предмет отдельного обсуждения. Но достигнуто главное – создана законодательная база, в том числе и в субъектах Федерации, в Москве например. В ней заложены многие положения, которые определяют порядок

В. Селедкин

М. Чудакова

совмещения деятельности государства и общественного движения, регулируют вопросы освобождения от налогов, создания благоприятного режима приобретения собственности и так далее.

Но помимо установленных правил эффективность любого социального движения зависит и от многих других факторов. С одной стороны, это границы экономических возможностей общества, то есть сколько средств реально оно может отдать на нужды благотворительности. С другой – развитость потребности в оказании благотворительной помощи. Успех дела здесь решают не порыв одиночек, пусть даже самый благородный и самоотверженный, а массовое участие добровольцев, готовых поступиться частью собственного времени, труда, денег ради решения наболевших социальных проблем. Но это возможно, если надобность в оказании поддержки нуждающимся воспринимается в обществе не как силой навязанная обязанность, а в качестве проявления

подлинной гражданственности, общественно значимого поступка, возвышающего личность благотворителя в глазах окружающих, дающего ему возможность испытать чувство сопричастности к уменьшению чьих-то страданий и лишений.

Без этого благие начинания так и останутся отдельными акциями милосердия, не перешедшими в массовое движение, о котором можно было бы сказать как о явлении.

М. Чудакова. Благотворительность была на Руси испокон веку. Бабушка мне рассказывала, что на селе сиротам всегда помогали, молоко приносили. Но никто не считал это благотворительностью. Это было естественно, как в воскресенье в церковь сходить. И только с появлением в России общественного мнения возникает благотворительность в том виде, в каком мы сегодня ее представляем.

Ее главным побудительным мотивом изначально было стремление заслужить общественное признание устройством добрых дел, показать себя миру с самой лучшей стороны. Но все это утвердилось не на пустом месте, а на уже существовавших общественных скрепах.

Сейчас эти скрепы разрушаются. Средства массовой информации, которые в 88—89-х годах играли положительную роль, показывая наше недавнее прошлое очень внятно и беспощадно, теперь делают все, чтобы оторвать общество от власти, восстановить их друг против друга. Лозунг шахтеров на Горбатом мосту «Все начальники – сволочи!» – убедительное тому подтверждение. Там, где слово «все», — там кончилось все созидательное, осталась голая ненависть.

Мы хотим, чтобы государство поддержало благотворительную деятельность. Без этого она просто не встанет твердо на ноги. Но общество не верит государству, считая, что оно действует только в интересах воров. Отсюда всякая власть отождествляется с всесилием криминалитета. Общество уверило себя, что всякий богатый – вор и добра от него ждать нечего. Это ненормальная ситуация для всякой благотворительности.

Нужно ее изменить. Это главное. Иначе продолжающееся противостояние обернется непоправимыми потерями во всех сферах нашей жизни. И особенно – в благотворительности. Пока сохраняется взгляд, что, если человек дает деньги на что-то, значит, у него их очень много, значит, они добыты нечестным трудом, — пока бытуют такие суждения, хорошего ждать не приходится.

Не менее важно вернуть доверие общества к тому, что благотворительная помощь может попасть действительно нуждающимся в ней, а не растечется по чьим-то другим карманам.

В. Селедкин. Но как это сделать, если еще свежи воспоминания о не таком уж далеком времени, когда гуманитарная помощь, идущая к нам с Запада, становилась порой предметом самых беззастенчивых манипуляций? Каким образом обеспечить сегодня справедливое распределение пожертвований, чтобы они дошли к тем, кому предназначены, в неурезанном виде, а главное – без всяких проволочек и промедлений?

Отец Виктор. Когда в 92—93-х годах в Россию стала поступать массовая гуманитарная помощь из-за рубежа, те, кто ее предоставляли, учитывая печальный опыт предыдущей работы, обратились к Русской Православной Церкви с просьбой взять на себя миссию справедливого распределения. Пожертвователи понимали, что только Церковь с ее высоким духовным авторитетом, нравственным влиянием способна в тот момент сделать все, чтобы поддержку получили истинно нуждающиеся, чтобы даже самая малая малость из предоставленного не попала в чьи-то корыстолюбивые руки.

Эта очень трудоемкая задача была возложена на церковные приходы, которые действовали в тесном контакте с органами социального обеспечения. Ведь предстояло помочь не только верующим, но всем, кто оказался тогда в бедственном положении. Могу отметить, что ни одно обращение за помощью не осталось без удовлетворения. Многие тысячи людей, отчаявшихся перед лицом тяжких лишений, обрели надежду на спасение, смогли преодолеть обрушившиеся на них испытания.

На протяжении всего своего существования православие особо почитает милосердие, готовность прийти на помощь ближнему, проявить заботу о сирых и обездоленных. Через все Евангелие проходит идея взаимоотношений между людьми. Вообще должен сказать, что во взаимоотношениях между Богом и человеком, верующим человеком и предметом его веры заключен в первую очередь воспитательный смысл. Бог дает человеку жизнь и образ, как жить, но при этом говорит, что тот должен это сделать добровольно.

Если мы будем основывать благотворительность только на финансовых возможностях, то она рассыплется очень быстро, потому что сразу же во взаимоотношениях появится червь недоверия, который все подточит и разрушит, подобно древесному жучку, что, вгрызаясь в ствол, может свалить даже огромное дерево, каким бы крепким оно ни казалось поначалу.

Поэтому, на мой взгляд, прежде всего необходимо создать образ благотворителя. Каким он должен быть? Безусловно, человеком, уважаемым в обществе, которому государство оказывает помощь в самых различных направлениях его деятельности. Человеком, который отличается духовной, нравственной чистотой, не позволяющей ему идти на какие-то сделки с совестью. Стоит ему хоть чуть-чуть поступиться ею, как тут же про него могут сказать: да, он делает доброе дело, но при этом не забывает про себя.

Вообще, если человек творит добро от избытка, он не творит добро. Мы не можем говорить о благотворительности как о чем-то остаточном, когда пожертвования имеют место лишь тогда, когда появляется излишек средств, который некуда девать. Вспомните минувшую войну – тогда все помогали друг другу, делились порой последним куском хлеба. Это была самая искренняя благотворительность, вызванная не холодным расчетом, а сердечным порывом, умноженным общей великой бедой.

Глубоко уверен: подлинная благотворительность – все-таки порыв! Он возникает, когда душа загорается стремлением свершить благое, доброе дело. А для этого нужно, чтобы душа очистилась или возжелала очиститься от зла, корыстолюбия, вражды.

М. Чудакова. И все же будем помнить, что всякое даяние – благо. И от каждого мы, общество, можем принять с благодарностью – ведь оно спасает жизнь больного ребенка... Мне думается, чтобы благотворительная помощь попадала туда, где она всего нужнее в данный момент, необходимо скоординировать усилия тех, кто хочет поддержать соотечественников, оказавшихся сейчас в трудном положении. Может быть, для этого стоит создать, скажем, общественный совет, в который вошли бы более или менее известные люди, которые доверяют друг другу и которым доверяет общество в силу их высокого нравственного авторитета, бескорыстия, известности готовностью чутко откликаться на чужую беду.

Убеждена, что создать такой совет вполне возможно. Сошлюсь на работу нашей Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ. Мы все здесь до конца уверены друг в друге. Да и можно ли было сомневаться в покойном Булате Окуджаве? Какое недоверие можно испытывать к Льву Разгону?

Такой совет, состоящий из 7—10 человек, не более, с привлечением чиновников, честных чиновников, которые в России, слава Богу, есть, мог бы решать важные задачи, первой из которых должно быть создание программы насущных дел. Например, установить стипендии выпускникам школ, у которых нет средств на дальнейшую учебу. Установить стипендии вузовским преподавателям, чтобы они могли с дальних концов России приехать хоть раз в год в столичные библиотеки, архивы, театры.

Благотворительная помощь должна быть адресной, направленной на достижение конкретного результата. И не в далеком будущем, а сегодня, чтобы эта деятельность уже сейчас претворялась в реальные дела, нужные людям, такие, как умел делать Чехов, строя в Таганроге библиотеку, больницу.

С. Юдушкин. Да, есть много дел, которые можно делать уже сегодня, не дожидаясь, когда появятся какие-то огромные средства. И коль скоро мы здесь собрались по инициативе журнала «Российский адвокат», то хотелось бы затронуть вопрос, который близко касается тематики этого издания. Речь идет об оказании квалифицированной правовой помощи людям, у которых нет достаточных средств для оплаты юридических услуг.

Это острая проблема не только России, но и многих других стран, даже самых благополучных. Так вот в США во многих штатах действуют крупные фонды, существующие на пожертвования. Они-то и выделяют средства для финансирования тех американцев, кто не в состоянии выложить немалую сумму адвокату.

Более того – сами адвокаты, даже наиболее известные, считают для себя обязательным несколько раз в году вести бесплатные дела. Иначе можно заслужить нелестную репутацию.

Можем ли мы говорить, что у российских адвокатов сложилась подобная практика?

Но и помимо адвокатуры есть немало сфер в нашей сегодняшней жизни, где уже сейчас требуется помощь в решении острейших проблем. Может, самая главная задача сегодня для благотворительных организаций – а их в России более тысячи!, — чтобы люди ощутили результаты их деятельности и поверили, что есть общественная сила, которая готова к бескорыстным добрым делам.

А. Суханов. Согласен с тем, что проблема координации деятельности благотворительных организаций в России требует скорейшего решения. Здесь уже говорилось о создании общественного совета, который взял бы на себя функцию некоего координатора. Но прежде, чем его создавать, необходимо тщательно все продумать, чтобы он не превратился в какое-то бюрократическое образование, где править бал будут бумажки, а не живые, конкретные дела.

Нам нужна не очередная чиновничья структура, а такой коллегиальный орган, который представлял бы интересы большинства благотворительных организаций, пожелавших объединить свои силы для решения конкретных проблем сегодняшней жизни. Здесь явно просматриваются два направления его деятельности. Первое – оперативное согласование действий с представителями правительства России, местными властями, чтобы проводить благотворительную работу с наибольшей отдачей. Второе – если хотите — управление благотворительной деятельностью, придание ей осмысленного целенаправленного характера, предупреждающего распыление средств на какие-то малозначительные начинания.

Разумеется, речь не идет о командном стиле руководства с его обязательными к выполнению циркулярами и распоряжениями. Благотворительное дело – крайне тонкая материя, которая не терпит безапелляционного нажима или диктата. Здесь все должно быть построено на чувстве ответственности за общую работу, которую ждут наши соотечественники. От нее во многом сейчас зависят как судьбы отдельных людей, так и будущее всей России.

В. Селедкин. В завершение нашего разговора хотелось бы поблагодарить собравшихся за «круглым столом» за участие в сегодняшней встрече. В ходе обсуждения проблем благотворительного движения в России было поднято немало вопросов, которые требуют быстрейшего их решения. Конечно, тема не исчерпывается только одной беседой. Журнал «Российский адвокат» предполагает и дальше продолжать публикацию суждений по столь насущному вопросу. Надеемся, что наши читатели примут в этом активное участие.

Фото Натальи ЛЬВОВОЙ

На 75-м году жизни ушел от нас **Александр Михайлович ЛАРИН** – выдающийся ученый, гуманист, активный защитник прав человека, мудрый и заботливый наставник своих младших коллег.

Он прожил большую, наполненную неустанным трудом и творческим горением жизнь, с честью пройдя все испытания, выпавшие на его долю. Когда грянула Великая Отечественная война, шестнадцатилетним юношей он стал работать слесарем на авиационном заводе, а затем, несмотря на бронь, добился отправки на фронт.

Домой после тяжелого ранения Александр Михайлович вернулся инвалидом, но с присущим ему мужеством и энергией принялся налаживать свою мирную жизнь. Он с отличием заканчивает вечернюю школу и поступает на юридический факультет МГУ. Через несколько лет молодой выпускник становится следователем прокуратуры.

23 года отдал Александр Михайлович этой нелегкой напряженной работе. Но даже в таких трудных условиях он находит силы, чтобы заниматься научной деятельностью. Со временем без отрыва от следственной работы защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертации. Стал профессором.

Около 30 лет назад Александр Михайлович Ларин полностью отдался научной работе. Он внес выдающийся вклад в исследование многих важнейших вопросов современной юридической науки и практики. Из-под его пера вышли десятки актуальных публикаций, талантливых книг, которые заслуженно стали практическим пособием для нескольких поколений отечественных юристов.

Работы Александра Михайловича Ларина отличали глубокий анализ любого рассматриваемого им вопроса, принципиальность, твердость и последовательность в борьбе с несправедливостью и ненаучностью, проявлениями национализма и политического экстремизма. Он оказал огромное воздействие на обеспечение прав человека и законности в уголовном процессе. Его научные идеи и разработки во многом повлияли на формирование взглядов и убеждений сегодняшних российских адвокатов.

Предметом особой заботы Александра Михайловича была подготовка молодых ученых. Он щедро отдавал им все свои силы, знания и опыт. Даже за день до кончины, уже прикованный к постели, он записывал на диктофон последнюю лекцию и переживал за своих аспирантов, которые держали в это время экзамен.

Трудно смириться с мыслью, что среди нас нет больше Александра Михайловича Ларина, цельного, жизнерадостного, полного творческих сил и замыслов человека. Мы навсегда сохраним благодарную память о нем, будем верны его принципам.

Г. Мирзоев, президент Гильдии российских адвокатов, **Г. Резник,** председатель президиума Московской городской коллегии адвокатов, **А. Галоганов,** председатель президиума Московской областной коллегии адвокатов, **Н. Клен,** председатель президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов, **Г. Воскресенский**, президент Международного союза (содружества) адвокатов, **Р. Звягельский,** главный редактор журнала «Российский адвокат».

ПОВЕСТЬ
(печатается с сокращением)

БОЛЬШАЯ РАЗБОРКА

Юрий ТЕПЛОВ

Перу Юрия Теплова принадлежит несколько романов и повестей. Наиболее известные из них – «Закон – тайга», «Подкова», «Посох удачи». Прежде чем прийти в литературу, Юрий Теплов много лет отдал армейской службе. Ему пришлось испытать и леденящую стужу Заполярья, и огненные смерчи афганских дорог, и глухую заброшенность дальних гарнизонов.
Повесть «Большая разборка» написана автором специально для журнала «Российский адвокат».

«Вот уж точно – Толстобрюхова, – подумал Уханов, глядя на сидевшую напротив него расплывшуюся, грубо намакияженную женщину в норковой шубе. – И не подумаешь, что уже почти год сидит».

– Я за свое отвечу, – сглатывая окончания слов, говорила она. – Да, жила, как королевишна. С артистами тусовалась. И другим жить давала. А все одно – крошки перепадали. Куски бугры хватали! Пускай и парятся вместе со мной. Всех заложу!

– У вас нет никаких доказательств, Зинаида Федоровна.

– Есть!

– Почему же вы не хотите представить их следователю?

– Ха! Они все заодно. Ополчились на бабу – крайнюю нашли! Да ихний начальник сам у меня процентами кормился! А ваш розовый комсомолец меня на даче прятал, когда в розыск объявили. Он и паспорт с турецкой визой выправил. Да видно, что-то не так сделал, захомутали в аэропорту.

– Ваши слова еще не доказательство. Их можно классифицировать как оговор.

– Не держите меня за дуру! Мои доказательства на бумаге. Записочки, самолично им написанные: тому – столько-то наличными отгрузить, другому – столько зелеными... В надежном месте мои доказательства! Где – скажу только на суде. А если что со мной случится, подруга знает, куда их передать. Приедет в Москву и передаст. Я за это ей хорошие бабки отвалила... Так что пускай он вытаскивает меня отсюда!

Уханов вглядывался в ее щекастое лицо с глубоко посаженными блеклыми бусинами-глазами и не мог взять в толк, как ей удалось облапошить стольких людей. Не гипноз же, в самом деле!

– Вы не боитесь, Зинаида Федоровна, что в этой комнате могут быть установлены подслушивающие устройства?

– Пускай другие боятся, адвокат!

– Для вас я – Борис Аркадьевич.

– Мне без разницы... И не ходи ко мне больше, Аркадьич, все равно ничего не выпытаешь!..

Уже стемнело, когда проходная лефортовского каземата вытолкнула Уханова на улицу. Шофер Миша ждал его на Солдатской. Заметив шефа, неторопливо вылез из «джипа», молча и с недовольным видом распахнул перед ним дверцу. Миша все делал молча, надежно и с недовольным видом.

Первым делом Уханов достал из внутреннего кармана диктофон-малютку. Перемотал нитку назад, включил на прослушивание. Голос Толстобрюховой зазвучал, будто она находилась в салоне. Надежную штуку смастерили японцы, ничего не скажешь... Хотел бросить диктофон в дипломат, но снова сунул в карман. Надежнее, потому как начинающие грабители, которых все больше и больше, зарятся в первую очередь на сумки, портфели и все, что в руках: вырвал – и смылся...

Ехать в офис – поздно. Домой, в ухоженную чужими руками квартиру, – не было желания. Можно, конечно, завернуть к секс-бомбочке Лиле Володарской. Но в последнее время она стала слишком уж настырно навязываться ему в жены. Ничего в ней не было, кроме гитарной фигуры и откровенно блудливых глаз с поволокой на чистом матовом лице. За это и держал ее в офисе Уханов, а не за диплом юриста... Да и вообще, желающих накинуть на него узду Гименея хватало: не бедный, фамилия на слуху. Особенно старались молодушки, их ничуть не смущало, что ему под пятьдесят. Однако женитьба в обозримом будущем не входила в планы Уханова, а в необозримом – никуда от этих пут не деться...

Они ехали по сверкающей огнями Тверской. На «Пушке», у «Макдональдса», проходил ежевечерний развод начинающих проституток. Одни сидели в иномарках в ожидании покупателей; другие, сбившись в стайки, неумело изображали из себя светских барышень и явно мерзли. «Мамки» упаковали их, стараясь подчеркнуть все прелести товара. А осень уже перевалила на вторую половину, воздух был сырым и прохладным.

В милицейских кругах поговаривали, что и Толстобрюхова начинала свою карьеру на «Пушке». Беззаветным постельным трудом выбилась в «мамки», а затем каким-то образом круто шагнула в пирамидальные финансисты и стала «мадам».

Сегодня мадам открыто занималась шантажом. Рассчитывала, что адвокат передаст ее угрозы бывшему покровителю. Все еще надеялась, что тот вытащит из-за решетки. Скорее уж подтолкнет, чем вытащит, – это Уханов нутром чуял.

Он не испытывал разочарования от своего визита в Лефортово. Кое-что все же узнал. Пожалуй, записки действительно существуют, хотя клиент и не признавался в том. Какой бы хитроумной Толстобрюхова себя не выказывала, а информацию выложила. И отнюдь не намеренно, а по бабскому недомыслию. Записок в Москве явно нет. Всего скорее они у кого-то из прежних подруг в Тверской губернии. Придется бородатому Вовочке прошерстить ее лихославльских знакомых.

С Вовочкой Уханов приятельствовал еще с Магадана, куда их забросил слепой случай и желание подзаработать. Вообще-то имя у него было Степан. А фамилия – Вовочкин. Вот и звали все Вовочкой. В Магадане молодой опер Степан Вовочкин ухитрился размотать такой икряной клубок, что вызвал сильное негодование обкомовского начальства. Его поперли из милиции, а Уханова в тот же год – из коллегии адвокатов. Теперь вот оба в Москве. Вовочка процветает со своим детективным бюро, стрижет толстосумов, устанавливая неверность их юных длинноногих подружек...

– Шеф, нас пасут, – вдруг сказал Миша.

– С чего ты взял?

– Серый «Вольво» на хвосте. Я его еще у «Пушки» засек.

На Садовом было светло, как днем. Вглядываясь в зеркало, Уханов попытался определить «пастуха». Впритык за ними шел «жигуль»-«копейка», следом – «девятка», а за ней – серый «Вольво». Может, попутчик?..

– Сбавь скорость, Михаил.

Миша нахально перестроился в правый ряд, сбросил скорость до сорока. «Вольво», притормаживая, тоже стал перестраиваться.

Уханов терпеть не мог, когда что-то не понимал. Что за преследователи? Откуда взялись? Не клиент же их послал!.. Или кому-то он перебежал дорожку? Кому? Бывшим дуроломам Толстобрюховой?..

– Отрываться? – спросил Миша.

– Попробуй.

Тот набрал скорость и через пару минут резко крутанул вправо. В переулке было темно, как в дымогарной трубе. Миша вырубил свет и, не доезжая до освещенного перекрестка, въехал в какой-то двор как раз в тот момент, когда сзади полоснули фары. Уханову показалось, что заехали в тупик. Но Миша, бывший таксист, знал московские улицы, как собственную ладонь. Впритирку проскочил между гаражами, выехал в проулок. Еще дважды уходил вправо, пока не выскочил снова на Садовое, в том месте, где Уханов заметил в зеркале хвост. Теперь «Вольво» болтался где-то впереди.

Кому и что понадобилось? Информация? У следователя ее всегда больше... Тактика защиты на вероятном процессе? Она интересна только прокуратуре... Или это те, молодые и вежливо-наглые, что недели полторы назад появились на исходе дня в его офисе? Пропуск им никто не заказывал, но они как-то миновали милицейский кордон на проходной.

– Борис Аркадьевич, – сказал один, с голым, как пустыня, черепом. – Есть конфиденциальный разговор.

Клиенты почти всегда начинали с просьбы о конфиденциальности.

– Лиля, попейте чайку в комнате отдыха, – выпроводил Уханов секретаршу. Сам же незаметно нажал кнопку, вмонтированную в столешницу. В соседней комнате включилась записывающая аппаратура.

– У нас к вам деловое предложение, – сказал Череп-пустыня.

– Слушаю.

– Вы – юридический консультант советника президента. И очень красиво уводите его от ответственности. Мы даже знаем, что в кабинете зама генерального прокурора вы ухитрились проглотить небольшой документ и подсунуть другой.

Был такой случай, еще по первому делу об урожайных чеках. Тогда прокурор отвлекся на звонок по вертушке. Уханов быстренько скатал в комок подписанное клиентом распоряжение, а в дело вложил точно такой же, но с датой годичной давности, что в корне меняло ситуацию... Но откуда о том известно незваным посетителям?..

– Нас интересует все, что вы знаете о его делах, – продолжал Череп, – и в частности, о связях с «Мальвиной». Ваша информация будет хорошо оплачена.

От предложения дурно пахло. Оно требовало осмысления.

– Кого вы представляете? – спросил Уханов, чтобы выиграть время.

– Пока это не имеет значения. Назовите сумму, которая вас устраивает.

– Молодой человек, как вы думаете, во что превратится довольнотаки преуспевающий адвокат, если он станет торговать интересами своих клиентов?

– Не клиентов, Борис Аркадьевич, а одного-единственного клиента, которого через два года российский Пиночет вознамерится отправить в места не столь отдаленные. А клиентуру мы вам обеспечим.

– И как отнесетесь к тому, что я стану продавать ее секреты?

– Подловили, Борис Аркадьевич! Мы с вами мыслим одинаково.

– Абсолютно не уверен в этом.

– А мы уверены.

– «Мы» – это кто все же?

– Сначала ответьте на наше предложение. Если вам нужно время для обдумывания, мы не возражаем.

– Информацию о клиентах я не продаю. Ни сейчас, ни в будущем.

– Упертый базарило! – вмешался спутник Черепа.

Тот взглядом заставил его умолкнуть. Произнес со смутной улыбкой:

– Мне очень жаль, Борис Аркадьевич. До свидания...

После их ухода Уханов отключил аппаратуру. Прослушивать запись не было необходимости. Разговор много времени не занял и отложился в памяти с деталями. Ясно, что визитеров интересовал советник. За этим могла стоять и правая, и левая оппозиция. Либо третья сила, остающаяся до поры до времени в тени. Очень даже мог заинтересоваться делом и криминальный мир. В последние годы Уханов довольно часто общался с его представителями. Защищать их было сложно. Но прокурорские чиновники, привыкшие к застойной вседозволенности, подставлялись сами, сплошь и рядом нарушая процессуальный кодекс. Дело можно было развалить на одном этом.

Уханов уже давно понял, что криминальным миром заправляют не дураки. Они быстро усвоили новые правила игры в демократию, создали свою властную вертикаль, так бездумно разрушенную новой государственной властью. Застойный «гоп-стоп» сменился уголовщиной цивилизованной, с офисами и представительствами, могущественными связями, собственными службами и отлаженной компьютерной сетью. Всех, кто стоял на дороге, покупали или убирали.

На адвокатов не покушались. Еще не было случая, чтобы кого-то попытались отстрелять. С адвокатами дружили. «Вольво» же, севший на хвост, никак не походил на проявление дружеских чувств...

Запиликал в кармане мобильный. На связь вышел бородатый сыскарь Вовочка.

– Ты где, Борис? – спросил.

– Ползу домой.

– Пошептаться надо.

– Мне тоже. И срочно. Двигай в мою крепость.

– Через час буду...

На Большой Дорогомиловской Миша развернулся, лихо зарулил под арку и притерся к подъезду.

– Оглядимся, – сказал Уханов.

Дом напоминал букву «Г». Оба отростка буквы продолжал ажурный металлический забор с шипами наверху, образуя просторный закрытый двор с липовым сквером в центре. Уханов ощупал взглядом все дворовые закоулки. Они были пустынны, как кладбище ночью. Жизнь теплилась лишь у подъездов.

Проползла мимо черная «Волга» дочери давно ушедшего в мир иной усатого маршала-конника. Дом был предназначен для старосоветской элиты, которую активно вытесняли новорусские демократы. У соседнего подъезда мягко урчал «мерс» Фадея Ненашина. Любимца президента охраняли два дюжих караульщика. Один сидел в машине у открытой дверцы, другой топтался на асфальте. Ждали, видно, хозяина. По его делам и мотался сегодня Уханов.

Квартиру в этом доме он купил год назад, после того, как защитил в Королевском суде Великобритании скандально известного русского бизнесмена Артема Золотова. Тот и в Англии ухитрялся делать деньги из воздуха. Вот и отстегнул по-купечески и на «джип», и на элитные хоромы, и на евроремонт. В новой квартире они и встретились впервые с Фадеем Ненашевым.

Его помощник позвонил поздним вечером:

– С вами будет говорить Фадей Кириллович.

Голос у Ненашина был бархатным, только баб уговаривать.

– Я много любопытного слышал о вас, – проворковал он. – Теперь и мне понадобилась ваша помощь. Приглашаю вас завтра к девяти ноль-ноль в мой кремлевский кабинет.

Категоричность приглашения резанула слух. Кто кому нужен? Кто проситель?.. Но и ехать советнику президента в частный офис, где всегда очередь, тоже не с руки.

– Не могу – занят на процессе, – наврал Уханов. – Вы можете заглянуть ко мне в любой день после восьми вечера. В одном доме живем. Только позвоните предварительно.

Похоже, Ненашин не ожидал такого поворота. Спросил через паузу:

– Сегодня не поздно?

– Жду вас...

Нет, не нравился Уханову этот красавчик. Высокий, ухоженный и розовый, словно розовое мыло, тот вещал с телеэкрана в манере рубахи-парня. Сказывалась комсомольская школа, которую он прошел когда-то под патронажем нынешнего президента-склеротика. Такой же комсомольский ухарь увел восемь лет у Уханова жену. Не то, чтобы увел, а каким-то макаром оказался рядом, когда они временно разбежались. И получилось – насовсем.

Впрочем, эмоции адвокату противопоказаны. Большинство денежных клиентов симпатии, как правило, не вызывают. Уханов заранее знал, зачем он понадобился советнику. Оппозиция требовала отставки президента и всячески пыталась обгадить и его самого, и ближайшее окружение. Поводов к тому они давали с избытком. Уханов прочитывал все публикации. Секс-секретарша Лиля Володарская сортировала газетные вырезки по папкам. Похоже, досье пригодилось.

Ненашина долбали и правые, и левые. Особенно доставалось ему за связь с финансовой пирамидой «Мальвина», которой рулила мадам Толстобрюхова. Советника дергала Дума и прижимала генпрокуратура. В своих объяснительных он писал, что знать не знает ту мадам, что стал жер-

Рисунок
Леонида НАСЫРОВА

твой спланированной клеветы. Но по всему чувствовалось, что президент вот-вот сдаст его, как это он сделал с другими своими соратниками...

Советник заявился в квартиру с охранниками. Это не понравилось Уханову.

– Пусть подождут на лестничной площадке, – предложил он на правах хозяина.

Ненашин поколебался, но скомандовал им убираться. Уханов провел важного гостя в кабинет. Тот водрузил на письменный стол бутылку исчезнувшего с развалом Союза армянского коньяка «Ахтамар»:

– Чтобы легче беседовалось.

– Я не пью, – отказался Уханов. – Давайте к делу. Почему вы решили обратиться ко мне?

– Если вы сумели вытащить такого жулика, как Артем Золотов, то мне и подавно сможете помочь...

У крайнего чердачного окна стояли он и она. Рядом, на захламленном полу, было расстелено не первой свежести одеяло с новой кожаной курткой в головах. Чердак – тоже укрытие для любви, если нет более приличных условий.

Но заниматься любовью, судя по всему, парочка не торопилась. Он держал в руках портативную рацию и через прибор ночного видения, в котором в общем-то и не было особой нужды, разглядывал двор. Переключил тумблер, поднес ко рту микрофон:

– Зоя – Пете: Козырной на свидание не торопится, сидит в машине. Прием.

– Слышу. Жду сигнала, – ответил абонент.

Девица дотронулась до плеча парня, шепнула:

– Два часа уже торчим тут. Может, поплаваем разок? – кивнула на расстеленное одеяло.

– Дура! Вот свалим и оттянемся.

– Где?

– У тебя.

Она была внучкой народной артистки, жила с ней в этом доме и надеялась, что скоро станет единоличной хозяйкой шикарной квартиры.

– Старуха опять бренчать будет. Может, в бар махнем?

– Не. Светиться нам не в жилу. Старуха побренчит, да и удрыхнется.

– А если твой ждет кого?

– Заткнись!..

Две машины по-прежнему торчали впритык к дому: правительственный «мерс» с охранниками и «джип» Козырного. Какого лешего он не вылазит?.. Из дальнего подъезда вышла тетка с собакой. Отпустила ее с поводка возле лип. Минут через десять увела своего зверя обратно... Парень покосился на одеяло. Маскировочка, туды ее... Привлек девицу одной рукой, залез к ней за пазуху. Она выгнулась и замурлыкала. Нельзя, блин! Боец шкуру спустит, если зевнешь.

И почти зевнул. Отвлекся и не заметил, когда хозяин «мерса» вышел из подъезда. Увидел лишь, как машина нырнула через освещенную арку на улицу. Он оттолкнул подружку, уставился на «джип», боясь, что прокараулил и своего. Однако дверца открылась со стороны пассажира, и минуту спустя тот направился к дверям.

– Зоя – Пете: Козырной заходит в подъезд.

– Понял.

Парень подхватил свою куртку с одеяла.

– Смываемся к бабке. Да не забудь ключ Бойца из-под половика потом забрать.

– Ты хоть его видел, Бойца-то?

– Не. И не дай Бог!

Когда «мерс» Ненашина прошуршал мимо, Уханов распахнул дверцу машины. Скоро уже должен был объявиться сыскарь Вовочка. Сыскарь – не клиент, с ним можно и по стопарю. Да и поужинать заодно.

– Завтра к восьми, Миша.

Шофер молча и недовольно кивнул. Уханов вспомнил, что обещал ему в субботу выходной. Завтра как раз выпадала суббота. Но дело раскручивалось к финишу, и выходной не получался. Придется опять доплачивать, чего Миша и добивался.

– За субботу – премия, – добавил. И тот снова молча кивнул.

Уханов привычно набрал подъездный код, шагнул в широкий тамбур. От вестибюля его отделяла еще одна дверь, обитая белым металлом. Снова три цифры дважды кряду и кнопка. В квартире включился автоответчик и спросил голосом хозяина:

– Кто идет?

– Разводящий со сменой, – сказал он и усмехнулся. Пароль Уханов придумал в память о своем сержантском прошлом.

Щелчок высвободил запор. Он шагнул в просторный вестибюль. Пожилая лифтерша, вдова известного режиссера и сама бывшая балерина, равнодушно и заученно улыбнулась. Нажала кнопку четвертого этажа. На лестничной площадке было всего две квартиры. Одна пустовала. Месяц назад ее освободил спившийся сынок застрелившегося члена ЦК разогнанной партии и съехал вместе с подругой-наркоманкой в Подмосковье. А новый хозяин еще не объявился.

Дверной запор был с секретом. Чтобы трижды повернуть ключ с фигурной бородкой, надо дважды наполовину вытянуть его, провернуть назад на пол-оборота и протолкнуть до упора. Уханов еще не освоился с ним как следует, приходилось какое-то время ковыряться в замке. Так произошло и в этот раз.

Он не услышал, как бесшумно открылась дверь соседней квартиры. В тот момент, когда шагнул через порог, ощутил сзади чье-то присутствие. Повернул голову. И тотчас получил удар в челюсть, почти мгновенно – второй в подзатылье. Перед глазами поплыл белесо-мутный туман. Сквозь него пробилась мысль: сейчас упаду. Но ему не дали упасть. Высокий человек подхватил его под мышки, затащил в комнату и осторожно прикрыл дверь.

Белесый туман в глазах исчез. На Уханова навалились сумерки. Но сознание, ватное и вязкое, продолжало жить. Уханов понимал, что налетчик копошится в его дипломате, выбрасывает на пол бумаги. «Не там ищет,– вяло и отвлеченно подумалось ему, – деньги в пиджаке». Тот будто услышал его мысль, зашарил по карманам. Уханов попытался открыть глаза. Веки были тяжелыми, ровно придавленные подушкой. Видимо, ему все же удалось разлепить их. Он смутно увидел чужую кисть, вытаскивавшую из кармана диктофон. Она показалась ему безжизненно-желтой и уродливой. Чем-то отличалась от нормальной человеческой руки.

Это был последний проблеск сознания...

Высокий человек достал из кармана обычный целлофановый пакет, уложил в него диктофон, блокнот и бумажник адвоката. Подобрал валявшуюся на полу связку ключей. Перешагнув через хозяина, уверенно прошел в его кабинет. Там перелистал настольный календарь, вырвал несколько листков. Больше на столе ничего не было. Шагнул к книжным полкам. Юридическая литература его не интересовала. Быстро перебрал папки. Открыл ту, на которой было написано «Ненашин Ф. К. »: публикации из разных изданий, фотографии, черновые записи от руки... Папку тоже сунул в пакет.

И по-рысьи насторожился.

Запикал домофон, и на пульте замигала лампочка. Кто-то пытался связаться с хозяином. Высокий человек торопливо вышел из кабинета, пересек холл и покинул квартиру. Вставил в замочную скважину ключ с хитрой бородкой, провернул. Однако дверь оставалась незапертой, а ключ застопорился. Он попытался вытащить его, но смог лишь наполовину.

Снизу послышался голос вахтерши-балерины: что-то и кому-то она невнятно объясняла. Оставив в покое ключ, налетчик закрыл дверь соседней квартиры, стянул желтые резиновые перчатки. Мизинца на правой руке у него не было. По-кошачьи мягко он стал подниматься по лестнице...

(Продолжение следует)

ДНЕВНИК ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ДАТ

ОТМЕЧАЕМ В ФЕВРАЛЕ

450 лет Судебнику Ивана IY

20 (28) февраля 1549 года Земский Собор постановил разработать новый свод российских законов, известный как Судебник Ивана IY. Он был составлен к июню 1550 года. Это последний акт сохранявший право крестьян покидать своих помещиков в Юрьев день (26 ноября ст.ст.)

75 лет «золотому червонцу»

5 февраля 1924 года в СССР были выпущены в обращение т.н. «червонцы» – бумажные деньги с номиналом в 10 рублей, обеспеченные драгметаллами и твердой валютой. Обмен прежних денег на новые производился в соотношении 50 тыс. руб. к одному.

50 лет коллективному огородничеству и садоводству

24 февраля 1949 года в связи с нехваткой продовольствия Совмин СССР принял постановление о порядке предоставления рабочим и служащим земельных участков для коллективного и индивидуального огородничества и садоводства. Какое-либо строительство на участках не предполагалось.

45 лет без налога на холостяков

10 февраля 1954 года указом Президиума Верховного Совета СССР малоимущие граждане освобождены от уплаты налога на холостяков и малосемейных, т.е. имеющих менее двух детей. Налог действовал с 1941 года и касался как мужчин (от 20 до 50 лет), так и женщин (от 20 до 45), в том числе незамужних.

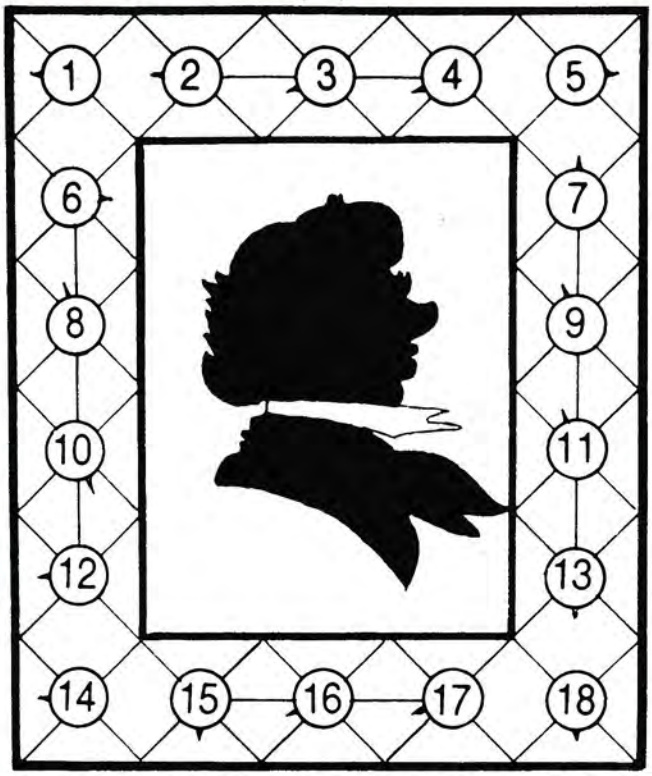
45 лет без Крыма

19 февраля 1954 года указом Президиума Верховного Совета СССР Крымская область передана из состава РСФСР в состав УССР. При этом ничего не говорилось о статусе Севастополя, объявленного еще в 1948 году самостоятельной административно-территориальной единицей в составе РСФСР.

10 лет Союзу адвокатов СССР

24 февраля 1989 года учредительный съезд советских адвокатов провозгласил образование Союза адвокатов СССР. С 1992 года он преобразован в Международный союз (сообщество) адвокатов.

КРОССВОРД



12	3	7	16		5	7	10	14	17	9	16	11	16	7	12	ь	5	17
	2	16	17		13	18	7	14	1	7	16	,	4	13	6	16	17	
			18	9	7		5	8		9	18	7	16	7				
			9	10	14	8	18	7	6	12	11	18	17					

Слова вписываются вокруг цифр по часовой стрелке, начиная с клетки со штрихом.

1. Конспиративная квартира. 2. Тайное похищение имущества. 3. Заявление об ущемлении прав. 4. Прозвище полицейского в Англии. 5. Оно бывает в крупную клетку и с овчинку. 6. Занятие, после которого кулаками не машут. 7. Отклонение от церковной догмы. 8. Третейский судья. 9. Период работы суда, парламента. 10. Общественное объединение. 11. Одна из целей правосудия. 12. Обувь из лыка. 13. Заключенный. 14. Возможная опасность. 15. Человек, отказывающий себе в удовольствиях. 16. Особо тяжкое преступление. 17. «Апельсиновый» город на юге Франции. 18. Наследник не первой очереди.

Вписав начальные буквы отгаданных слов в соответствующие их номерам клетки, прочтете афоризм Козьмы Пруткова.

Составил Алексей ПОСТНОВ

Ответы на кроссворд, опубликованный в журнале «Российский адвокат» №6:

1. Урядник. 2. Кодекс. 3. Синдик. 4. Демарш. 5. Люлька. 6. Зерцало. 7. Измена. 8. Цербер. 9. Версия. 10. Жалоба. 11. Бизнес. 12. Чардаш. 13. Аренда. 14. Патрон. 15. Бандит. 16. Отвага. 17. Насилие. 18. Реванш. 19. Грабеж. 20. Травма. 21. «Малина». 22. Единица.

Зашифрованный афоризм Ф. А. Кони: **«Не жди, чтобы цвела страна, где царство власти, не рассудка... Где есть закон – чтоб понимать, как он изменчив и непрочен».**

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Нам нужна красота

В доме, каких много во Владимире, за дверью, которая отличается от других разве что номером, я увидел множество красивых вещей.

Начну с пейзажа, что висит на стене: тихая речушка, березы, буйное разнотравье. Умиротворение, спокойствие. Картина – в необычной рамке: резьба по дереву, выполненная раскаленным инструментом...

На полке стоят сувенирные свечки, украшенные тончайшими лепестками стеариновых роз и листочками трав. Тут же поделки из камней. Абстрактные «небоскребики» из плавикового шпата, горного хрусталя. У подножия каждого из них сидит бронзовый гномик, его крошечные туфельки небрежно сброшены.

На рабочем столе хозяина, рядом с Гражданским кодексом РФ, я увидел искусно обработанный темный с зеленоватыми прожилками камень – размером со спичечный коробок. В верхнюю часть его, в нишу, вставлена миниатюрная фигурка женщины.

Пора открыть один секрет: все, что я увидел, – нарисовано, сделано руками Леонида Гирика, члена Владимирской областной коллегии адвокатов №3. О его увлечениях, редкой способности творить красоту знают во Владимире многие.

А начиналось все несколько десятилетий назад в Крыму, в Феодосии. Туда каждое лето приезжал с шумными и талантливыми приятелями – скульпторами, графиками близкий родственник матери Константин Павлович Ротов, профессиональный художник, проработавший много лет в журнале «Крокодил». Он и его друзья увидели в мальчике способность восхищаться красотой и самому ее создавать. По их совету Леонид стал посещать изостудию. Участвовал в республиканском конкурсе детских рисунков и скульптур. Получил приз.

В суворовских училищах в Ставрополе, а потом в Свердловске Леонид находил время и на свои увлечения. Возможности для это были отличные. Здесь научился обрабатывать дерево, металл, камень... Потом он получил юридическое образование и служил в военных трибуналах. Последние тринадцать лет отданы адвокатуре. И где бы он ни жил, кем бы ни работал, в часы отдыха творил красоту. И не только для себя и своих близких.

Вспомним же те декоративные свечи. Первую из Львова привез. Два месяца разгадывал технологию ее изготовления. Разгадал. Посвятил в тайны членов школьного кружка, где был и его сын. Свечи, сделанные ими, забирал на продажу магазинчик. На вырученные деньги ребята приобретали спортивный инвентарь, музыкальные инструменты.

То же с рамками для картин получилось. Подсмотрел адвокат на одном оборонном заводе технологию обработки деревянных заготовок. Приспособил ее для изготовления рамок. Опять предложил заняться этим делом школьному кружку.

А потом дети выросли. Ушли в самостоятельную жизнь, унося с собой понимание и убеждение: красота нужна миру...

Незаурядный, увлекающийся человек Леонид Николаевич Гирик – один из самых известных и сильных адвокатов во Владимире. Десятки людей благодарны ему за то, что он защитил их права, законные интересы, честь и достоинство. Но это уже другая тема.

Валентин ШАРОВ,
спец. корр. «Российского адвоката»
Владимир–Москва
На снимке: адвокат Леонид Гирик
Фото Виктора СТОХАЛЬСКОГО

АДВОКАТСКИЕ

В четвертом номере журнала «Российский адвокат» за 1998 год мы рассказали об Израиле Ефимовиче Этермане, члене Московской областной коллегии адвокатов, его увлечениях. Он коллекционирует старинные гитары, прекрасно поет, автор песен и романсов на стихи советских и российских поэтов, собиратель «тюремного» песенного фольклора. Сегодня представляем Израиля Ефимовича Этермана еще и как автора юмористических рассказов.

«Толчок мозгам»

Щуплый, небольшого роста мужчина средних лет, с застенчивой улыбкой, появился в юридической консультации утром.

Посетитель степенно поздоровался, сел на единственный стул, сказал: «Гляньте, пожалуйста», – и протянул обвинительное заключение. Там называлась огромная по тем временам недостача, что-то в 40–50 тысяч рублей. Утверждалось, что их присвоил мой клиент. Обвинялся он по свирепому указу от 4 июня 47-го года.

«Этап на Север, срока огромные. Кого ни спросишь – у всех указ», – вспомнил я слова песни, а вслух сказал: «У вас, батенька, очень серьезное обвинение. Могут посадить, и надолго!»

– А то! – сказал он с готовностью и пониманием.

– Да вы еще и виновным себя признали, – добавил я, читая бумагу.

– Признаешься, – отозвался он, – куда денешься...

МОЗАИКА

*** Слово «хулиган» «подарил» нам в XVIII веке содержатель одного из постоялых дворов близ Лондона – некто Хулигэн, который вместе со своим семейством терроризировал всю округу.**

*** Когда мичиганский полицейский Кланес Рэтклифф из ревности застрелил свою жену Кэрол Айроне, он получил 10 лет тюрьмы за убийство и два пожизненных срока заключения за угрозу арестовывавшим его полицейским.**

*** «Лаванда» – прибор, реагирующий на сердцебиение человека. Используется при досмотре машин, выезжающих из мест заключения.**

*** Более 280 лет назад (в феврале 1718 года) Петр I своим Указом запретил подавать милостыню в руки, повелев: «Кто хочет дать, то отсылал бы в «богадельни»... А буде которые люди таким нищим станут милостыню подавать, презрев сей Указ, и их приводить в Монастырский приказ и имать на них штрафу...»**

БЫЛИ • АДВОКАТСКИЕ БЫЛИ

Держал он себя так, будто речь шла вовсе не о нем, а о каком-то другом человеке. Завскладом на заводе он стал случайно, ничего не понимая ни в складском деле, ни в учете, а «материальные ценности» оказались никому не нужными грудами железа и чугуна, разбросанными по заводской территории. Как и для чего нужно было похитить десятиметровые стальные балки, чугунные станины или ржавые рельсы, представить было невозможно. Но об этом в обвинении ничего не говорилось.

Мне удалось свести все к статье «за халатность». По тем временам победа немалая. Подзащитный был доволен, хотя ему предстояла двухлетняя отсидка. А мне его было жаль, я и предложил ему подать ходатайство о помиловании. Ну в самом деле, кого же миловать, как не его: и воевал, и не судился, детей куча, здоровьем не блещет, дело чудное какое-то.

Рисунок Леонида НАСЫРОВА

Мы составили план: пока я готовлю ходатайство, подбираю нужные документы, он должен немедля поехать в Москву и толком разузнать, как попасть на прием к Ворошилову, который только что стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Шел 1953 год.

Мое предложение подзащитный встретил с энтузиазмом: «Толчок мозгам, Ефимыч, – поеду, попробуем».

Присказку «толчок мозгам» он употреблял всегда, когда ему нравилась какая-либо мысль, побуждающая к действию.

Я ему объяснил, как найти приемную Ворошилова. «Доедешь, – говорю, – на метро до станции «Площадь Революции», выйдешь и спросишь, где Манеж. Напротив него – приемная».

Утром, говорит, отправлюсь. На том и расстались.

Я ждал его с нетерпением. Увидел, как под окном промелькнула его кепка, кинулся навстречу: «Ну как?» «Молчи, Ефимыч», – сказал он тоскливо. «Что, отказали?» «Молчи, – повторил он. – В ГУМ записался». Я остолбенел: «Как же тебя угораздило?»

– Да вышел из метро, смотрю, толпа стоит. И я встал. Потом все рванули, я за ними, одного мужика схватил, ты, спрашиваю, к Ворошилову? Он говорит, становись, там разберемся, наперед, говорит, никого не пускай. Цифру написали.

Он протянул руку. На ладони чернильным карандашом было выведено «17».

• МОЗАИКА • МОЗАИКА

*** «Государево жалованье» («кормовые деньги») заключенным во всех тюремных заведениях было введено лишь в 1662 году. Сбор же подаяний, за счет чего осуществлялось содержание узников раньше, тем не менее оставался в силе и даже приветствовался государством.**

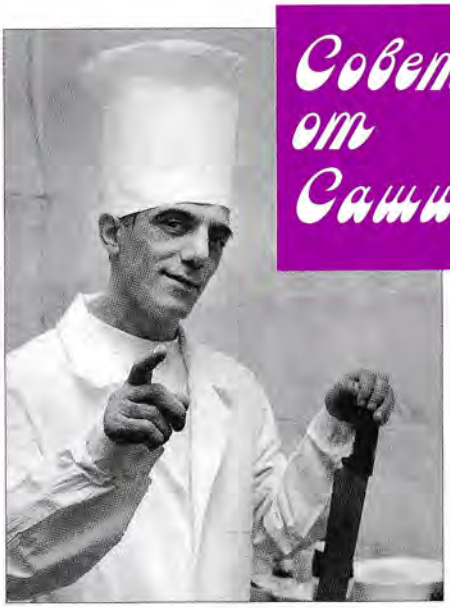
*** В произведениях А. П. Чехова нельзя оспорить ни одной следственной и судебно-медицинской детали, а «Братоубийство», «Драма на охоте», «Бабы», «По делам службы» могут стать хорошим дополнением к учебнику криминалистики.**

*** Так и нераскрытой осталась тайна смерти инженера Рудольфа Дизеля – изобретателя двигателя внутреннего сгорания. 29 сентября 1913 года он отплыл на пароходе «Дрезден», курсировавшем между Гентом и Дувром. Часов в 11 вечера инженер спустился к себе в каюту. Утром его на судне не оказалось. Через несколько дней сети рыбаков подняли его тело. Остается только гадать, что же случилось. Самоубийство, несчастный случай, преступление?**

*** Самый крупный «улов» наркотиков за всю историю борьбы с этим преступным бизнесом принадлежит полиции США. В сентябре 1989 года на одном из подпольных складов Лос-Анджелеса стражи порядка обнаружили 25 тонн «белой смерти» на сумму 7 (!) миллиардов долларов. Владельцы этой партии наркотиков до сих пор не установлены.**

*** В прошлом во Франции существовала практика назначать исполнителями смертных приговоров... подростков. Своеобразный рекорд был поставлен в октябре 1726 года, когда новому палачу Шарлю-Батисту Сансону исполнилось... 8 лет. Через 30 лет мантию палача и орудие казни принял от него 15-летний сын Шарль-Генрих Сансон, который впоследствии казнил Людовика XYI, Марию-Антуанетту, Шарлотту Корде, Дантона и Робеспьера.**

Советы от Саши



Вообще-то у шеф-повара Центрального Дома адвокатов полное имя Гасан Аббас оглы КЕРИМОВ, но он просит называть его Саша. Под этим именем его знают многие посетители ЦДА, которым случалось отведать кушанья, приготовленные под руководством искусного мастера.

Сегодня он делится с читателями «Российского адвоката» секретами приготовления одного оригинального блюда. Вместе с ним рецепт фирменного коктейля предлагает бармен ЦДА Виталий Лонин.

Кутабы для защитников

Приготовить тесто, как для пельменей (мука, соль, вода). Нарезать из расчета 10 граммов на один кутаб. Тесто раскатать в форме круга тонким слоем (в один миллиметр). Приготовить начинку. Мелко нарезать зелень кинзы, лука, укропа, шпината. На мелкой терке натереть сыр. Зелень и сыр смешать. Начинку выложить на одну половинку раскатанного теста, другой половинкой ее прикрыть и соединить края. Жарить на сковороде на слабом огне без масла. Готовые кутабы смазать сливочным маслом. К столу их подают с кефиром и сумахом – сушеным молотым барбарисом.

Кутабы – низкокалорийная еда, с большим содержанием витаминов. Она способствует быстрому восстановлению сил после напряженной работы.

Коктейль «Адвокат»

Для коктейля возьмите крем-ликеры из Ирландии «Милвуд» и «Каролайнс», а также голландский ликер «Кюрасао» – по 25 граммов каждого. Добавьте 50 граммов черносмородиновой водки. Лучшую отечественную производят на Курском ликеро-водочном заводе. Называется она – «Чайковский». Приготовьте 20 граммов льда. Все это смешивают и охлаждают в шейкере. Коктейль украшают фруктами и ягодами. На окантовку бокала хорошо идут ломтик лимона, долька апельсина, клубника. На «зонтик» насаживают вишенку и опускают ее в бокал. Коктейль готов. Ваше здоровье!

Главный художник Вячеслав Мельников, корректор Наталья Лобунцова
Компьютерная верстка, допечатная подготовка и печать АО «Московские учебники и Картолитография». 125252, Москва, ул.Зорге,15. Тел.(095) 943-2395
При перепечатке ссылка на журнал «Российский адвокат» обязательна. Тираж 30 000

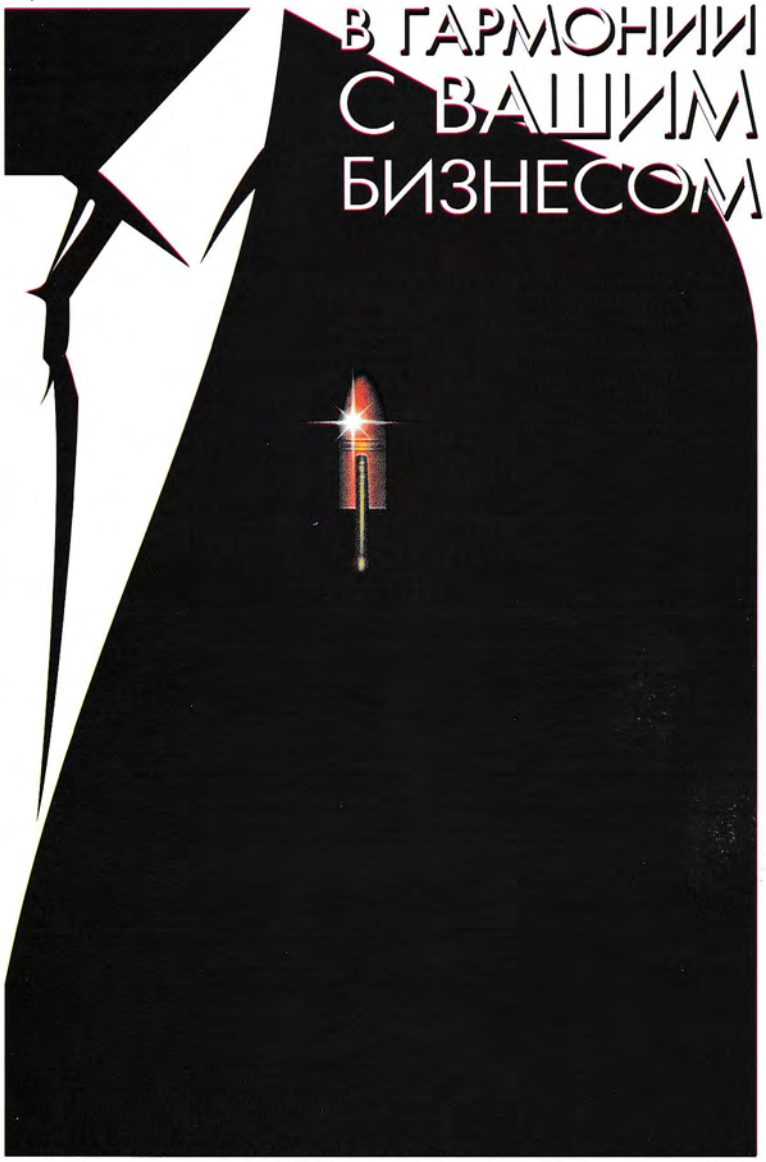
Вы много работаете, многого уже достигли.
Вам доверяют свои судьбы, верят в Ваш успех,
который красноречивее слов подтвердят
красивые, добротные вещи, окружающие Вас.
Кто бы ни пришел к Вам - посетитель,
коллега, клиент - первое, что он видит:
Вы, Ваш офис и письменный стол.
Ваш взыскательный вкус в сочетании
с нашими возможностями выгодно
выделит Вас, упрочит Ваши позиции!

**ВЫ МОЖЕТЕ СЕБЕ ЭТО ПОЗВОЛИТЬ,
ПОТОМУ ЧТО ДОСТОЙНЫ ЭТОГО**

РАЗРАБОТКА ФИРМЕННОГО СТИЛЯ
ИЗГОТОВЛЕНИЕ ВИЗИТНЫХ КАРТОЧЕК,
БЛАНКОВ, БУКЛЕТОВ, ПРОСПЕКТОВ,
ПРИГЛАШЕНИЙ, ОТКРЫТОК,
ПАПОК, КАЛЕНДАРЕЙ, НАКЛЕЕК,
ЕЖЕДНЕВНИКОВ, РУЧЕК,
ЗАЖИГАЛОК, ПАКЕТОВ,
БРЕЛОКОВ, ЗНАЧКОВ...
ИЗДЕЛИЯ ИЗ НАТУРАЛЬНОЙ КОЖИ,
ПРЕСТИЖНАЯ ПОЛИГРАФИЯ,
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД,
ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ДИЗАЙН...
и многое другое, что необходимо
в создании Вашего имиджа

МЫ РАДЫ ПОМОЧЬ ВАМ В ЭТОМ

LeDym
РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО



МОСКВА, ХОРОШЕВСКОЕ ШОССЕ, 32 А
945 6088, 941 2204

LeDum
РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО

КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ

при Московской торгово-промышленной палате

Разрешение экономических споров, вытекающих из внешнеэкономических и внутрироссийских контрактов при наличии арбитражного соглашения (арбитражной оговорки) в контракте.

117393, Москва,
ул. Академика Пилюгина, 22
Тел.: 132-74-17
Факс: 132-00-29

Общество с ограниченной ответственностью

А. КОНСАЛТИНГ

ПРЕДЛАГАЕТ УСЛУГИ ПО:

- ✓ **РЕГИСТРАЦИИ И ПЕРЕРЕГИСТРАЦИИ**
  – РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ
  – ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ, ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЙ, ГРП
- ✓ **РЕГИСТРАЦИИ ВЫПУСКОВ ЦЕННЫХ БУМАГ**
- ✓ **БУХГАЛТЕРСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ**
- ✓ **СОСТАВЛЕНИЮ ОТЧЕТОВ ЭМИТЕНТОВ ДЛЯ ФКЦБ**
- ✓ **ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИЮ СОБРАНИЙ АКЦИОНЕРОВ**
- ✓ **ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЮ РЕЕСТРА АКЦИОНЕРОВ**

☎ **Тел.: 978-65-23**
Факс: 978-64-10

Судебно-медицинская экспертиза

Лицензия ЦЛМД № 8275/8271

ВНИМАНИЮ ВСЕХ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ!

Консультируем по сложным вопросам судебно-медицинской экспертизы.

На основании медицинских документов установим причину наступления смерти, наличие и характер телесных повреждений, давность, последовательность и механизм их образования, степень тяжести нанесения вреда здоровью.

Выдаем независимое заключение для судебных органов.

Мы поможем Вам найти веские основания для пересмотра судебных дел и построить более аргументированную защиту в судебных органах!

Телефон для справок: (095) 901-7537
Для писем: 109125 г.Москва, а/я 18
E-mail: expert@mol.ru

КонсультантПлюс

Общероссийская сеть распространения правовой информации
Законодательство России, Москвы, Московской области, Российских регионов, законодательство для бухгалтера

Ежедневное пополнение информации по модему, еженедельное – курьером
Бесплатный выезд торгового агента для установки демонстрационной версии и консультаций

КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС

125581, Москва, а/я 512
Тел./факс: 453-28-78
“Волна” – региональный центр

ISSN 1025-7225 Rossijskij advokat